ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жан-Луи Брюно

ГАЛЛЫ

История
Галльские территории
Социальная и политическая организация
Пространство и время
Религия
Частная жизнь

ЖАН-ЛУИ БРЮНО

ГАЛЛЫ

Москва
«Вече»

УДК 94(3)(091)
ББК 63.3(0)32
Б89

Scan By Vitautas & Kali

Издание осуществлено при поддержке Национального центра книги Министерства культуры Франции

Ouvrage publié avec le concours du Ministère français chargé de la culture — Centre National du Livre

Перевод с французского А.А. Родионова

Брюно, Ж.-Л.

Б89 Галлы / Жан-Луи Брюно. — М. : Вече, 2011. — 400 с. : ил. — (Гиды цивилизаций).

ISBN 978-5-9533-4656-6

Галлы для греков и римлян были варварами, европейским романтикам они представлялись вдохновенными поэтами и мужественными воинами, для французских историков XIX века они являлись национальными героями, для нас галлы остаются загадочным исчезнувшим народом. Их великолепная цивилизация, существовавшая всего несколько столетий, была поглощена соседними культурами — возможно потому, что она была им слишком близка. Книга французского историка Ж.-Л. Брюно приглашает в увлекательное путешествие во времени, благодаря которому читатель сможет открыть для себя удивительный и поэтичный мир древнего народа.

УДК 94 (3)(091)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9533-4656-6 **Jean-Louis Brunaux. Les Gaulois**
© Les Belles Lettres, Paris, 2008
© Родионов А.А.,
перевод на русский язык, 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ВСТУПЛЕНИЕ

Вероятно, в нашем воображении образ галлов раз и навсегда сформирован. Для нас это семья воинственных народов, повергавшая Рим в трепет на протяжении всего начального периода его истории, позднее оказавшая наиболее ожесточенное сопротивление великому Цезарю. Другими словами, это были грозные воины, к которым французы, начиная с XVI века, изощренно пытаются возвести свою родословную. В западной истории галлы занимают парадоксальную нишу: хотя они и пережили расцвет в течение относительно короткого периода (пять веков) на территории, незначительной в сравнении с землями великих цивилизаций Востока, их имя было хорошо известно народам древности и вплоть до наших дней остается связано с образом воинов, к которому, однако, большинство наших современников неспособно добавить что-либо существенное.

Примерно за два века интенсивных археологических исследований знания об этих древних людях все же значительно обогатились. Любопытно, что при этом сведения о галлах не стали достоянием широких слоев общества. Большинство людей заботливо сохранили образы галлов, навеянные эпинальскими (лубочными. — *Примеч. ред.*) картинками, хотя в них и была внесена какая-то свежесть (самые знаменитые сегодня галлы — это, конечно, Астерикс и его друзья). Со своей же стороны, археологи и историки почти ничего не предпринимали (за исключением нескольких больших выставок, одна из них, *I Celti*, была устроена в Венеции в 1991 году) и оставались сидеть в своих библиотеках и кабинетах древности, отгородившись от всего мира научной лексикой.

Наилучшим примером такого странного «диалога» является само слово «галлы». Модное в течение всего XIX века и в первой половине века XX, сегодня оно покинуло заголовки учебников и книг по истории. Ныне говорят только о кельтах – великой семье народов, занимавшей большую часть европейского континента, членом которой являлись галлы, несомненно, самый прославленный народ. Похоже, что в наше время стыдятся обширного наследия наших великих национально мысливших историков – Жюля Мишле, Анри Мартена, Камиля Жюлиана, которые в смутные, отмеченные антигерманизмом времена назвали галлов не только первыми французами, но родоначальниками нации. Возможно, человек, прочитавший эту книгу, поймет, кто такие галлы и кельты. Возможно, он попытается найти сведения о них в других источниках – исторических трудах или у латинских авторов. Может быть, он проведет параллель между древними кельтами и носителями современного кельтизма (народами Британских островов и Бретани, все еще говорящими на кельтских языках и на этом основании отстаивающими свое кельтское происхождение).

Потому автор поставил своей задачей – правда, с риском прослыть ретроградом (само нынешнее увлечение кельтами не является ли модой?), – рассказать в своей книге о галлах, народе, который именно так был назван античными историками, то есть, обо всех обитателях Галлии (*Galliae*), живших в Континентальной Европе от берегов Рейна до Пиренеев, от Атлантики до сердца Альп и от Апеннин до Марке[1] в Италии. Автор намеренно выбрал период с V века до н.э. (время, когда галлов впервые узнают великие средиземноморские цивилиза-

[1] Область в современной Италии со столицей в г. Анкона. – *Примеч. пер.*

ции) до начала нашей эры, когда галлы уже вполне смешались с римлянами в лоне Римской империи. Этот особый подход (назовем его «галльский») имеет, на наш взгляд, то преимущество, что примиряет надуманный, хотя и не лишенный некоторой объективности, образ галлов (поскольку авторами его были соседи галлов – греки и римляне) с новыми археологическими сведениями о кельтском мире, основанными на многочисленных находках, обнаруженных на галльских территориях – современных Франции, Бельгии, Швейцарии, Северной Италии. Эти находки красноречиво говорят нам о многих особенностях цивилизации галлов, имевшей свою религию, общественные институты и свое искусство.

Разумеется, нам придется опровергнуть многие мифы, рождавшиеся в течение примерно столетия – до Первой мировой войны и еще несколько десятилетий после. Главные были уже упомянуты («галлы являются предками французов, а Галлия – прародина французской нации»). Другие необходимо будет более тщательно разобрать, например ложную концепцию единой и неделимой Галлии, границы которой должны совпадать с границами современной Франции. Мы рассмотрим другую не менее укоренившуюся легенду об этнической однородности населения, не говоря уже обо всех тех общепринятых шаблонах, касающихся характера галлов («сварливые, недисциплинированные, фанфароны, хотя и симпатичные...») и их образа жизни («воины-кочевники и крестьяне, живущие почти как люди каменного века»).

Конечно, нехорошо насмехаться над древним народом и ставить под сомнение целую мифологию, основывающуюся не только на национально ориентированной идеологии и антигерманизме периода 1870–1914 годов, но и на романтической

Галло-римский саркофаг. III в. н.э.

мечте о золотом веке, в котором наши предки — этакие «дети природы» Жан-Жака Руссо — были по своей сущности ближе к добру и гармонии. Впрочем, на взгляд автора, боль от крушения мифов должна быть вытеснена радостью открытия мира реальных людей, принадлежавших по своим религиозным и философским воззрениям, с одной стороны, античности, а с другой — нашей современности и нам, потому что по образу жизни, восприятию и освоению окружающего мира они близки нам.

Только что мы увидели, что в случае галлов, как и большинства древних народов, встает проблема их имени. Если говорить о кельтах и галлах, различие является лишь частичным, поскольку галлы были частью кельтов, но в случае галатов и германцев дело обстоит сложнее. В V веке до н.э. греки первыми назвали обитателей Северо-Западной Европы кельтами (*keltoï*), тогда как римляне, вероятно, только с IV века до н.э. употребляли слово «галлы» (*galli*) для народов, занимающих Галлию (*Galliae*), то есть ту территорию, которая как раз по имени галлов и названа. С III века до н.э. греки равным образом называют *galataï* как кельтов, которые завоевывают Македонию и север Греции и собираются обосноваться в Малой Азии, так и обитателей Галлий[1]. Вообще, переводчики делают различие, называя первых галатами, а вторых — галлами. Но для текстов общего характера и лишенных специфики, не подразумевающих географического контекста, выбор между двумя терминами невозможен ввиду того, что «галаты» (*galataï*), которые завоевывают Грецию, являются галлами, вышедшими из Галлии — из ее центральной и северной частей. Исходя из этого, воз-

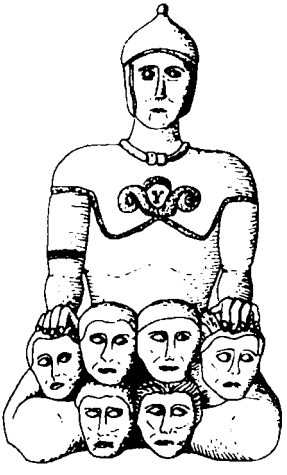
[1] Так в тексте, во множественном числе. Из дальнейшего повествования будет ясно, что автор придерживается концепции, которую можно было бы назвать «кочующей Галлией», или многих Галлий. — *Примеч. пер.*

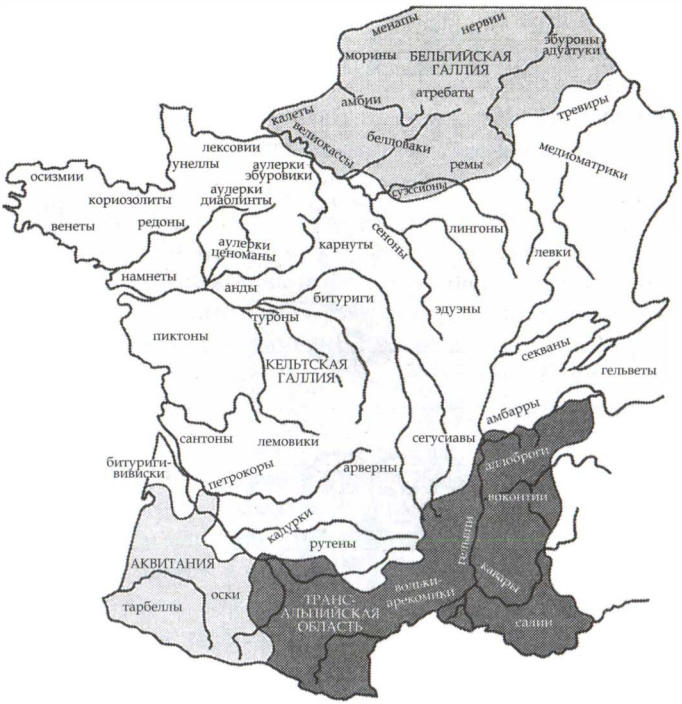
обладала традиция использовать термин «галаты» только для кельтов регионов Стамбула и Анатолии, являющихся, безусловно, галлами, только сравнительно быстро ассимилировавшимися.

В отношении германцев проблема более сложная. *Germanus* по латыни означает «тот, кто принадлежит той же расе», в настоящем случае — «той же расе, что и галлы». Иначе говоря, *germani* должны были бы быть кельтами — очень близкими галлам, но обитавшими за пределами Галлий. Большинство историков не смешивают их с галлами, так как это опять-таки породило бы проблему, как это видно на примере вторжения кимвров и тевтонов — народов, которые наряду со своими вождями носят галльские имена и множеством народов Галлии рассматриваются как ближайшие родственники.

В нашей книге мы будем соблюдать, по крайней мере в ее географическом аспекте, названное разделение, которое является совершенно искусственным и скрывает сложный вопрос происхождения европейских народов, представлявший уже для первых греческих историков и географов особый интерес. Зато о галатах и германцах речь часто будет идти в части исторической. В отношении того, что относится к изучению общества и человека, в расчет будут браться только данные, поступившие с галльских территорий в самом прямом смысле — как они были определены выше.

ГАЛЛЫ





Цизальпинская Галлия
(в обобщенном виде основные галльские народы)

♦ Народы Трансальпийской Галлии, перечисленные Цезарем

Французское название	Латинское название	Локализация
Аллоброги	Allobroges	Между верхней Роной и Изерой
Амбарры	Ambarri	Нижняя долина Соны
Амбианы	Ambiani	Долина Соммы
-	Ambibarri	Армориканцы (локализация проблематична)
Амбилиаты	Ambiliati	Единственная запись названия племени (возможно спутать с Ambiani, написание фигурирует по ряду других манускриптов)
Амбивареты	Ambivareti	Местоположение не установлено, может быть, северо-восток
Амбивариты	Ambivariti	Та же проблема, север Мез
Анды	Andes	Область Анжера
Арверны	Arverni	Овернь
Атребаты	Atrebati	Область Аррас
Адуатуки	Aduatuci	Бельгия (область Намюр)
Аулерки Бранновики	Aulerci Brannovices	Ветвь олерков, чье местопребывание не установлено
Аулерки Ценоманы	Aulerci Cenomani	Область Манн
Аулерки Эбуровики	Aulerci Eburovices	Область Эвре
Оски	Ausci	Область Ош
Белловаки	Bellovaci	Область Бовэ
Бигеррионы	Bigerriones	Область Бигорр
Битуриги	Bituriges	Берри
Бланновии	Blanovii	Можно спутать с бранновиками
Бойи	Boii	Инородцы, утвердившиеся у эдуев

Кадурки	Cadurci	Кверси
Калеты	Caleti	Верхняя Нормандия
Карнуты	Carnutes	Бос
Катуриги	Caturiges	Верхняя долина Дюранс
Цейтроны	Ceutrones	Верхняя долина Изеры
Кокозаты	Cocosates	Плохо локализованные аквитанцы
Кориозолиты	Coriosolites	Кот д'Армор
Диаблинты	Diablintes	Майенн
Элеутеты	Eleuteti	Не локализованы
Элузаты	Elusates	Аквитанцы, область Оз
Эсувии	Esuvii	Кальвадос
Габалы	Gabali	Косс
Гаты	Gates	Аквитанцы, не локализованы
Грайоцелы	Graioceli	Область Мон-Сени
Грудии	Grudii	Пагус, или клиент нервиев
Эдуи	Haedui	Ниверне, Морван
Гельветы	Helveti	Швейцарское плато
Гельвии	Helvii	Севенны
Латобики	Latobici	Пагус, или клиент гельветов
Лемовики	Lemovices	Лимузен
Левки	Leuci	Верхняя Марна
Леваки	Levaci	Пагус, или клиент нервиев
Лексовии	Lexovii	Льевен, страна Ож
Лингоны	Lingones	Плато Лангр
Мандубии	Mandubii	Пюизе
Медиоматрики	Mediomatrici	Лотарингия
Мельды	Meldi	Бри
Менапы	Menapii	Бельгия (Фландрия)
Морины	Morini	Булонне, западная Фландрия
Намнеты	Namnètes	Нантская страна
Нантуаты	Nantuates	Область Нантуа

Нервии	Nervii	Бельгия (Эно, Брабант)
Нитиоброги	Nitiobroges	Область Ажен
Осизмии	Osismi	Финистер
Паризии	Parisii	Область Парижа
Петрокории	Petrocorii	Перигор
Пиктоны	Pictones	Пуату
Плевмоксии	Pleumoxii	Пагус, или клиент нервиев
Птиании	Ptianii	Аквитанцы, не локализованы
Рауракн	Rauraci	Область Бале
Редоны	Redones	Область Редон
Ремы	Remi	Шампань
Рутены	Ruteni	Область Редон
Сантоны	Santoni	Сентонж
Седуны	Seduni	Швейцария (область Сиона)
Сегусиавы	Segusiavi	Форе
Сеноны	Senones	Бос, Гатине
Секваны	Sequani	Верхняя Сона
Сотиаты	Sotiates	Аквитанцы, область Со
Суэссионы	Suessiones	Суассоне
Тарбеллы	Tarbelli	Область Тарб
Тарусаты	Tarusates	Аквитанцы, страна д'Альбре?
Тигурины	Tigurini	Связаны с гельветами, не локализованы
Тревиры	Treveri	Люксембург, Германия (Трир)
Тулинги	Tulingi	Связаны с гельветами, не локализованы
Туроны	Turoni	Турен
Унеллы	Unelli	Котантен
Велиокассы	Veliocassi	Вексен
Велавии	Velavii	Веле
Венеты	Veneti	Морбихан
Венагры	Venagri	Швейцария (область Мартиньи)
Веромандуи	Veromandui	Вермандуа, Тьераш
Вокаты	Vocates	Аквитанцы, страна Бюш

Вокoнтии	Vocontii	Комта, предгорья Альп в Провансе
Вольки Арекомики	Volcae Arecomici	Лангедок
Вольки Тектосаги	Volcae Tectosages	Верхняя долина Гаронны

♦ Народ, не названный Цезарем, так как он уже был интегрирован в Провинции

Салувии	Saluvii	Область Экс-ан-Прованс

♦ Народы Цизальпинской области, названные Полибием и Титом Ливием

Французское название	**Латинское название**	**Локализация**
Галльские народы, произошедшие от мигрантов, пришедших из Трансальпийской области		
Анары	Anares	Область Пьяченца
Бойи	Boii	юго-восток Болоньи
Ценоманы	Cenomani	Левый берег По, вокруг Кремоны
Инсубры	Insubres	Область Милана
Лингоны	Lingones	Может быть, к северу от бойев
Сеноны	Senones	Адриатическое побережье между Римини и Анконой
Кельто-лигурские народы		
Либиции	Libicii	Между Ивреа и Верселле
Левы	Laevi	Область Александрии
Салассии	Salassi	Вал д'Аосте
Таурины	Taurini	Область Турина
Другие смешанные народы		
Оромобии (кельты, лигуры и реты)		Комо, Бергамо
Катубрины (кельто-венеты)		Доломиты

I

ИСТОРИЯ

«Народ без письменности», галлы действительно являются народом без истории, — без своей истории. Впрочем, это справедливо для древнейшего периода, когда у них еще не было никакой письменной традиции и они не входили в общение с цивилизациями, имевшими свою письменность. Но с III века до н.э., а может быть, и раньше, галлы сделали выбор — добровольный и сознательный — в пользу устной традиции. Под влиянием Массалии (нынешнего Марселя) они приняли греческий алфавит, но пользовались им исключительно для расчетов. Отказ делать записи о каких-либо важных событиях, возможно, был результатом религиозного запрета. О последствиях этого запрета нетрудно догадаться: ни у одного из галльских народов не велись административные и судебные архивы, не учреждались, как это было в Риме, официальные летописи, в которых можно было бы найти упоминания по дням обо всех важных политических и религиозных событиях. Устные же знания, в немалой степени поддерживавшиеся друидами, — напротив, вполне годились для развития особых памятных форм. Например, легендарная история, подобная той, что оставил нам Тит Ливий о древнейших временах Рима, или эпопеи, в которых реальные люди принимали героический облик, и истории родов. Однако история галлов не до такой степени темна. Дело в том, что с IV века до н.э. две великих цивилизации северного побережья Сре-

Галльская надпись на вазе

диземного моря, греческая и римская, заинтересовались своими беспокойными соседями, постоянно вторгавшимися в их земли и пытавшимися обживать их. Но, вероятно, еще финикийцы, повествуя о своих морских странствиях, упоминали о жителях Галлии, об их нравах и обычаях, правда, подобные записи сохранились лишь во фрагментах. Этруски были одними из первых, кто начал с галлами торговать, они тоже довольно долго упоминают галлов в своих летописях. Все это говорит о том, что мы имеем дело с конкретными историческими свидетельствами народов, опасавшихся, а чаще всего подвергавших насмешкам галлов и изображавших их как варваров. Дошедшие до нас письменные свидетельства в большинстве своем пристрастны и потому не могут быть названы объективными. О галлах немало можно узнать у Полибия и Тита Ливия, правда, они больше писали о военных столкновениях. Особняком среди всех древних источников стоит труд Юлия Цезаря — «Записки о Галльской войне». Эта книга, пожалуй, самая содержательная и авторитетная, но и в ней автор пишет о галлах как врагах, подлежащих колонизации. У Цезаря, как и у Тита Ливия, не следует искать обилия сведений о происхождении и межплеменных отношениях галлов, еще в меньшей степени в его труде можно найти правдивый рассказ о цивилизации

лизации галлов. Для объективной реконструкции истории этого народа необходим более сложный подход, а именно перекрестное исследование всех известных письменных свидетельств и особенно косвенных источников, главным образом археологических. Археология как нельзя лучше расскажет нам об образе жизни, техническом уровне, жилищах, религиозных обычаях галлов. Именно археология предоставит нам важные материальные свидетельства, которые позволят уравновесить предвзятый дискурс греко-римских историков и географов и помогут установить датировку событий и их географическую локализацию.

Еще раз повторим: галлы предстают перед нами народом одновременно без истории (принадлежа все же к тому, что мы называем протоисторией) и исторически хорошо известным благодаря свидетельствам соседей. В древности они были обособленны и свободолюбивы. В этом отношении галлы похожи на фракийцев: им также приходится мириться со своим положением народа-буфера, находящегося между великими средиземноморскими цивилизациями и далекими варварами — скифами, германцами, северными народами.

Далее мы расскажем о главных периодах истории галлов, об основной хронологии, охватывающей шесть веков их политической независимости. Биографические сведения о знаменитых галлах приведены в конце книги.

ИСТОРИЯ, ОТМЕЧЕННАЯ ВОЙНАМИ И ВТОРЖЕНИЯМИ

Галлы внезапно появляются из доисторической мглы, в которой они медленно рождались и возрастали, для того чтобы в начале IV века до н.э. войти

в историю, когда они вторглись в Италию и взяли Рим. Греки, пожалуй, узнали о Риме лишь благодаря этому оглушительному вторжению, потрясшему весь западный мир. Никогда на протяжении всей своей истории Рим не подвергался такому разгрому. Вероятно, что и Капитолий (вопреки тому, что сообщают римские историки) не устоял перед натиском галлов. Римское население пребывало в таком страхе, что выражение *tumultus gallicus* (галльское вооруженное нападение или галльский бунт) стало обозначать состояние наивысшей военной опасности для отечества. Галлы не довольствуются Римом и продолжают в течение нескольких лет свой сокрушительный поход до Кампании и Апулея, пока не останавливаются в долине По.

Несомненно, вторжению предшествовал очень долгий период, о котором почти ничего не известно. Чтобы составить о нем некоторое представление, нужно вернуться на три-четыре века назад, в ту эпоху, когда греки воспринимали галлов некой безликой человеческой массой. Как показало время, из этой кельтской массы были образованы (вблизи горного массива Альп) могущественные княжества, жаждавшие средиземноморской роскоши. О них свидетельствуют захоронения Викса, Хойнебурга, Хохдорфа. С V века они дают рождение галлам.

Греки были правы, что живо интересовались галлами и их перемещениями. В 280 году до н.э. Македония, Фракия, север Греции захватываются кельтскими отрядами. Среди них присутствуют и ужасные белги, с которыми впоследствии Цезарю суждено будет сразиться в Галлии. С того времени существует поверье, будто бы жемчужина эллинской цивилизации — святилище в Дельфах — не было разгромлено только благодаря вмешательству самих богов. Литература, вся художественная традиция (баре-

Битва кельтов с этрусками. Античный рельеф

льефы с изображением боевых схваток с галлами) свидетельствуют о трепете цивилизованного мира перед этими новыми варварами, которые заняли в воображении его обитателей место персов. Впрочем, однажды галлы совершили переход в Азию и обосновались в Анатолии. Отсюда они еще долгое время оказывали влияние на ход политических и военных событий в Малой Азии.

На протяжении этого периода и формируется галльский этнос, известный нам по сочинениям Полибия и Тита Ливия (Цизальпинская область), а также книгам Цезаря и Страбона (Трансальпийская область). Этот этнос не был ни гомогенным, ни устойчивым. С древних времен не перестают интересоваться этническим происхождением его компонентов. Наиболее простой география галлов представляется в Северной Италии. Племена, происходившие из Центральной Франции (к которым, вероятно, присоединились альпийские народы), должны были начать миграцию в долину По и в Марке с конца V века. Они смешались с теми, кто уже там проживал, — лигурийцами, венетами

и этрусками. В Трансальпийской Галлии ситуация более сложная. Ядро древнего населения, крепко укорененное в кельтской культуре, занимало центральную и восточную части Франции по крайней мере с V века. Именно эту область Цезарь называет Кельтской Галлией, откуда начинались наиболее древние вторжения – преимущественно в Италию. Юго-восток был занят более пестрым населением: здесь к лигурийцам присоединились переселенцы из центральной части Галлии, но также и из Испании (иберы, затем кельтиберы). Юго-запад был заселен исключительно аквитанцами (как их называет Цезарь), которые должны были бы достаточно сильно отличаться от прочих галлов. Северная и западная части Галлии, первоначально заселенные весьма малочисленными автохтонными популяциями, начиная с конца IV века были захвачены пришедшими из Германии и из Центральной Европы белгами. Все эти движения племен в начале II века постепенно приостанавливаются, но со 125 года вновь набирают силу. Причина тому – ужасающее вторжение кимвров и тевтонов, по сути, германцев и кельтов, которые угрожают Италии и в своем движении увлекают множество галльских племен. Это всего лишь начало новой серии германских вторжений, опасных для неустойчивого галльского равновесия. Германцы, часто состоящие в тесном родстве с галлами, особенно с белгами, стараются прижиться в Галлии. Между прочим, галлы сами призвали Цезаря, чтобы тот положил конец германским набегам. Чем это приглашение закончилось, по крайней мере в военном отношении, хорошо известно. Римский поход вызвал ожесточенное сопротивление, не утихавшее в течение почти десятилетия. Но последующие века, хотя и не оставлены были вниманием античных историков, проливают немного света на формирование галльского мира. Древние

племена Галлии создают собственные города, подобные образцовым провинциальным городкам Римской империи. Тем не менее галльская цивилизация не исчезает полностью.

Даже на своем закате (в два последних века до нашей эры) цивилизация галлов, одна из самых неустойчивых, эфемерных цивилизаций древности, проявляет удивительную способность к сопротивлению, объединению племен различного происхождения в союзы. Галлы, как и кельты в целом, были наименее одарены административным гением в том, что касается государства, территорий и распределения благ. Политически незрелые, проявлявшие мало заботы об установлении подлинного общественного строя с долговечными учреждениями, они, не теряя общеплеменного единства, мощно воздействовали на своих соседей в культурном отношении. У галлов были особые представления о происхождении мира, и на этом основывалось их уникальное мировосприятие. Оно проявлялось в языке, верованиях и в искусстве, не похожих ни на какие другие. Все это духовное наследие не могло раствориться ни в римском материализме, ни в греческом эстетизме. И уж никак галлы не могли изменить самим себе по принуждению. Вот почему в галльской истории, в которой необычайно трудно найти отправную точку, почти невозможно определить время ее завершения.

КЕЛЬТЫ — ПРЕДКИ ГАЛЛОВ

Галлы – это кельты, они принадлежат огромной семье народов, образующих кельтскую общность от Черного моря до Британских островов. Галлы вышли из этой общности. Кельты были известны другим народам по крайней мере с V века до н.э. Народ под именем «галлы» появляется лишь в III веке. Действительно, греческие историки эпохи Геродота

Голова кельта. Найдена в Мшецке Жехровиде (р-н Нове Страшеци), Чехия

знают лишь *keltoï* — разнородную массу варваров, считая, что живут они за пределами страны скифов, по берегам «Океана», то есть на краю населенного мира. Еще раньше, во времена Гомера, кельты, о существовании которых уже было известно, назывались гиперборeями («те, кто обитают по ту сторону дуновений холодного Борея»).

Прежде чем обосноваться в самых западных краях кельтской ойкумены (VII–VI века до н.э.), галлы, вероятно, не знали самоидентичности. Именно взаимовлияние (осмос) между галлами и почвой (территорией) дало рождение словам *galliae* (les gaules) и *galli* (gaulois)[1], которые греки обычно переводили, как *galataï*.

Сложнее узнать, кто такие были кельты — предки галлов — и каково их происхождение. Они образовали весьма разноликую общность племен, которая занимала все свободное пространство между скифами, располагавшимися к востоку от Черного моря, Альпами, иберами, занимавшими часть Испании, и океаном. Эти полукочевые племена могли вести раз-

[1] Из чего следует, что les gaules и gaulois следует переводить по-разному. Скорее всего первое следует переводить как «галлы», а второе — как «галльские». Второе, так же как, к примеру, «русские», является прилагательным по форме, но существительным по смыслу. Поэтому оба термина будут переводиться как «галлы». — *Примеч. пер.*

ный образ жизни (он зависел от природных условий и окружения), но поклонялись одним богам, имели общие представления о загробном мире и все без исключения любили воинское искусство.

Обычно появление кельтов связывают с началом периода, который археологи называют эпохой железа (примерно 800 год до н.э.). Это очень условная археологическая дата, поскольку уже с конца эпохи бронзы территория от Центральной Франции до Богемии указывает на некую общую материальную и духовную культуру, проявлявшуюся в керамике, изделиях из металла и похоронных обрядах. В этих археологических находках следует усматривать следы первых кельтов, так как принято считать, что эволюционные изменения в протоистории происходили на протяжении очень длительного времени и что кельтская цивилизация обнаруживает свои истоки во второй половине II тысячелетия. На те же выводы наводит и изучение языков. Действительно, кельтские языки отнесены к индоевропейским. Лингвисты и исследователи мифологии — такие, как Жорж Дюмезиль, — показали, что такое тождество языков передает этническое родство и отражает определенное единство образа жизни и мыслей. Общие слова и корни в языках предполагают общие представления и понятия. Нет сомнений в том, что когда-то существовал древний народ — индоевропейцы, расселившиеся по всей Европе и Западной Азии, и определенно именно из их среды вышли кельты.

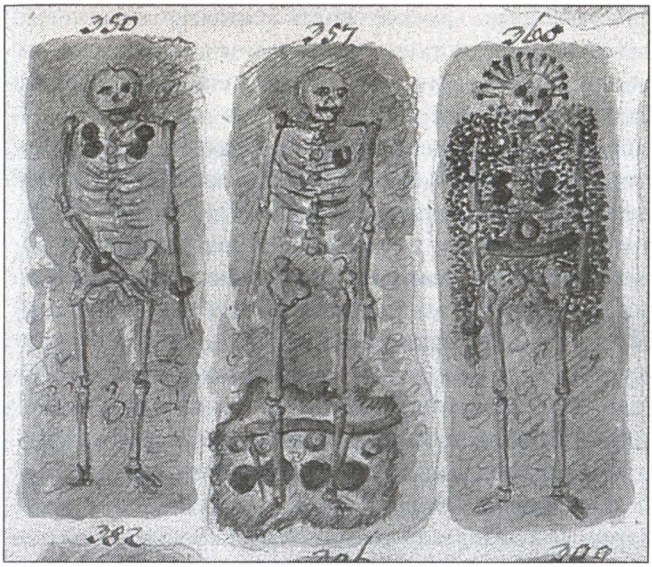
ГАЛЬШТАТСКИЕ КНЯЗЬЯ И ЛАТЕНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В наше время археология делает наиболее значительные открытия, доставляющие нам множество важных предметов и фактов, относящихся к

той отдаленной эпохе, когда народы, жившие на побережье океана, впервые были названы, а затем уже навсегда вошли в сознание греков под именем гиперборейцев и киммерийцев. Действительно, археологи раскрыли ряд богатых захоронений, часто расположенных в укрепленных жилищах, что свидетельствует о высоком общественном положении умерших. Ученые полагают, что такие захоронения должны были принадлежать кельтским или гальштатским князьям. Последнее словосочетание соотносится с гальштатской культурой по эпонимическому названию одного некрополя в Австрии, хранившего исключительно ценные и редкой красоты предметы эпохи VII–VI веков до н.э.

Об этих князьях и их цивилизации нам известно лишь по данным археологии. Самыми замечательными памятниками являются могильные холмы (курганы) необычайных размеров – от 50 до 100 м в диаметре, а в высоту достигающие 15 м. Умершего укладывали в просторном помещении, обшитом деревом, с перегородками, покрытыми богатыми тканями, здесь же оставлялось дорогое имущество, часто – парадная четырехколесная колесница, покрытая листами бронзы, посуда и украшения из Этрурии, Греции или из Великой Греции. Превосходными примерами служат могила «княгини из Викса» (Франция), в которой археологи нашли самый большой из известных в греческом мире бронзовый кубок, и захоронение «князя из Хохдорфа» (Германия), в котором среди прочего находилась любопытная скамья из бронзы с удлиненными ножками на колесиках.

Эти вещи и драгоценности свидетельствуют о необычайно тесных связях между миром кельтских князей и ближайшими средиземноморскими цивилизациями венетов, этрусков, греков. Тому подтверждение – найденные предметы на раскопках укрепленных гальштатских жилищ. В Хойнебурге



Зарисовка кельтских погребений в Гальштате

(Германия), в Шатильоне-сюр-Глане (Швейцария) и в Виксе была обнаружена керамика весьма высокого качества: аттические вазы, фокейские изделия, свидетельствующие о торговле, безусловно ограниченной по товарообороту и торговым путям, но тем не менее регулярной. В Хойнебурге способ возведения фортификаций признан греческим, там же литейная форма для креплений бронзовых кувшинов похожа на этрусскую.

Эти открытия в некоторой степени проливают свет на то, кем были князья, вероятно, стоявшие во главе небольших сообществ, но весьма могущественные, чтобы быть похороненными с таким почетом в подобных крепостях. Князь был скорее не воином, а аристократом, ценившим богатство и роскошь. Его высокое положение было, вероятно, наследственным, и торговля, наравне с контролем над торговыми путями, еще более возвышала его среди

своего народа. Однако власть и влияние князя основывались еще и на его духовном и религиозном положении. В сознании соплеменников он, возможно, был неким полугероем на иерархической лестнице, занимавшим ступень между людьми и богами. Так, пиршество, на котором вино уподобляется некоему эликсиру жизни, представляется не только как ритуальное действо, но также как важное событие для сообщества, ведь в этот момент князь делится благами со своими приближенными. С этой эпохи проявляется самый характерный для кельтов и галлов тип социальных отношений, а именно клиентела. Он позволяет князю делегировать свои полномочия и распространять их на более обширную территорию, полностью сохраняя свое высокое положение.

Но князья, оставившие следы своего присутствия повсюду вокруг горной цепи Альп, – возглавляли ли они настоящие княжества? Было бы чересчур оптимистично так утверждать. Если о «княжеских центрах» – ансамблях, включающих крепость, некрополь и иногда явно выраженную княжескую резиденцию, – можно вести речь, то уверждать существование внутренней территории страны, *хоры* в греческой терминологии, затруднительно. Констатируем только, что все эти центры имеют схожую топографию: они находятся на важных путях, на выходе из Альп, по оси Рона – Сона – Сена, на Рейне, Дунае или По.

По неясным причинам гальштатские князья исчезают в конце VI века до н.э. Возможно, виной тому были территориальные конфликты, упадок торговли, радикальная эволюция слишком иерархической общественной структуры. Долгое время археологи в этой гальштатской культуре желали видеть истоки латенской цивилизации, которая расцветает в V веке и отмечает появление галлов. Но от такой точки зрения пришлось отказаться,

так как она противоречила фактору медленного созревания этих культур. Латенская культура, если и наследовала гальштатской, то не могла родиться из нее столь быстро; одна зрела, тогда как другая уже приходила в упадок. И все же феномен князей и их быстрый закат должны были послужить катализатором блистательной латенской культуры.

Латенским периодом археологи называют вторую эпоху железа (V–I века до н.э.). Она получила свое название по имени знаменитой местности Ла-Тен в Швейцарии. Латенский период отмечен некой общей и характерной материальной культурой, выражающейся в керамике, оружии и снаряжении, произведениях искусства (украшения и монеты), но также в учреждениях повседневной и религиозной жизни (жилища, укрепления, захоронения, места отправления культа). Свидетельства греческих и римских историков помогают в этих материальных проявлениях распознавать следы цивилизации кельтов. Их называют историческими кельтами, дабы отличать от их предков первой эпохи железа или от носителей более разнообразных кельтских языков.

Латенская цивилизация – это цивилизация галлов, равно как и других кельтов, которые на момент своего полного распространения (примерно в III веке до н.э.) занимают территорию, простиравшуюся от Британских островов до Черного моря и от Дании до области Марке в Италии. Во второй эпохе железа различают три фазы, которые называются по-разному, в зависимости от авторов используемой хронологии. Ранний период латенской культуры (V и IV века), Средний (от начала III века до 125 года до н.э.), Поздний (от 125 до 30 годов до н.э.).

В начале второй эпохи железа галлы еще не отчаются от остальных кельтов, но одна легенда – из

того же рода, что повествует Тит Ливий касательно первого галльского вторжения в Италию в самом начале IV века, — полагает, что начиная с данной эпохи, в Галлии уже господствовали могущественные и организованные этнические группы: это были предки племен битуригов, карнутов, ремов, которых позже повстречает Цезарь. Эту гипотезу подтверждает археология. Выделяется большое количество археологических находок, относящихся к V веку до н.э., найденных во многих областях (Шампань, Арденны, Ренания, Центральная Франция, Арморика). В этих захоронениях в большом количестве находят великолепно изготовленные предметы: богато украшенную керамику, оружие, украшения, иногда боевые повозки. Эти предметы свидетельствуют о существовании небольших человеческих сообществ — в несколько сотен человек, неизменно управлявшихся немногочисленной местной аристократией.

♦ Хронология эпохи железа

1-я эпоха железа гальштатская культура	Ранний период	Ha C	–800
			–650
	Поздний	Ha D	–475
2-я эпоха железа латенская культура	Ранний	LT A	–375
		LT B	–275
	Средний	LT C	–150
	Поздний	LT D	–25

ВЕЛИКИЕ ВТОРЖЕНИЯ

Первые обширные летописные свидетельства о галлах относятся к 390-м годам до н.э., когда они впервые вторгаются на Апеннинский полуостров, захватывают Рим и далее движутся вплоть до юга полуострова. Легенда, сообщаемая Титом Ливием, утверждает, что Амбигат — царь битуригов, кото-

рый правил тогда третьей частью Галлии (то есть всей центральной частью, которую Цезарь называет кельтской) — по причине неимоверного роста своего населения послал двух своих племянников, Белловеза и Сиговеза, и всю молодую поросль страны завоевывать новые земли. Одно войско отправилось на восток, к Герцинскому лесу, другое — к Италии. Легенда основывается на исторических фактах о важных перемещениях галльских народов — явных с конца V века, ощутимых по следам, которые они оставляют в областях своей колонизации, но также по пустошам, которые они оставляют на территориях своего происхождения (особенно в Шампани). Даже если принять в расчет бесплодие земель и отсталые сельскохозяйственные технологии, эти вторжения, вероятно, не имели других причин, кроме демографических. Другая древняя легенда утверждала, что галлов привлекли вино, фиги и оливковое масло. Некий Геликон — гельветский кузнец, работавший у этрусков, убедил своих соплеменников поселиться в этой земле обетованной. Возможно, сугубо материальные причины сыграли свою роль, но имела значение и позиция этрусков, которые слишком рано стали использовать галлов в качестве наемников (та сфера деятельности, в которой они очень быстро раскрыли великолепные способности).

Тит Ливий упоминает, связанных с битуригами в их странствиях, арвернов, эдуев, амбарров, карнутов, аулерков. Потому следует считать, что с начала второй эпохи железа эти народы были достаточно могущественны, чтобы отправить всю свою молодежь на поиски новых земель, и что огромные просторы Галлии были ими плотно заселены. Иначе говоря, держава галлов могла создаваться в течение продолжительного периода. И что бы ни говорила легенда, вторжение галлов в Цизальпинскую об-

ласть (Северная Италия) происходило волнообразно и достаточно долго, возможно, в течение 50 лет. Первая волна пришельцев заняла истоки По, вторая захватила соседние земли в южном направлении и т.д. Сеноны – последние из пришельцев – заняли Марке, близ сиракузской колонии Анкона. Им продвигаться на юг помешали могущественные умбры и пицении, тогда сеноны пересекли Апеннинские горы, чтобы обрести новые земли в стране этрусков. Сеноны осадили Клузий – этрусский Кьюзи. Но вмешались римляне и, можно предположить, что именно они убили, во время посольства, галльского военачальника. Разгневанные галлы отправились на Рим и захватили его. Владея городом семь месяцев, они оставили его лишь после получения огромного выкупа, который потребовал вождь Бренн. Тит Ливий утверждает, что Камилл нарушил договор и изгнал галлов. Но лучше стоит довериться великому историку Полибию, который говорит, что галлы должны

На сохранившихся фрагментах фалисского стамноса изображена сцена сражения галлов с италиками. IV в. до н.э.

были возвратиться на свои земли на севере Италии, тогда как некая часть их войск время от времени перемещалась на пространстве между Кампанией и Апулеем, получая жалованье от жителей Сиракуз.

На протяжении этого же периода галльские пришельцы стали выступать против могущественных венетов, которые жили на северо-востоке (венецианская область), так как новые волны галлов из центра Галлии все прибывали и прибывали. Последовала серия войн между самими галлами, которые Полибий назвал племенными. Вторая половина IV века до н.э. – это время относительного мира, во время которого цизальпинские галлы обживают новые территории и в течение которого Рим тоже усиливается и распространяет свою власть по всей Центральной Италии.

В конце того же века северо-западная область обитания галлов испытывает новые вторжения. Позже они описаны Цезарем, и археология уверяет нас в их истинности и дает их хронологию. Сюда приходят белги, которые прежде жили в Центральной Европе (Бавария – Богемия), они действуют тем же способом, что и их сородичи в Цизальпинской области, – прибывают уже организованными волнами и располагаются к северу от Сены в лучших землях. Следующие за ними обосновываются на этот раз все больше к северу, таким образом заканчивается захват пространства между Сеной и Рейном. Эта миграция длилась больше столетия и завершилась лишь к началу II века. Цезарь указывает, что белги изгнали галлов-туземцев, чтобы захватить их земли. Такое маловероятно. Скорее, они превращали местное население в своих рабов или зависимых крестьян, так как именно с этой эпохи на всем севере Франции особенно интенсивно развивается культура обработки земли и ведения хозяйства.

Принадлежали ли к этой белгской миграции вольки, арекомики и тектосаги? На эту мысль мог-

ла бы навести близость звучаний имен — «вольки» и «белги». В любом случае кажется, что все эти племена разделяли одну и ту же страсть к дальним военным походам, а вольки, согласно античным легендам, должны были бы принимать участие на стороне белгов в великой военной экспедиции в Македонию и Грецию.

Вторжения белгских племен более всего увеличило и усилило кельтское население Галлии, также они были последними кельтскими завоевателями. Поскольку перемещения кельтских народов в самой Галлии и между Галлией и Центральной Европой до римского завоевания никогда не прекращались, некоторые области становились местом почти непрекращающихся нашествий. Такова была участь территории нынешней Швейцарии, находившейся на перекрестке миграционных путей между Италией, Галлией и Центральной Европой. Народы, жившие здесь, вынуждены были принимать, хотя бы на короткое время, различные племена, которые предлагали себя в наемники или искали новые земли. Прованс по тем же причинам также испытал множество миграций, но меньшего масштаба. Здесь горцы-лигуры к востоку, Массалия к югу, а иберы к юго-западу образовывали труднопреодолимый барьер.

Любовь к передвижениям, общение с дальними племенами, межплеменные браки, гостеприимство, обычай брать заложников являются одними из самых характерных черт кельтов.

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ: РИМСКАЯ УГРОЗА

Однако галлы стремились к оседлости, они нуждались в хороших землях, окруженных достаточно неосвоенными пространствами. В Северной Ита-

лии десяток крупных галльских народов, расположившихся в долине По, был окружен разноплеменными, но неизменно могущественными соседями. Галлы ассимилируют лигуров, сталкиваются, без особого успеха, с венетами, договариваются с этрусками и умбрами. Но самые большие трудности возникают у них с римлянами, поскольку галлы воюют против них на стороне этрусков и италиков юга, а римляне в свою очередь с начала III века до н.э. обратили вожделенные взоры на земли Цизальпинской области. Риму потребуется еще чуть больше века, между 295 и 190 годами до н.э., чтобы осуществить свои агрессивные замыслы. Такой достаточно долгий период объясняется среди прочих причин вмешательством Ганнибала в цизальпинские дела.

Сеноны, ответственные за взятие и разграбление Рима, при этом и поселились ближе всего к Цизальпинской области. В конце мирного периода, длившегося примерно век, они участвовали в Третьей самнитской войне. После учиненного ими римлянам оглушительного разгрома при осаде Аррециума (Ареццо) несколькими месяцами позже они все-таки были разбиты. Римляне их уничтожили и основали колонию Сена Галльская. Галльские соседи сенонов – бойи не помогли сенонам, но они дважды вступали в союз с этрусками, дабы сдержать передовой фронт римлян. Оба раза они были разбиты. Тогда бойи подписывают мирный договор с Римом, который соблюдался обеими сторонами 45 лет. Однако в то же время римляне продолжают свою политику территориальной экспансии на север по обоим побережьям – Тирренскому и Адриатическому. К концу III века становится очевидным, что бойи и их соседи попадают в центр римского внимания. Вместе с инсубрами и гезатами (племена наемников, пришедшие из Галлии) они выступают против римлян, к которым присоединились ценоманы и венеты в 225 году

в Теламоне. Римляне их разбивают и за три года усмиряют всю Цизальпинскую область. Тут же они основывают две новых колонии: Плезанс – у анаров и Кремону – у ценоманов.

Приход Ганнибала в Северную Италию пробуждает надежды галлов на возвращение независимости. Но карфагенянин оказался плохим дипломатом, а Рим уже располагал в Цизальпинской области большой сетью доносчиков. Между двумя воюющими сторонами галлы ведут двойную игру, которая им нисколько не помогает. Только бойи сражаются отчаянно, правда, в тех случаях, когда речь идет о защите их собственной территории. В 200 году до н.э. им удается создать коалицию почти из всех галльских народов, что позволяет им разрушить Плезанс, но в Кремоне они терпят поражение. Сражения продолжаются в течение девяти лет. Однако римляне, справившиеся с карфагенской угрозой, одерживают победу. В 191 году покоряются бойи. Новая колония учреждена в Фельсине – это нынешняя Болонья. С тех пор Цизальпинская область окончательно усмирена.

В Западной Галлии ситуация совершенно другая – конфликты, по крайней мере в первое время, касались лишь самих галлов: пришельцы воевали против местного населения. Цезарь говорит нам, что до его прихода войны в Галлии были постоянными. Они были двух типов. Прежде всего территориальными: вторжения белгов нарушили неустойчивое равновесие «первого» кельтского населения Галлии. Подобно эффекту домино многие народы переместились к югу и западу. Сами белги не останавливаются на берегах Сены, а переправляются через Ла-Манш, и часть из них остается на юге Британии. Теперь, по остроумному выражению Камиля Жюлиана, «Ла-Манш становится белгским

Средиземноморьем». Другие войны были межплеменными: это могли быть набеги длительные или продолжительные с целью грабежа, установления гегемонии, захвата заложников. Такие набеги, непременно сопровождавшиеся реваншами, явно имели агонистический характер; они поддерживали боевой дух белгов — единственного племени галлов, не растерявшего свою воинственность за три века независимости. Цезарь говорит нам, что до его прибытия белги каждый год переправлялись через Рейн воевать с германцами. Цезарь особо ценил этот способ поддержания если не дружбы, то по крайней мере здорового боевого противостояния.

Во II веке до н.э. римляне не проявляли никакого интереса к Трансальпийской Галлии. Единственно, о чем они заботились, так это о свободном выходе к морю с лигурийских берегов и о сообщении между Пизой и Таррагоном. Вплоть до начала II века Массалия и прочие греческие колонии играли одновременно роль перевалочных пунктов на этом пути — и были охранниками региона на случай вмешательства тирренских пиратов и лигуров в греко-римскую торговлю. В 154 году до н.э. Антиполис (Антибы) и Никея (Ницца) были даже оккупированы этими разбойниками. Массалия обратилась за помощью к Риму, который скоро освободил оба города и подарил ей отнятые у лигуров прибрежные территории. Тридцатью годами позже фокейская колония вновь обращается к Риму, на этот раз с просьбой защитить ее от кельто-лигурийского племени салувиев (область Экс-ан-Прованс), живших по-соседству на севере.

Причины этого конфликта разнообразны и непосредственно касаются истории Трансальпийской Галлии III и II веков до н.э. Тогда Галлия была поделена на две больших «империи», в каждой из которых властвовал один народ. Центральная и Южная

БЕЛГИ Кельтские племена *СВЕВЫ* Германские племена

Владения римлян в Галлии к 58 г. до н.э.

Территория, завоёванная римлянами в 58–51 гг. до н.э.

Границы римских провинций в 16 г. до н.э.

① Белгика ② Лугдунская Галлия

③ Аквитания ④ Нарбонская Галлия

Сокращения:

Н.(Ар.)– Неметоценна (Аррас) *Н.(Н.)*–Ненаузус (Нин)

Ц.(Ор.)– Ценабум (Орлеан)

(Кельтская) Галлия были под властью народа арвернов. Северная и Западная Галлия управлялись ремами, которые вынуждены были позднее уступить эту роль суэссионам. С середины II века власть арвернов была поколеблена эдуями. Салувии, входившие в союз арвернов, тут же нарушили неустойчивое равновесие, в котором Массалия и Рим имели свой интерес. Через посредничество эдуев они развивали торговлю внутри Галлии, которая приносила все больший доход. Римский сенат даже присудил эдуям редкий титул «братья крови».

ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА И НАЧАЛО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В 125 году до н.э. римляне выступили против коалиции лигуров, воконтиев и салувиев, которых разбили довольно быстро. Эта военная вылазка объясняется торговыми причинами, о которых только что было сказано, но, вероятно, также боязнью германцев, у которых как раз в то время началось брожение. Нужно было защитить наземные сообщения между Италией и Испанией. Вот почему в Аквах Секстовых (нынешний Экс-ан-Прованс) был размещен один гарнизон; по этой же причине земли салувиев были конфискованы — на этот раз в пользу самого Рима.

Этот римский поход имел два следствия. Аллоброги взялись защищать салувиев. Арверны, обеспокоенные возрастающим влиянием эдуев, оккупировали их территории. Последние требовали защиты у Рима. Это обращение пришлось как нельзя кстати, так как в ту эпоху правители Рима обещали своему народу новые земли. Сначала Домиций Агенобарб разбил аллоброгов. Затем армия под командованием Фабия Максима выступила в поддержку Домицию, чтобы объединенными силами пойти против царя могущественных арвернов Битуита. Римляне одержали победу. Тут же на территориях аллоброгов и салувиев, между Испанией и Италией, была организована Провинция. В 118 году до н.э. была основана колония Нарбо-Марциус (*Narbo Martius*).

Данные события, как уже было сказано, имеют прямую связь с ужасным германским вторжением, которое готовилось на севере в два последних десятилетия II века. Кимвры, уроженцы Ютландии, числом 300 000 воинов, спустились к югу. Белги — могущественные и объединенные в прочный союз — их останавливают и вынуждают повернуть в Централь-

Битва римлян с галлами. Барельеф на римском саркофаге. Фрагмент. Около 51–53 гг. до н.э.

ную Европу. Затем тевтоны и амброны — уроженцы северо-востока и столь же многочисленные — нависают над Римской Провинцией[1]. Эти новые передвижения народов пробуждают у некоторых галлов поползновения к антиримскому мятежу. Волькитектосаги, заключившие с Римом договор и обязавшиеся содержать у себя римский гарнизон, истребляют его. В то же время некоторые народы, неспокойные и родственные германцам, объединяются с ними в военный союз. Тигурины, одно из племен

[1] Здесь и далее Провинцией или Римской Провинцией именуется Трансальпийская Галлия, уже давно входящая в сферу влияния Рима. — *Примеч. пер.*

гельветов, присоединяются к грандиозной миграции, входят в Римскую Провинцию, чтобы овладеть Тулузой. Они сталкиваются с римской армией, которую без особого труда разбивают. Взяв заложников, половину снаряжения и, вероятно, немалый выкуп, они возвращаются в свои земли.

Пробыв некоторое время на берегах Рейна, кимвры в 105 году до н.э. спускаются по Роне. Две римские армии безуспешно пытаются их остановить у Оранжа. Кимвры посылают свои авангарды в Аквитанию и входят в Испанию, где кельтиберы их отбрасывают. В 103 году они возвращаются в Галлию, которую грабят и объединяются с тевтонами на южной границе белгов. Объединенные племена решаются на захват Италии, следуя четкому плану: кимвры идут восточнее, через Баварское плато и через Бреннер, тогда как тевтоны атакуют западнее – через Рону и Прованс (Провинцию). Перед лицом ужасной угрозы Риму удается направить сюда талантливого полководца консула Мария, который встает в Провинции с сильной армией. В 102 году во впечатляющей битве он разбивает тевтонов при Аквах Секстиевых, а в следующем году присоединяется к армии Катулла в Верцеллах (нынешний Пьемонт), чтобы окончательно отбросить кимвров.

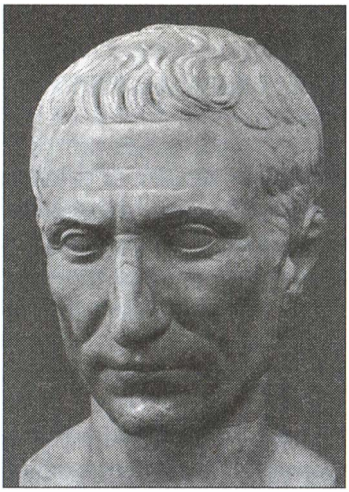
Эти вторжения имели фатальные последствия для экономической и социальной жизни большей части Галлии. Только белги не слишком от них пострадали, хотя и они в конце концов вынуждены были уступить территорию близ Намюра кимврам и тевтонам, чтобы племя адуатуков имело возможность разместить там их имущество. Остальная Галлия была совершенно опустошена, особенно центральная ее часть. Эти события выявили недееспособность правящей аристократии. Многие благородные роды исчезли, и приходилось обращаться к людям низкого звания, способным орга-

низовать отпор захватчику. Постоянная угроза в течение десяти лет особенно нависала над разрозненным сельским населением. Восстанавливались старые укрепленные места, возводились новые. Это период увеличения числа *oppida* – цитаделей, характерных для кельтского мира. Их площадь увеличивается не только для того, чтобы принимать население и скот. Крепости были необходимы для защиты торговли и ремесел. В стране, которая не знала больших городов, начала развиваться протоурбанизация.

В Трансальпийской области – Римской Провинции – происходят не менее важные перемены. Галлы сохраняют свою идентичность и автономию, равно как политические и религиозные устои. Но теперь они вынуждены в большей степени учитывать интересы колонистов и римских торговцев, а также платить Риму налоги. Но главные беды исходят от посланных Римом наместников, которые зачастую ведут себя как тираны и используют свою должность в качестве источника для личного обогащения. Самый знаменитый из них – Фонтей, его галлы преследовали по суду, а защищал его Цицерон. Впредь римская и галльская политики нераздельны. Так однажды аквитанцы – близкие иберам и кельтиберам – принимают сторону Сертория, поднявшего Испанию против Суллы, и напрямую управляют Нарбоном и Массалией. Затем, например, когда народы Провинции пошли на раскол, их вынуждены были усмирять Помпей и Фонтей.

ЦЕЗАРЬ В ГАЛЛИИ

Через четверть века после поражения кимвров и тевтонов политическая карта Галлии очень изменилась. Держава арвернов, оставленная без средиземноморских рынков сбыта, уступила место эдуйско-



Юлий Цезарь. Скульптура I в. н.э.

му союзу. Он экономически и политически опирался на регион рек Соны и Сены. Этот водный путь при посредничестве битуригов и их клиентов связывал Римскую Провинцию с Ла-Маншем и океаном. На карте земли союза выглядят как вбитый в Галлию клин, делящий ее на две части: с одной стороны, белги и германцы, с другой — Кельтия и Аквитания. Это был великолепный плацдарм для торговых устремлений Рима.

Германское давление не исчезло, но проявлялось по-разному. Белги в состоянии перманентной войны сдерживали зарейнские племена, с которыми они при этом зачастую находились в состоянии дружбы и родства. Галлы востока торговали с германцами и даже использовали их как наемников. Секваны, оспаривавшие гегемонию у эдуев, боролись за доступ к Соне, и вместе с германцами им удается отбить часть эдуйской территории, соседствующей с этой рекой. Секваны состояли в союзе с арвернами. Теперь в Галлии были две противоборствующие союзу силы: одна — эдуев, вторая — арвернов с секванами. Борьба за господство в Галлии, таким образом, становилась борьбой заговорщических групп, в которых, если в этом вопросе доверяться Цезарю, принимали участие не только люди низкого звания, но и все родовитые фамилии. Можно назвать две основные группы: с одной стороны, эдуйская

партия, являвшаяся партией Рима, с другой — традиционная партия, отстаивающая независимость галлов, вынужденная также считаться с интересами германцев.

Секваны, имевшие собственные интересы, настойчиво просили помощи могущественных германцев-свевов и их короля Ариовиста. Он не ограничивался обычным жалованьем и добычей, захваченной у эдуев, но требовал одну треть новых секванских территорий, а потом еще и вторую треть для родственных ему гарудов. Несомненно, именно эта новая ситуация побуждает трех представителей знатных родов (Оргеторикс у гельветов, Кастик у секванов и Думнорикс у эдуев) составить заговор, цель которого была, с одной стороны, восстановить царскую власть у всех трех племен, с другой — заново учредить новый союз, способный править всей Галлией, который установит заслон как римлянам, так и германцам. Заговорщики рассчитывали, что гельветы вновь попытаются обосноваться на западе Галлии, вблизи вольков-тектосагов. Для этого гельветы два года готовились к своему походу. Именно в момент, когда они в 58-м покинули свою страну и выбрали путь по Провинции — самый легкий для передвижения, — вторгается Цезарь.

Цезарь был назначен проконсулом Галлии в 59 году до н.э. Эта должность необходима была ему по многим причинам: он жаждал славы, нуждался в деньгах, и будущая война могла обогатить его. Кроме того, он руководствовался интересами Рима. Нельзя было позволить гельветам пройти через Провинцию, так как их примеру последовали бы германцы. Храбрые гельветы могли в будущем сдерживать германцев — вот почему, разбив их, Цезарь предпишет вернуть им их территорию. Но по ту сторону причин, относительно конъюнктурных и матери-

альных, которые диктуют развязывание Галльской войны, нужно признать за Цезарем более грандиозный замысел, который и придает смысл передвижениям римских армий в Галлии. (Если читать «Записки о Галльской войне», эти передвижения могут показаться беспорядочными или, по крайней мере, обусловленными случайными мятежами галльских племен.) Цезарь еще до начала войны определил роль, которую могла бы играть Галлия в орбите римского влияния и перед лицом варваров Севера. По видению Цезаря, она должна была стать не только источником богатств для Рима, но также и незыблемой его северной границей.

Прежде всего Цезарь нейтрализовал германцев Ариовиста, с которыми у римлян был договор о дружбе. Теперь у него были развязаны руки, чтобы заняться гельветами: он запретил им миграцию и заставил вернуться в свои земли. Бойи последовали за гельветами. Издавна пришедшие из Германии, они были присоединены к эдуям, чтобы увеличить общее число населения, а также чтобы восполнить потерю воинов, убитых в недавних сражениях с германцами. Галльские народы, удивленные быстрой победой римлян над могущественными гельветами, поняли, что могут рассчитывать на Рим в борьбе с Ариовистом. К изменению позиции галлов во многом был причастен представитель эдуйской знати и эдуйский сенатор Дивициак. Он был знаком с Цезарем с момента своего посещения Рима в 63 году до н.э. и служил ему посредником и послом при общении с галльскими вождями. Это определенно он внушил представителям других народов, объединенных в некий «всегалльский совет», попросить помощи у Цезаря против Ариовиста. Цезарь обязуется вести с германским вождем переговоры. Но они были недолгими. Ариовист полагал, что действует по неоспоримому праву —

праву победителя, который своими завоеваниями может распоряжаться по своему усмотрению. Сражение было неизбежно. Оно произошло на берегах Рейна в Эльзасе. Германцы были разбиты и отброшены на правый берег Рейна. Цезарь расположил свои войска на зимовку в самой Галлии, – такого прежде никогда не случалось.

У Цезаря определенно был план – отрезать белгские племена по эту сторону Рейна от их зарейнских союзников. По этому вопросу надобно отметить, что Цезарь – первый, кто рассматривает все народы правого берега Рейна как германцев, тогда как Посидоний Апамейский, лучший знаток Галлии и важный географический и этнографический авторитет для Цезаря, рассматривает их как белгов, или как народ, родственный белгам. Вожди белгских народов не обманывались относительно намерений проконсула – они собрали войска и сформировали мощную армию в 300 000 человек. Ее возглавил Гальба – преводитель суэссионов, который определенно видел возможность восстановить верховенство своего народа, униженного союзом белловаков и эдуев и изменой ремов, до сих пор считавшихся «братьями по расе, у которых те же судьи и те же законы». Цезарь приближается со своими войсками к белгской границе. Ремы, опасаясь римской оккупации, идут Цезарю навстречу и предлагают свои услуги. Сплоченные в союз белги решаются захватить землю ремов. И вновь эдуй Дивициак оказывает проконсулу неоценимую услугу: он берет на себя задачу атаковать территорию своих союзников и клиентов – белловаков. Вероятно, речь идет о маневре, благодаря которому удалось заставить белловаков выйти из белгской коалиции, не теряя лица. Как только белловаки узнали о приходе вражеских войск на свою территорию, они покинули союзников и возвратились к себе. В результате армия гал-

лов была значительно ослаблена, ведь белловаки составляли в ней самый мощный отряд! Битва на берегах Эны была выиграна Цезарем. После он ведет свои войска на суэссионов, те сдаются без боя. Сдаются белловаки и амбианы. Единственно белги севера (нервии, атребаты и веромандуи), уверенные в своих северных союзниках, не покоряются, и Цезарь вынужден вступить с ними в кровопролитную битву при Самбре, которую он выигрывает с трудом, вполне убедившись в исключительной отваге своих врагов. Нервии потеряли почти всех своих воинов и 597 из 600 старейшин. Цезарь оставляет им их земли. Зато, победив адуатуков (племя, которое участвовало во вторжении кимвров и тевтонов), он продает всех их в рабство.

В то время как Цезарь завершал покорение племен белгов, он послал Публия Красса с одним легионом на прибрежные племена, жившие от Ла-Манша до Финистера. Все они безропотно подчинились. Эта легкая победа свидетельствует, во-первых, о том, что эти «народы Океана» не были связаны с белгами, и, во-вторых, что у Цезаря была цель – окружить Кельтскую Галлию, отрезав ее от какой бы то ни было внешней помощи, например, от зарейнских племен к северу и востоку и от белгов Британии на северо-западе. В Риме решили, что Галлия усмирена. Однако это было несколько преждевременно. Не были обезоружены армориканцы, они восстают и им удается объединить все прибрежные племена Ла-Манша и получить помощь от британцев. Восставшие ждут также помощи белгов и германцев с севера и аквитанцев с юга. Но Децим Брут, опытный флотоводец, одерживает важную морскую победу над венетами. Их старейшины убиты, а все плененные воины проданы в рабство. Затем следует очередь народов Котантена, менапов и моринов, чьи земли разорены римлянами. В тот же период

Два портрета Верцингеторикса, один (слева) – реалистичный (монета Гостилия Сазерны, 48 г. до н.э.), другой (справа) – идеализированный (голова Аполлона на арвернском статере)

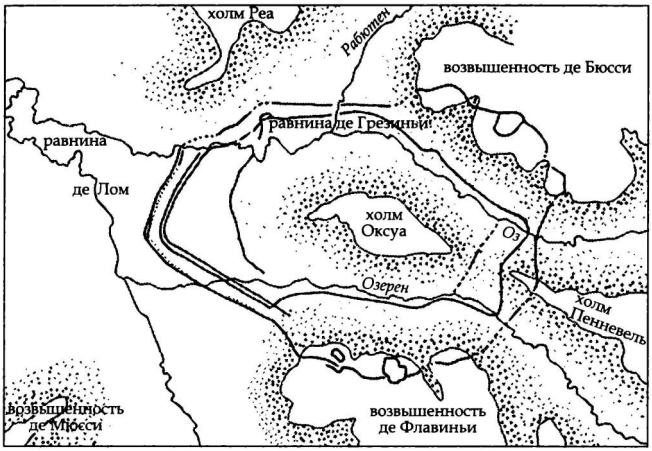
Публий Красс подчиняет аквитанцев, несмотря на помощь войск, набранных ими в Испании. В конце 56-го Галлия полностью окружена. И в 55–54 годах Цезарь может себе позволить военные экспедиции за пределы Галлии – к германцам, дабы обезопасить правый берег Рейна, и к британцам, чтобы продемонстрировать им римскую мощь и заключить с ними договоры.

Однако белгский фронт представлял еще опасность. Ряд крупных народов, таких, как тревиры и эбуроны, должно быть, только заключили с римлянами несколько договоров, но вовсе не были разоружены. Нервии тоже восстановили прежнюю военную мощь. Мятеж начался с эбуронов. Они основательно досаждают римской армии. Цезарь вынужден спасать Квинта Цицерона, осажденного в Намюре, и проводить зиму в Галлии, чего он никогда не делал, кроме того, он просит из Италии три новых легиона. В 53 году затухают последние очаги мятежа. Присутствие римских легионов, договоры, заключенные с крупными народами, упадок духа наиболее непримиримых народов и регулярный созыв собрания вождей Галлии – все это вместе позволяет

римлянам свободно владеть и управлять Галлией. Однако римские события вносят свои коррективы. В Риме царит анархия, Помпей по всей Италии набирает войска. Через восемнадцать месяцев Цезарь вынужден переправиться через Альпы в Рим.

В Галлии скоро узнают о нестроении в Вечном городе. Карнуты разжигают всеобщее восстание. Вождь атребатов Коммий и знатный арверн Верцингеторикс предлагают свое содействие. Верцингеторикс, не признанный арвернской знатью, изгнанный из Герговии, собирает разноплеменную армию, которая провозглашает его своим вождем. Он привлекает на свою сторону крупные народы Кельтии, которые шлют ему войска и передают командование объединенной армией. Кадурку Луктерию поручено привлечь на его сторону соседей из Римской Провинции – рутенов, нитиоброгов, габалов. Он справляется со своей задачей и начинает завоевывать Провинцию. Цезарь усиливает ее защиту и идет на страну арвернов. С удивительной быстротой, форсированными маршами Цезарь берет города Веллаунодун, Гебан, Новиодун. Верцингеторикс решает прибегнуть к тактике выжженной земли, но «самый красивый город Галлии» Аварик сберегает. Цезарь берет город, но терпит неудачу при Герговии.

Эдуи под влиянием Конвиктолитава и Литавикка препираются с Верцингеториксом, добиваясь руководства в войне против римлян. Но в Бибракте, на всегалльском собрании, права Верцингеторикса на то, чтобы быть верховным вождем, подтверждаются. Эдуи этим удручены. Верцингеторикс сосредоточивает свои усилия на Провинции, он ведет наступление со стороны гельвиев, вольков-арекомиков и в направлении аллоброгов. Цезарь, предчувствуя угрозу, отдает приказ о прибытии отрядов конницы, собранной из подчиненных им германских пле-



Осада Алезии. Раскопки времен Наполеона III, аэрофотосъемка Р. Гоге и более недавние раскопки М. Редде и С. фон Шнурбайна, раскрывающие следы римских линий по всему периметру холма Оксуа, кладут конец спору о локализации этой битвы

мен, после направляется к Провинции. Верцингеторикс опрометчиво пытается перерезать ему путь. Все его конные отряды сильно поредели, и он вынужден искать убежища в Алезии, которую Цезарь подвергает осаде. Последующие события хорошо известны. Верцингеторикс сдается, чтобы спасти осажденных. Эдуи и арверны помилованы Цезарем: он рассчитывает своим великодушием привлечь эти два крупных племени на свою сторону. Другие пленники распределены в римскую армию из расчета один галл на одного римского солдата. В конце 52 года до н.э. Цезарю предстоит провести еще две кампании, одну у битуригов, вторую у карнутов.

Но в который уже раз белги поднимают восстание. Теперь это белги юго-запада (белловаки, амбианы, аулерки, калеты, велиокассы и атребаты), большая часть их с 57 года оставалась в тени, не участвуя в военных действиях и укрепляя свою мощь. Во

главе восстания стоят белловаки, которые считают себя дважды преданными – своими давними патронами, эдуями, и давними союзниками, суэссионами, которых Цезарь отдал под опеку ремам. Белги рассчитывают, что смогут сохранить независимость, если вернут свою древнюю южную границу (Сену) и подчинят союзников Рима суэссионов и ремов. Длительное противостояние разворачивается в стране белловаков, где собраны все белгские силы. Римлянам удается убить Коррея – вождя белловаков. Убийство вождя смутило восставших, и они сдаются. В связи с этим Цезарь должен покончить с карнутами, а затем с Драппетом – главой сенонов и Луктерием, которые скрываются в Укселлодуне. Крепость взята, а ее защитникам отрубают по одной руке. Коммий после поражения белгской коалиции продолжает сопротивление на севере. Цезарь заново завоевывает страну эбуронов, а также тревиров; он договаривается с Коммием, который скрывается в Британии.

В 50 году до н.э. Галлия окончательного усмирена. Цезарь оставляет четыре легиона у белгов, «которые были самыми храбрыми», и столько же у эдуев, «которые были самыми влиятельными». Он отдает приказ об основании колонии Юлия Эквестрис (ныне Ньон в Швейцарии. – *Примеч. ред.*) и покидает Галлию.

РИМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Цезарь «взял штурмом более 800 крепостей, сражался с тремя миллионами врагов, оставил миллион трупов и взял миллион пленных», – сообщает нам Плутарх. Эти цифры могут показаться фантастическими, но их определенно не стоит отвергать. Они прекрасно демонстрируют состояние Галлии в середине I века до н.э. Прежде чем закончить свое

проконсульство (в 50-м), Цезарь провозглашает Галлию римской провинцией – от Пиренеев и Альп до Рейна и океана. Он милостиво обращается с побежденными, чего себе не позволял во время войны. Ему нужна спокойная Галлия, на которую в трудные моменты можно положиться как в денежном, так и в военном отношениях. Цезарь желает показать галлам, что уважает каждый народ, незыблемость его территории и политического строя. Победителю достаточно учреждения на покоренных землях вольных, или союзных, городов – особенно у эдуев и ремов, с остальных народов требует лишь дани, разумеется высокой, и военной контрибуции.

Цезарь руководствовался идеей романизации верхушки галльского общества. Благодаря общению с эдуями, такими, как Дивициак, он скоро понял, что галлов привлекает римский образ жизни, по крайней мере тех галлов, которых он называет *equites* – всадники, и той части простого народа, которая желает выделиться из своей среды благодаря торговле или ратной славе. С самого начала своей победоносной войны он льстил знатным родам, провозглашая некоторых из них «царями» или первыми судьями, возвращал им их земельную собственность, поручал им командование корпусами вспомогательных войск. Цезарь обещает самым верным римское гражданство, дарует право носить свое имя – Юлий и даже делает кое-кого из них римскими сенаторами, при этом, правда, получая множество насмешек от своих политических противников.

Такая политика была в высшей степени дальновидна, поскольку система патронажа не страдала, но, напротив, использовалась наилучшим образом. Знать и «сенат» галльских «городов», как их называет Цезарь (в отношении городов он использовал термин «оппидум». – *Примеч. ред.*), призваны были поддерживать в них порядок, и эта служба Риму да-

вала максимальную пользу. Знать своим высоким положением была обязана былым воинским заслугам, а служба Риму еще более возвышала ее в собственных глазах. Теперь перешедшие на римскую службу родовитые галлы обязаны были не только набирать войска для Рима, но и занимать в них командные должности. Предки их когда-то также верно служили этрусским городам, Дионисию Сиракузскому или Ганнибалу. Но галлы времен Цезаря гораздо более прославлены своими новыми хозяевами и покровителями. Римляне в полной мере оценили их воинские таланты, после Галльской войны римские войска получают лучших конников (у Цезаря было до 10 000 кельтских всадников), лучших пехотинцев (аквитанцы), лучших лучников (рутены). От почти поголовной мобилизации Галлия пустеет, в ней остаются только крестьяне, торговцы и римские колонисты.

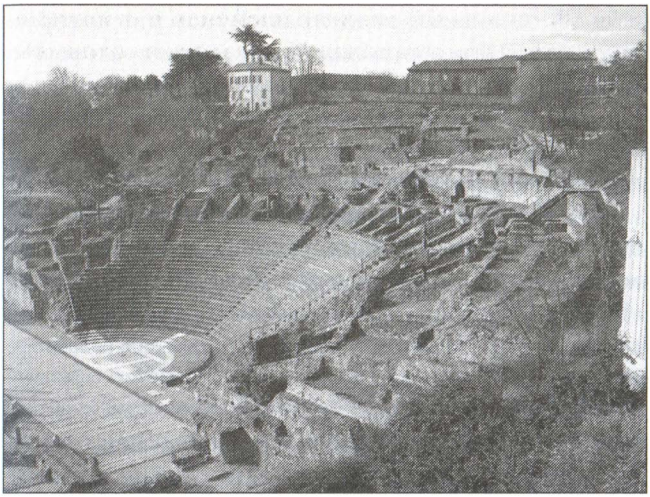
Разумеется, такое простейшее управление могло быть только переходным, прежде всего потому, что оно не соответствовало экономическим потребностям Рима и самой Галлии. Позднее Галлия будет целиком встроена в римскую политическую и государственную систему. Но это уже была эпоха Августа и Агриппы, когда галльские территории обустраивались на римский лад, то есть солидно и прочно. Галльская провинция была слишком большой, чтобы ее можно было поручить одному проконсулу; кроме того, такой порядок вещей придал бы проконсулу слишком много власти перед лицом центральной администрации. Потому Галлия была разделена на четыре провинции, примерно равные по площади: Нарбонскую, Аквитанскую, Кельтскую и Белгскую. Такое деление довольно четко соответствовало древним границам этносов. Территории древних галльских народов теперь становятся округами, впрочем, с некоторыми вариантами: иерар-

хические отношения между племенем-патроном и племенами-клиентами были упразднены, слишком многочисленные народы расчленены, малочисленные племена объединены. В каждом округе был определен главный город, выполнявший роль местной столицы и являвшийся административным центром. Здесь должны были находиться все рычаги римской власти (политические, административные, коммерческие и религиозные). Эти метрополии заодно становятся официальной «витриной» каждого народа (и остаются таковыми до заката Римской империи), воплощая римский дух.

Галлия должна была поправить расстроенные римские финансы. Дань, наложенная Цезарем, скоро оказалась слишком мала. Самое главное, она не была справедливой. Следовало приступить к общей переписи людей и материальных ценностей. Правда, эта неприятная для галлов процедура была проделана лишь в 27 году до н.э. под руководством самого Августа, переселившегося для этого в Нарбон. Налог в конце концов был более чем удвоен.

Но Рим от Галлии ждал не только налогов и солдат. Галльские провинции обязаны были торговать. Требовалась разветвленная сеть дорог, которая соединила бы галльские города с Римом. Об этом позаботился уже Агриппа. Также нужны были силы правопорядка для обеспечения безопасности внутри городов и в округах, а также военные отряды для надзора за неспокойными регионами. Необходима была единая монета. Хотя галлы прежде пользовались общей денежной единицей, но она оставалась мало распространенной и привязанной к весьма ограниченным территориям. Римляне сделали ее эквивалентом латинских эталонов.

И религия не была забыта новыми хозяевами. Первоначально римляне действовали мудро и дипломатично: кельтскую религию уважали — куль-



Римский амфитеатр в Лионе. I в. н.э.

товые места не трогали. Однако число жрецов и внешняя сторона культа претерпевают изменения. Галльские друиды принадлежали к знати. Они имели земельные вотчины и, как галльская знать, стояли у власти. В новую римскую администрацию вошло немало друидов. Август ограничивает друидам, принявшим римское гражданство, и всем тем, кто претендовал на него, исполнение обрядов. Росту и обновлению галльского жречества с этого времени был положен предел. Постепенно оскудел культ, оскудела и религиозная память галлов, а за ними исчезла и сама религия. В 12 году до н.э. Друз, пасынок Августа и наместник Галлии в римской колонии Лион, основанной Минацием Планком, воздвигает галльский жертвенник, посвященный Риму и Августу, и учреждает место для отправления общего культа для всех представителей галльских округов. Лион становится центром Галлии, в некотором роде политической проекцией Рима. Позднее каждый округ будет считать своим долгом учреждать у

себя официальный религиозный центр, в котором будут почитаться римские боги и император. Некоторое время галльская и римская религии будут сосуществовать: первая, стремительно теряя свое содержание, вторая, вплоть до архитектуры окрашиваясь в провинциальные тона.

Все эти меры предпринимались не с целью сделать из галлов настоящих римлян, задача была позволить галлам, будь это инсубры Цизальпинской области, аллоброги Трансальпийской или испанцы, в полной мере проникнуться римскими ценностями, принять римскую власть и опеку. Мировоззрение, обычаи, образ жизни оставались галльскими и сохраняли свою неповторимость в огромной массе народов, которые, наверно, никогда прежде не чувствовали объединяющих их связей. Вот почему термин «романизация» мало подходит галлам как общности, связанной теснейшими узами крови и почвы. Вот почему они также продолжали рассматривать себя как абсолютных галлов и поднимались против властей вплоть до заката Римской империи. Впрочем, эти бунты более не приобретали масштаба восстаний времен Галльской войны и не были всенародными. В чем-то похожи они были на Жакерию: галлы во времена империи восставали в равной степени против несправедливости местной галльской и римской властей. Наместники разных римских провинций использовали галлов и размещенные на их территориях армии, чтобы влиять на ход политических событий в Риме. Например, во время кризиса 68–69 годов н.э., когда происходило отстранение Нерона и провозглашение Гальбы. Великие общегосударственные решения теперь принимаются не только в Риме, но также в Галлии и на ее границах.

Действительно, во времена империи галльская индивидуальность, галльская неповторимость отчаянно сопротивляются. Триста галльских народов,

которые не составляли единой галльской нации, более уже не образовывали «галльского отечества в империи». Галло-римские *civitates* трепетно хранили свою особенность еще и потому, что и другие народы империи столь же трепетно относились к своей независимости. Особый подход Рима состоял в том, что он в пределах общеримского мира предложил галльским племенам условия для создания собственного национального государства с неприкосновенными границами и столицей, то есть то, чего галлы не могли бы приобрести во времена своей независимости. Уважая верования, нравы, быт, римляне предоставили огромной части галльской цивилизации шанс сохраниться. Например, на заре Средневековья можно увидеть, как в том же виде, соблюдая полную преемственность, сохранились вассальная система и тройственное деление общества (воины, жрецы, крестьяне).

ОСНОВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

♦ До кельтов

III тысячелетие: появление индоевропейцев, рассматриваемых как предки кельтов.

Около 2100 до н.э.: начало эпохи металлов в Западной Европе.

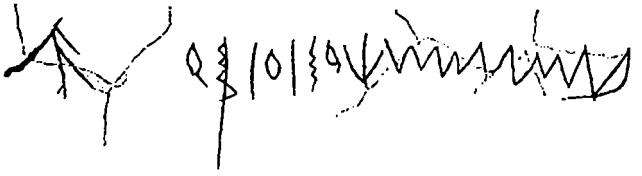
С 1800 до н.э.: начало эпохи бронзы.

800–750 до н.э.: начало первой эпохи железа в Западной Европе.

Жители Западной и Северной Европы названы Гомером киммерийцами.

♦ Кельты

600–550: первые надписи на кельтском языке в итальянском Пьемонте в Сесто Календе и Кастеллетто Тичино.



Кельтская надпись из Кастеллетто Тичино

Около 600: основание Массалии фокейскими колонистами.

Миграция Белловеза и Сиговеза, произошедшая, согласно Титу Ливию, в правление Тарквиния Приска в Риме. Большинство историков считает такую датировку слишком древней.

С 600 до 450: кельтские или гальштатские князья.

551: дендрохронологическая датировка леса, из которого сооружена княжеская гробница Магдаленберг в Германии.

Около 500: гробница принцессы из Викса.

Около 500: Гекатей Милетский называет Кельтикой (Кельтия) пространство за границей территории лигуров, окружающей Массалию.

460–450: начало второй эпохи железа в Западной Европе.

♦ Галльские вторжения в Италию

В течение всего V века до н.э. и, может быть, даже с конца VI века до н.э.: галльское присутствие в Северной Италии (в частности, в Пьемонте).

Начало IV века: массовый, последовательными волнами, приток галлов в Италию.

Около 390: фокейцы Массалии, воюя с лигурами, галлами и на море с карфагенянами, заключают договора с иберами и Римом. Безуспешная осада Массалии галлами и лигурами. Основание массалийцами сокровищницы в Дельфах.

Около 390: осада Клузиума (Кьюзи) сенонами. Два римлянина – представители рода Фабиев, пришед-

шие послами, — принимают участие в битве на стороне этрусков. Их измена должна была заставить галлов снять осаду и всеми силами обрушиться на Рим.

Около 386: победа галлов в битве при Аллии. Оккупация Рима, длившаяся семь месяцев. Массалия помогает римлянам выплатить выкуп, требуемый Бренном.

Около 385: после разграбления Рима одна часть галлов поднимается к долине По, другая — спускается к югу и предлагает свои услуги Дионисию Сиракузскому.

С 387 по 360 или 356: междоусобные войны между галлами, оккупировавшими долину По.

368: Дионисий Сиракузский посылает галльских наемников помочь македонцам в борьбе с тебаинами.

С 366 по 361: галлы спускаются к югу Италии, грабят земли Лациума и Кампании.

361: битва при Анио. Легендарная дуэль между безвестным галлом и Титом Манлием, с тех пор прозванным Торкватом.

С 360 по 358: галлы разрушают Лациум. Победа диктатора К. Сульпиция. Он жертвует доставшиеся ему военные трофеи в фонд, который Республика посвятила войнам с галлами.

350: после 8-летнего мира галлы вновь появляются в Альбских горах. Победа над ними Попилия Лаэна.

349: галлы укрываются на юге Лациума. При Помптине вторая легендарная дуэль между безвестным галлом и молодым римским трибуном Валерием, с тех пор прозванным Корв, или Корвин. Мир заключен и соблюдается до начала III века.

300–299: трансальпийские галлы присоединяются к цизальпинским, чтобы грабить Этрурию.

С 299 по 296: они отвоевывают Паданскую равнину, но ссорятся из-за добычи и, конечно же, из-за территорий, которые требуется оставить первым.

296: коалиция с самнитами против Рима.

295: битва при Сентине. Публий Деций Мус ради победы римской армии обрекает себя на смерть. Галлы теряют 25 000 человек.

♦ Кельтские и галльские вторжения в Грецию и Малую Азию

Начиная с 368: галлы Италии, посланные Дионисием Сиракузским на помощь македонцам, предлагают свои услуги державам Греции и Македонии. Вероятно, эти галльские наемники вели борьбу с автариатами (могущественный иллирийский народ, который угрожал Македонии), когда Александр Македонский на берегу Черного моря бился с гетами.

335: встреча галлов, расположившихся «на заливе Иония» (окрестности Таранто), с Александром Македонским.

324: кельтские посланники пересекают Азию, чтобы воздать почести в Вавилоне Александру Македонскому.

323: смерть Александра Македонского. Галльские наемники предлагают свои услуги республикам Пелопоннеса, затем – диадокам.

310: победа галлов над иллирийцами после войны, продолжавшейся пятьдесят лет. Галльская армия под командованием Камболя захватывает Фракию, берет там большую добычу и возвращается к себе.

298: одна из галльских армий разбита Кассандром на горе Хемус (север Болгарии).

281: смерть Лизимака и Селевка. Династическая война и развал Македонского царства, что открывает галлам порты Востока.

280: три кельтских армии на севере греческого полуострова. Одна, под командованием Керетрия, наступает на восточную часть Фракии; вторая, которой командуют Бренн и Акихорий, захватывает

Дарданию и Пеонию; третья, под командованием Болгия, угрожает Македонии.

279: Болгий разбивает войска царя Птолемея Керавна, опустошает Македонию и, отягощенный добычей, возвращается обратно, не справившись со стратегом Состеном.

Бренн движется к святилищу в Дельфах, находящемуся под покровительством самого Аполлона.

Самоубийство галла. Римская копия скульптуры, посвященной победе царя Аттала I над галлами в Малой Азии. Около 230 г. до н.э.

Учреждение праздника Sôteria в память о чудесном поражении кельтов.

278: армия Бренна возвращается на свои исконные территории через Иллирию. Основание государства скордисков на Саве. По преданию, волькитектосаги вновь завоевывают район Тулузы.

Леоннорий и Керетрий скрываются в разоренной ими Фракии.

Леоннорий и Лутарий, нанятые Никомедом Вифинским, идут в Азию. Победа над Зипоэтом.

277: 15 000 галлов, опустошающих Фракию, угрожают Македонии и, после того как была захвачена Лизимахея (полуостров Галлиполи), разбиты Антигоном Гонатом.

274: участие галлов в первой сирийской войне на стороне Митридата Понтийского. Победа над Птолемеем в Каппадокии.

273: Антиох I Сирийский побеждает галатов при битве, названной Битвой слонов. Ему дают прозвище Сотер (Спаситель). Галлы оттеснены во внутренние районы Малой Азии: толистоаги — в Эолиду и Ионию, тектосаги — во внутреннюю Азию, а трокмы — на берега Геллеспонта.

♦ Римское завоевание Цизальпинской области

285: сеноны вновь на территории этрусков. Осада Арреациума (Ареццо), истребление двух легионов. Убийство римских посланников, пришедших вести переговоры о возврате пленных.

284–283: союз бойев и этрусков перед угрозой римской экспансии. Поражение у озера Вадимон (вероятно, нынешнее озеро Бассано). Мирный договор между бойями и Римом, соблюдавшийся 45 лет.

283: поражение сенонов. Римская колония в Сене Галлийской. Но сеноны вовсе не истреблены, их территория не захвачена.

268: колония Ариминий (Римини). Сеноны покорены и принуждены к миграции из Цизальпинской области.

238–236: три римские кампании против галлов и лигуров.

Двое вождей бойев — Атис и Галат — готовят новую кампанию против Рима.

233–232: коалиция цизальпинских народов против *Ager gallicus* (прежняя территория сенонов). Прошение помощи у гезатов (галльские наемники из Внутренней Галлии).

225: гезаты присоединяются к цизальпинцам. Победа над римлянами при Флоренции. При Теламоне поражение от Атилия. Покорение бойев.

223: римляне побеждают инсубров.

222: инсубры безуспешно пытаются договориться с Римом, вновь рекрутируют гезатов из долины Роны.

Битва при Кластидии (Кастеджио). Марселл собственноручно убивает вождя инсубров Виридомара, таким образом, принося третьи и последние *spolia opima*[1] в римской истории.

Затем взяты Ацерры и Медиолан — главный город инсубров. Капитуляция инсубров. Вероятно, теперь вся Цизальпинская Галлия покорена.

♦ Галлы и Пунические войны

264–241: Карфаген призывает наемников из Галлии на Корсику, Сардинию и Сицилию.

Героическая оборона Лилибии. Мятеж галлов в Агридженто, они являются первыми инородцами, взятыми в римские армии в качестве наемников.

241–237: галльские наемники, оставшиеся верными карфагенянам, оставляют Сицилию, требуют выплаты жалованья в самом Карфагене, сеют возмущение в африканских городах, находящихся под

[1] Доспехи и оружие убитого царя. — *Примеч. пер.*

пуническим игом. Осада восставших Гамилькаром Баркой, который их истребляет. Их вождь Автарит распят на кресте.

220: Гамилькар Барка воюет с селтиками в Испании, покоряет большую часть кельтиберов, но в одном из сражений погибает. Его правая рука Гасдрубал убит кельтибером. Ганнибал, назначенный командующим, угрожает Риму.

218: основание двух колоний у галлов северо-запада Цизальпинской области: Плезанса у анаров и Кремоны у ценоманов, что вызывает их мятеж. Ганнибал их поддерживает и переходит Пиренеи. На короткое время он приостановлен на Роне вольками Лангедока. Посольство бойев обещает ему помощь. Со своими слонами переходит Альпы. Победа над Публием Сципионом на Требии[1]. Галлы в центре карфагенской армии.

217: продвижение Ганнибала к Риму. Победа у Тразименского озера, одержанная благодаря галлам, которые несут огромные потери.

216: Ганнибал в Апулии, сопровождаемый галльскими контингентами. Два консула – Павел Эмилий и Терентий Варрон – выступают против него при Каннах. С 45 000 воинов он побеждает римлян, среди которых погибает столько же. Он обосновывается в Южной Италии.

Постумий и два его легиона уничтожены бойями в лесу Литан. Отрубленная голова Постумия используется как культовая чаша при святилище, наиболее чтимом галлами.

207: Гасдрубал открывает новый фронт в Цизальпинской области. С помощью арвернов он переходит Альпы, с ним следуют трансальпийские галлы и ряд значительных цизальпинских народов. Поражение на берегах Метавра.

---

[1] Река в Северной Италии. – *Примеч. пер.*

С 207 по 205: Магон при Генуе вместе с галльскими войсками сражается против двух римских армий, но ему не удается соединиться с Ганнибалом.

203: Магон и Ганнибал вызваны сенатом в Карфаген, их сопровождают их галльские войска.

202: поражение Ганнибала при Заме. Треть его войск составляют галлы и лигуры. Конец Второй Пунической войны.

♦ Последние вспышки сопротивления цизальпинских галлов

201: Гамилькар поднимает часть галлов против Рима. Римляне под командованием Кая Оппия разгромлены при Мутилуме, во владениях бойев.

200: огромный союз бойев, инсубров, ценоманов и некоторых лигурийских народов разрушает Плезанс. Но Луций Фурий останавливает их перед Кремоной. Гамилькар и трое галльских вождей убиты.

199: претор Бебий Тамфил вступает на территорию инсубров. Его армия терпит поражение. Он теряет 6600 человек.

197: вновь образуется коалиция бойев, инсубров и ценоманов. Поражение на берегах Минчо из-за измены ценоманов, которые окончательно подчиняются Риму.

196: победа при Комо Луция Фурия и Клавдия Марселла над инсубрами, которые теряют 40 000 человек. Сопротивление инсубров. Римляне разрушают Бононию (Болонья) и множество галльских городов.

195: победа Валерия Флакка над бойями у Литанского леса. Восстановление Плезанса и Кремоны.

194: победа Валерия Флакка при Медиолане (Милан) над бойями, пришедшими возмутить инсубров, которые прекращают всякое сопротивление.

Победа Семпрония над Бойориксом, царем бойев, но ни он, ни консул П. Сципион Насика не могут пресечь бойское сопротивление.

193: союз бойев с лигурами. Римский сенат объявляет «тревогу». Победа Корнелия Мерулы при Мутине (Модена), 14 000 галлов убито.

192–191: грабеж страны бойев. Капитуляция подавляющей части знати. Серия побед Сципиона Насики. Бойи дают заложников и половину своих земель для основания колоний.

190: уход 112 бойских племен на берега Дуная. Усмиренная Цизальпинская область позже становится Галльской Цизальпинской провинцией, или «расположенной по эту сторону». Еще позже она названа *Gallia togata* («Галлия, которая носит тогу»).

189: основание римской колонии Бонония (Болонья).

183: основание колоний Мутина и Парма на виа Эмилия.

181: основание колонии Аквилея в Венеции.

179: трансальпийские галлы, перешедшие в Цизальпинскую область, оттеснены римлянами: последнее галльское вторжение, затрагивающее Северную Италию.

♦ Два последних столетия независимости Трансальпийской Галлии

154: блокада Массалии, Антиполиса (Антибы) и Никеи (Ницца) лигурами (оксибии и дециаты). Помощь Рима. Победа консула Опимия над лигурами. Их территории переданы Массалии.

125: салувии (из областей Экс и Антремон) опустошают территорию Массалии. Победа консула Фульвия Флакка над вокантиями и салувиями.

124: новое восстание. Победа и триумф К. Секстия Кальвина. Взятие столицы салувиев (вероятно, Антремона). Основание Акв Секстиевых (Экс). Салувийские пленники проданы в рабство, царь Тевтомал скрывается у аллоброгов.

Договор о дружбе между Римом и эдуями, у которых конфликт с арвернами.

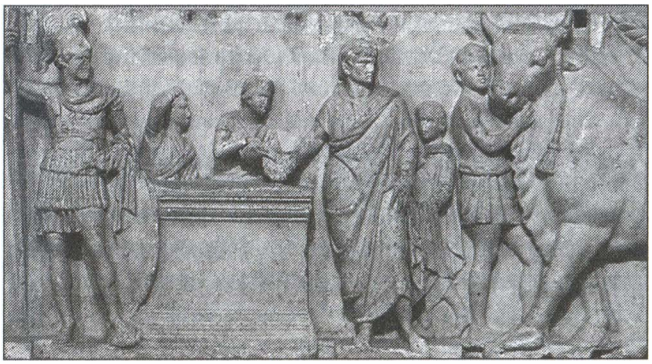
122: Домиций Агенобарб требует от аллоброгов выдать ему царя Тевтомала. Те отказываются и готовятся к войне. Посольство Битуита – их арвернского союзника – к Домицию, чтобы вытребовать лучшую участь салувиям и учреждение у них заново царской власти. Отказ Домиция.

121: Домиций разбивает аллоброгов на берегах реки Сорг – 20 000 убитых и 3000 пленных. Арверны в Севеннах со своими войсками и войсками союзников насчитывают 20 0000 человек.

Победа Квинта Фабия Максима на берегах Роны. Галлы теряют от 120 до 150 тысяч человек. Битуит сбегает.

Образование Римской Провинции между Пиренеями и Альпами, провозглашенной «консульской»: каждый год один из консулов должен туда отправляться со своей армией.

Около 120: постройка Домицием дороги, соединяющей Испанию с Италией. Провинция увеличивается за счет территории гельвиев, вольков-арекомиков и сордов. Договор с вольками-тектосагами,



Жертвоприношение Гнея Домиция Агенобарба. Римский рельеф. II в. до н.э.

провозглашенных «союзниками». Римский гарнизон в Толосе.

118: основание римской колонии Нарбо-Марциус (*Narbo Martius*).

113: вероятно, из Ютландии («Кимврский полуостров») сокрушительное вторжение более 300 000 кимвров. Начало вторжения, названного вторжением кимвров и тевтонов, которое в течение 12 лет опустошает большую часть Европы.

110: два гельветских племени (тигурины и тойгены) присоединяются к кимврам.

109: захватчики у секванов, громят армию консула Марка Юния Силания и поворачивают на запад, во внутренние районы Галлии.

Около 110–107: тевтоны обрушиваются на Северную Галлию. Ожесточенное сопротивление белгских народов, которые, однако, уступают им одну крепость у эбуронов — будущее племя адуатуков.

Гельветы в Римской Провинции подталкивают галльские народы к бунту против их начальства.

107: вождь тигуринов Дивико и вольки-тектосаги в окрестностях Ажена разбивают римскую армию. Убит консул Луций Кассий Лонгин. С тигуринами, вероятно, заключен договор, так как те с тех пор больше не пытаются проникнуть в Провинцию.

106: осада вольками-тектосагами римского гарнизона в Тулузе. Консул Квинт Сервилий Цепион его освобождает и использует для того, чтобы положить руку на знаменитый *aurum tolosanum* (золотые и серебряные сокровища, спрятанные в озерах Тулузы).

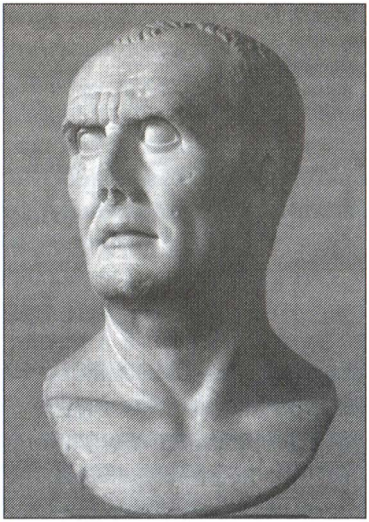
105: соединение кимвров, тевтонов, амбронов и гельветов где-то неподалеку от Швейцарии. Битва при Оранже: римляне истреблены, пленники и добыча принесены в жертву богам. Кимвры берут Римскую Провинцию и Испанию, а тевтоны — Галлию.

104: Марий в Галлии с помощью массалийцев совершает военные приготовления, заставляет вы-

рыть *Fossae Marianae* («рвы Мария», ныне город Фоссано).

Победа Суллы над вольками-тектосагами, во главе которых их царь Копилл.

103: соединение кимвров и тевтонов у велиокассов. Новый проект вторжения в Италию: тевтоны — по Роне и через Провинцию, кимвры — через Баварию и Бреннер.



Гай Марий. Римская скульптура

102: безуспешная осада тевтонами лагеря Мария в области Арля. Битва при Эксе. Римляне убивают более 100 000 врагов и столько же берут в плен. Оставшиеся в живых из армии тевтонов схвачены секванами и отданы Марию. Секваны получают титул «дружественных» Риму.

101: кимвры прибывают в Цизальпинскую область. Катулл их удерживает до прихода Мария. Битва объединенного римского войска с кимврами при Верцеллах заканчивается победой римлян: 120 000 варваров убито, 60 000 взято в плен.

90: мятеж салиев, усмиренный К. Кецилием.

Около 80: Целтиллий восстанавливает Арвернскую империю, которая пользуется уважением во всей Галлии.

78–77: Серторий поднимает Испанию против Суллы. Аквитанцы принимают сторону Сертория. Поражение и смерть легата Л. Валерия Преконина у аквитанцев. Проконсул Л. Манлий по возвращении из Испании проигрывает сражение аквитанцам и

вынужден оставить им все свое имущество. Консул М. Эмилий Лепид вовлекает аквитанцев, вольков и аллоброгов в поднятый мятеж против сената. Помпей в Этрурии обращает их в бегство, переходит Альпы и Провинцию в направлении Испании, истребляет всех сторонников Сертория. Часть территорий вольков-арекомиков и гельвиев передана Массалии.

76: провинцией управляет Маний Фонтей. Бунт воконтиев, гельвиев, тектосагов, арекомиков и аллоброгов, которые атакуют Массалию. Фонтей ее освобождает. Тогда галлы направляются на Нарбонн (Нарбо-Марциус), который Фонтей также берет назад. Помпей, по возвращении из Испании, кладет предел последним вспышкам бунта у воконтиев.

75: учреждаются военные поселения в Толосе (Тулузе), Русцино, Битеррэ (Безье). Подчинение Помпеем отдельных групп пиренейских горцев, аквитанцев и испанцев, которые названы «convenae» («люди, собранные из всех стран»). Он размещает их в долине на берегах верхней Гаронны.

69: аллоброги возбуждают судебное дело против наместника Фонтея, обвиняемого в должностных преступлениях, взяточничестве, различного рода поборах и лихоимстве. Его берется защищать Цицерон.

69–63: эдуи, используя свои права на навигацию по Соне, установив неподъемные сборы, пытаются разорить секванов, которые объединяются с арвернами и просят помощи у германцев Ариовиста. Истребление эдуйских войск и почти всех их сенаторов. Единственный выживший, Дивициак, скрывается в Риме и взывает о помощи к сенату.

63: аллоброги участвуют в заговоре Катилины.

62–61: они снова восстают против Рима под предводительством своего вождя Катугната. Победа Помптина. Катугнат скрывается.

61: гельветы начинают готовиться к своей миграции. Рим встревожен и решает защитить эдуев, на которых будет возложена миссия надзирать за гельветами. Соглашение между Римом и Ариовистом, который получает титул «царя-друга».

59: гельветский вождь Оргеторикс готовит экспедицию своего народа. Гельветы сжигают свои города и деревни, чтобы не тешить себя надеждой на возвращение.

♦ Галльская война

58: наместник Провинции Цезарь останавливает гельветов у Бибракта. Пограничные галльские народы просят Цезаря вмешаться и остановить Ариовиста, который им угрожает. Встреча Цезаря с Ариовистом, затем — столкновение на равнине Эльзаса. Поражение германцев, отступающих за Рейн. Цезарь устраивает свои войска на зимовку у секванов.

57: коалиция белгских народов. Покорение ремов. Поражение коалиции. Покорение суэссионов, белловаков и амбианов. Трудная победа над нервиями. Покорение П. Крассом венетов, унеллов, осизмиев, кориозолитов, эсубиев, аулерков и редонов. Зимние квартиры у карнутов, андов и туронов.

56: мятеж венетов, которые вовлекают в него «народы Океана» и просят помощи у британцев. Победа на море Юния Брута. Покорение аквитанцев. Кампания у менапов и моринов. Зимние квартиры у аулерков и лексовиев.

55: армии германцев переходят Рейн. Цезарь выступает им навстречу у слияния Меза с Рейном. Он сооружает мост через Рейн и вступает в земли германцев. Экспедиция в Британию. Новое военное предприятие у моринов и менапов. Зимовка у белгских народов.

54: экспедиция к тревирам, предпринятая ради разрешения конфликта между их вождями — Инду-

Монета Юлия Цезаря с изображение плененных галлов и трофеев. I в. до н.э.

циомаром и Цингеториксом. Цезарь велит убить эдуйского вождя Думнорикса. Новая экспедиция в Британию. Подчинение британского вождя Кассивелавна. Зимние квартиры у белгов. Убийство Тасгетия. Мятеж эбуронов – римская армия перебита, легаты Кинт Сабиний и Луций Котта убиты. Эбуронский царь Амбиорикс атакует лагерь Цицерона у нервиев. Цезарь берет над ними верх. В Галлии всеобщее возмущение. Цезарь проводит зиму в Самаробриве.

53: численность римской армии в Галлии превышает 10 легионов. Экспедиции к нервиям, сенонам и менапам. Победа Лабиена над тревирами. Цезарь вновь переходит Рейн и совершает рейд к германцам, опять бросается на эбуронов, которых истребляет, казнит Акко – сенонского подстрекателя-заговорщика. Зимние квартиры у тревиров, лингонов и сенонов. Цезарь возвращается в Цизальпинскую область.

52: галлы, узнавшие о царящей в Риме политической анархии, пытаются поднять новый бунт. Истребление римских торговцев в Генабуме[1]. Возглавить коалицию карнутов и арвернов доверено Верцинге-

[1] Нынешний Орлеан. – *Примеч. пер.*

ториксу. Цезарь заманивает Верцингеторикса к югу и возвращает Генабум. Верцингеторикс проводит политику выжженной земли, но щадит Аварик. Цезарь его берет, жителей истребляет, но под Герговией поворачивает в Италию, где его правительство под угрозой. Верцингеторикс опрометчиво его атакует. Галльская кавалерия терпит поражение. Цезарь преследует галльскую армию, которая укрывается в Алезии. Осада. Капитуляция Верцингеторикса. Покорение арвернов и эдуев. Цезарь останавливается на зимние квартиры в Бибракте.

51: кампания у битуригов и карнутов. Восстание белловаков и белгов под предводительством Коррея и атребата Коммия. Покорение белловаков. Цезарь разоряет страну эбуронов. К. Фабий подчиняет карнутов и армориканцев. К. Каниний осаждает Укселлодун, где скрываются Драппес и Люктерий. Казнь Гутуатера. Взятие Укселлодуна. Цезарь приказывает отрубить руки тем, кто держал оружие. Коммий скрывается в Британии. Цезарь окончательно покидает Галлию, оставив 3 легиона в Нарбоне, еще 3 легиона – в Маконе и приказав основать колонию Новиодун (Ньон).

Внутренняя Галлия преобразована в единственную в своем роде римскую провинцию, *Gallia comata* (Косматая Галлия).

♦ Галлия при Римской империи

49: Цезарь осаждает Массалию, принявшую сторону Помпея. Основание трех новых военных поселений: новое в Нарбоне (Нарбо-Марциусе), одно в Арле и одно в Безье. Во Фрежюсе (*Forum Julii*) основана морская колония.

46: бунт у белловаков, усмиренный Децимием Брутом. Триумф Цезаря в Риме. При этом Галлия и Массалия фигурируют как трофеи. Смерть Верцингеторикса.

43: основание двух новых колоний в Лионе и Аугусте[1].

42: Цизальпинская Галлия административно включена в Италию.

С 35 по 30: восстание белгских народов и аквитанцев. Нонний Галл побеждает тревиров, Мессала Корвин – аквитанцев, а К. Каррин – моринов.

27: общая перепись в Галлии, проведенная Августом. Разделение *Gallia comata* на три провинции: Аквитанская, Белгская и Лионская. Созданы 60 или 64 *civitates*, которые приблизительно соответствуют территориям расселения древних галльских племен.

22: Нарбонская провинция передана в ведение сената, который должен единолично ею управлять.

12: общее собрание округа в Лионе провозглашает Рим и Августа титулярными божествами Галлии, решает учредить официальную религию и создать священство, обслуживающее новых богов.

7–6: Август постановляет возвести в Турбии[2] монумент, чтобы отметить покорение всех альпийских племен.

14 н.э.: Август и Тиберий жалуют всем римским гражданам Нарбона (Нарбо-Марциуса) право выставлять свои кандидатуры в магистратуры Рима.

21: тревир Флор и эдуй Сакровир возглавляют восстания в своих округах.

43: путешествие в Галлию императора Клавдия. Отмена друидической религии и проскрипция жрецов. Экспедиция на Британские острова. Покорение кельтских племен юга острова, основание колонии в Колчестере.

---

[1] Августа Раурика во времена Рима, ныне город в Швейцарии. – *Примеч. пер.*

[2] Ныне город на южном побережье Франции. – *Примеч. пер.*

Изображение Юлия Цезаря и Октавиана Августа на галльской монете. Около 36 г. до н.э.

48: Клавдий ратифицирует закон, позволяющий жителям Косматой Галлии быть членами римского сената.

65: Лион полностью стерт с лица земли небывалым пожаром.

68: Виндекс – легат Лионской Галлии – принимает участие в восстании против Нерона и провозглашает императором Гальбу. Двумя месяцами позже сенат смещает Нерона и провозглашает Гальбу императором, который, чтобы отблагодарить Галлию, уменьшает ей налоги.

68–69: отзвуки в Галлии царящей в Риме анархии (Гальба убит, замещен Отоном, который совершает самоубийство, Вителлий своей рейнской армией провозглашается императором). Войска Вителлия грабят Галлию. Жакерия на эдуйской территории, возглавляемая неким бойем, Марикком.

70: в Галлии друиды указывают на пожар в Капитолии, называя его предвестием краха Римской империи. Тревир Тутор и лингон Сабиний, объединившиеся с батавом Цивилием, провозглашают Галльскую империю, отделение белгов и германцев. Сабиний делает себя императором и захватывает территорию секванов. Но те побеждают так называемого императора, который вынужден спасаться

бегством и распускает слухи о собственной смерти. Рим шлет легионы под командованием Цериалия в Германию. Его победа при Трире. Конец «Галльской империи» – последнего бунта, который заявляет о себе как галльский.

♦ Разделение Трансальпийской Галлии по округам (*civitates*) в августовскую эпоху

Округа (civitates)	Столица (Галло-римское название)	Современное название
Абринкаты	Лигедия	Авранш
Амбианы	Самаробрива	Амьен
Андекавы	Юлиомагус	Анжер
Арверны	Августонеметум	Клермон-Ферран
Атребаты	Неметакум	Аррас
Оски	Элиберрис	Ош
Байокассы	Августодун	Байе
Белловаки	Кесаромагус	Бове
Битуриги	Аварик	Бурж
Битуриги вивиски	Бурдигала	Бордо
Кадурки	Дивона	Каор
Калеты	Юлиобона	Лиллебонн
Карнуты	Аутрик	Шартр
Ценоманы	Виндин	Ле Ман
Конвены	Лугдун Конвенар	Сен-Бертран-де-Комменж
Кориозолиты	Фанум Мартис	Корсель
Диаблинты	Новиодун	Жюблен
Эбуровики	Медиолан	Эвре
Эдуи	Августодун	Отен
Элузаты	Элуза	Оз
Эсубии	Сагии	Се
Габалы	Андерит	Жаволь
Гельветы	Авентику	Авенш
Лемовики	Августорит	Лимож
Левки	Туллум	Туль
Лексовии	Новиомагус	Лизье

Лингоны	Андемантунн	Лангр
Лугдун (колония без провинции)		Лион
Медиоматрики	Диводур	Мец
Мельды	Ятинум	Мо
Менапы	Кастелл Менапиор	Кассель[1]
Морины	Тарвана	Теруан
Намнеты	Кондевикунм	Нант
Нервии	Багакум	Баве
Нитиоброги	Агиннум	Ажен
Осизмии	Воргиум	Каре
Паризии	Лютеция	Париж
Петрокоры	Весунна	Перижье
Пиктоны	Лимон	Пуатье
Редоны	Кондате	Рен
Ремы	Дурокортор	Реймс
Рутены	Сегодунум	Родез
Сантоны	Медиоланум	Сент
Сегусиавы	Форум Сегусиавор	Фер
Сеноны	Агединк	Санс
Секваны	Весонтио	Безансон
Суэссионы	Августа Суэссион	Суассон
Тарбеллы	Акве Августе	Дакс
Тонгры	Адуатука	Тонгр[2]
Тревиры	Августа Треверор	Трев[3]
Трикассы	Августобона	Труа
Туроны	Кесарод	Тур
Унеллы	Кроциатон	Карантан
Вазаты	Коссий	Базас
Велиокассы	Ротомаг	Руан
Веллавы	Руэссио	Сен-Польен
Венеты	Дариорит	Ван
Видукассы	Арегенуа	Вье
Веромандуи	Августа	Сен-Кентен

[1] Не путать с одноименным городом в Германии — тот в оригинале по-другому пишется и ударение на первый слог. — *Примеч. пер.*

[2] Тонгерен в Бельгии. — *Примеч. пер.*

[3] Трир в Германии. — *Примеч. пер.*

II

ГАЛЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

В противоположность своим современникам с берегов Средиземного моря и с Ближнего Востока галлы не имели понятия о собственной стране с точно установленными границами, чей центр был бы отмечен могущественной метрополией. Вплоть до своего исчезновения с политической «шахматной доски» галлы оставались полукочевым, а затем полуоседлым народом. Как и скифы, они скорее мечтали о территориях обширных и разнообразных, на которых они могли бы упражняться в своих военных доблестях и развернуться без всякого стеснения. Галльские миграции, начиная с тех, что были предприняты Амбигатом около V века до н.э., и заканчивая миграцией гельветов в 58-м, всякий раз обоснованы чем-то вроде клаустрофобии, коренящейся в том, что территория проживания признавалась ими тесной и становилась слишком заселенной. Галлы нуждаются в обширных пространствах, так как они многочисленны и занимаются почти исключительно скотоводством и экстенсивным сельским хозяйством.

Таким образом, здесь речь пойдет о территории, поскольку понятие, подразумеваемое под данным термином, — более гибкое, чем то, которое понимается под словом «страна». Это слово также более подходит для названия земли, которую присваивает себе каждый народ и особенно каждое племя внутри народа, которое, как мы увидим, образует базовое

понятие — неделимое и не поддающееся любым политическим трансформациям.

Галльской страны — иначе говоря, Галлии — как исторической реальности не существует. Речь идет о позднем детище Цезаря, который после завоевания галльских земель, современных Франции, Швейцарии, Бельгии и Германии по эту сторону Рейна, захотел придать им некую определенность и волюнтаристски зафиксировал границы того, что должно было бы стать будущей римской провинцией. Искусственной границей, определенной им для этой новой страны, являлся Рейн, который впредь будет отделять галлов на западе от германцев на востоке. Сами же эти германцы кажутся этнографическим и политическим изобретением, основывающимся, вероятно, на узах этнического родства, которые, как полагали, галлов связывали с их северо-восточными кузенами (это главное значение слова *germanus*)[1]. На самом деле галльским племенам принадлежали территории, простирающиеся по обе стороны Рейна. Белги, проживавшие на севере Франции, были выходцами с юга Германии. Бойи — самый могущественный народ Цизальпинской Галлии — после римского завоевания 190-х годов мигрировали в Центральную Европу. Таким образом, прекрасно видно, что Рейн, равно как и Дунай, для галлов не означал подлинных границ. Зато вполне очевидно, что самые северные и восточные галльские народы были, как представляется, самыми дикими, наиболее ретиво сопротивляющимися проникновению римских торговцев, и распола-

[1] Само слово *germanus* латинское, но по-французски «cousin germain» переводится как «двоюродный брат», а «cousin issu de germains» — «троюродный брат». — *Примеч. пер.*

гали бескрайними землями, где эти народы могли укрыться, ничуть не опасаясь легионов Цезаря. Таким образом, Цезарь хитроумно обрезал ту Галлию, которая представлялась ему политически и экономически годной для колонизации.

Границы земель, на которых галлы проживали на протяжении пяти веков своей независимости, простираются гораздо дальше границ Галлии Цезаря. Галлы жили от океана до Баварии, от Северного моря до Пиренеев, а также заселяли всю Северную Италию. Земли эти были не всегда галльскими: на некоторых они поселились с древнейших времен (по крайней мере, с начала V века до н.э.), ряд других стали галльскими лишь в позднее время, другие – только на короткий период (например, некоторые альпийские области).

Далее читатель познакомится с территориями и народами, которые на них проживали и формировали саму суть галльского мира. Также читатель узнает о различных формах галльских жилищ.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Галльская география – это прежде всего человеческая география. Галльские территории не образуют какой-то четкой реальности, как в случае с иберийским или эллинским полуостровами. Они являются галльскими, поскольку оставались или были заняты галлами некоторое время. Тем не менее термин «галльский» порождает проблему. *Gallus* – латинское слово, происхождение которого темно и противоречиво. Кажется, что впервые оно появляется в начале IV века до н.э. в капитолийских летописях в связи с триумфом Камилла и означает кельтских захватчиков, угрожавших Риму. Значит ли это, что с тех пор римляне называли *Gallia* или *Galliae* (поскольку их было несколько) области, рас-

Карта римских провинций в Галлии в 50-х гг. до н.э.

положенные к северу от Альп? На самом деле, возможно, что латины смешали эти территории и их обитателей, так как сами галлы себя галлами не называли, но всегда кельтами или, проще, именем народа, к которому они принадлежали.

Так как термин *galli* употреблялся почти исключительно латинскими авторами, в то время как древние греки (пока не совершили путешествий в страну галлов) говорили о *keltoï*, потом более поздние авторы – о *galataï*, то некоторые историки предлагают считать три этих этнонима тождественными: галлы латинов должны были бы быть не кем иным, как кельтами, известными грекам. В таком случае спрашивается: каково происхождение слова *gallus*, которое, очевидно, имеет другой корень,

нежели *keltos*? Ответ однозначно содержится в первой фразе книги Цезаря «Записки о Галльской войне». При всей очевидной противоречивости этой фразы она отражает реальность, с которой столкнулся Цезарь, пытавшийся понять все непростые этнические различия и желавший осуществить на деле идею единой Галлии. Вот что он пишет: «Вся Галлия при всей своей совокупности разделена на три части. В одной из них живут белги, в другой аквитаны, в третьей те племена, которые на собственном языке называют себя кельтами, и которых мы называем галлами. Все они отличаются друг от друга по языку, обычаям и законам». Невозможно было выразиться яснее и в то же время более противоречиво: если три народа не имеют друг с другом ничего общего, то невозможна никакая Галлия, которая бы их объединяла. Зато Галлия, откуда, по мнению римлян, пришли те, кто в начале IV века до н.э. взяли Рим, определенно должна была бы быть обширной территорией между океаном, Сеной, Гаронной и Роной, обитатели которой сами себя называли кельтами. Она должна была бы быть территорией происхождения галлов: в этой центральной части Франции с VI века развивалась блистательная гальштатская культура. Таким образом, эта Галлия представляется самой древней из всех галльских стран, в которой галлы проживали дольше всего. Сами ли ее обитатели присвоили ей имя Gallia, или же они были собраны в некий большой союз, который носит имя *Galli*? Правильной однозначно является только одна из приведенных гипотез.

У этих первых галлов была столь сильная харизма, что их имя перекочевало на итальянские территории, завоеванные ими с начала IV века до н.э. Таким образом, первая *Gallia*, которую знали римляне, была Цизальпинская. Определенно

существовала общекельтская традиция, когда мигрирующая часть народа сохраняла имя коренного народа и давала это имя завоеванным землям. Так, по обеим сторонам Ла-Манша – во Франции и в Англии – мы видим паризиев и атребатов. Тектосаги были как в районе Тулузы, так и в Галатии; сеноны – в Бургундии и в районе Анконы. Можно было бы привести еще массу примеров. Так галлы распространились на большей части Западной Европы.

Но такое влияние отражалось не только на мозаике завоеваний. Галлы, обладавшие высокой материальной и духовной культурой, проявляли высокие воинские доблести, на которых держалась вся их военная и политическая иерархия. Они производили сильное впечатление на соседние народы, будь то горцы или кочевники. Народы севера, которых римляне называли германцами, древние горцы Альп, объединенные общим именем лигуры, народы иберийского полуострова подверглись различной степени кельтско-галльского влияния. Некоторые переняли галльское вооружение и обычаи в одежде, ряд других – их политические учреждения (в частности, царскую власть), другие вообще растворились как *pagus* в среде народа или же как народ в галльском союзе.

Античные историки и географы, проявлявшие необычайный интерес к межэтническим отношениям соседних варваров, сохранили воспоминания об этих различных формах заимствования чужеродной культуры. О народах Испании, отмеченных воздействием двух культур – кельтской и иберийской, – они говорят как о кельтиберах. Или о кельто-лигурах, когда речь идет о народах юго-востока Франции, о semigermani – прирейнских народах, которых невозможно однозначно отнести к галлам или к германцам.

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ТЕРРИТОРИИ И НАРОДЫ

Гальштатская культура, развивавшаяся в VII и VI веках до н.э. повсюду вокруг альпийского хребта, вызвала (хотя мы и не знаем точно, каковы механизмы этого перехода) появление больших очагов латенской культуры. Население резко возросло. Власть изменилась: на смену князьям пришли вожди в статусе воинов, которые зачастую по военным и политическим полномочиям были равны монархам. Материальная культура, проявлявшаяся в вооружении, украшениях и ремеслах, распространилась на широкие народные массы.

Эти могущественные народы заставили говорить о себе. Греки знали их под именем кельтов, латины – под именем галлов. Греки и латины торговали с ними через посредников и ничего не знали о местах, где эти народы жили. Греки размещали их к западу от скифов, римляне – к северо-западу от Альп. Археология подтверждает и то, и другое и позволяет лучше очертить территории, занятые кельтами и галлами в начале латенского периода, то есть в V веке до н.э. Они образуют широкий полумесяц к западу и северу от Альп шириной от 300 км в восточной части до 700 км – в западной. С запада на восток северными границами являются: океан, Сена, Эна, массив Айфель, Таунус, Тюрингия, плато Богемии и

Кратер. Латенская культура. VI в. до н.э.

равнина Паннонии; южными границами: Гаронна, Севенны, Рона и Альпы.

Наши познания о галльских народах, проживавших в данных областях, крайне скудны, так как первые финикийские, карфагенские, греческие экспедиции в Западную и Северную Европу были морскими и проходили вдоль берегов. Единственными внятными, хотя и противоречивыми сведениями мы обязаны Титу Ливию: он объясняет происхождение галльского вторжения в Италию. Согласно римскому историку, оно должно было бы исходить из центра Галлии, и решение о нем должен был бы принять Амбигат, который происходил из народа битуригов и являлся царем Кельтики. С битуригской молодежью должна была бы отправиться в поход молодая поросль арвернов, эдуев, амбарров, карнутов и аулерков. Так как Тит Ливий совершает хронологическую ошибку, помещая это вторжение, которое могло произойти лишь в начале IV века, во времена правления Тарквиния Приска (то есть около 600 года до н.э.), то некоторые историки вообще ставят под сомнение приход и особенно присутствие здесь этих галльских народов. Оно кажется им слишком преждевременным. Но ведь археология с течением времени все больше и больше убеждается в правоте римского историка. Эдуи определенно были народом, обосновавшимся на Морване[1] и политически сложившимся задолго до прибытия Цезаря в Галлию. Недавние открытия, сделанные в Бурже у битуригов, показывают, что данная местность была заселена с VI века до н.э. и здесь уже вели торговлю со многими городами средиземноморского мира. Арверны тоже весьма древний народ. Значит, не стоит сомневаться в качестве сведений Тита Ливия, который по

[1] Возвышенность в Бургундии. — *Примеч. пер.*

своему обыкновению должен был их почерпнуть из древнейших архивов Рима.

По восточной части кельтской территории, по всей южной половине Германии никакой точной информацией мы не располагаем. Некоторые историки полагают, что бойи, обосновавшиеся в Цизальпинской области, пришли из Баварии или Богемии, куда они потом должны были бы вернуться после завоевания Цизальпинской области Римом. Среди народов, в древнем происхождении которых не приходится сомневаться, присутствуют вольки, а у них известны по меньшей мере две ветви: так называемые арекомики и тектосаги, обосновавшиеся в двух областях, крайне удаленных от кельтского мира, — область Тулузы на западе и Галатия на востоке. Но мы ничего не знаем о том, откуда они происходят.

ТЕРРИТОРИИ МИГРАЦИИ

Демографический скачок у кельтских народов, их экономика, основывавшаяся не в последнюю очередь на войне, их экстенсивное сельское хозяйство также являлись факторами, которые заставляли их постоянно раздвигать границы своих земель. Этот поиск никогда не приводил к основанию настоящих колоний, как то было у греков и финикийцев. Причина проста: галлы не располагали метрополиями, которые могли служить отправной точкой по отношению к сети колоний, всегда привязанных к материнской земле. Либо галльские мигрирующие народы начинали простую центробежную экспансию, либо они окончательно покидали места своего происхождения. В большинстве случаев эти миграции были частичными и, вероятно, носили характер *ver sacrum* («весна священная») — латинское выражение, обозначающее

ритуально обставленную, посвященную Марсу миграцию каждого нового поколения, которое должно было, как правило, силой завоевать себе новую страну. Легенда об Амбигате вписывается в подобную практику, распространенную во всем индоевропейском мире. Между осколками поделенных таким образом народов сохранялись контакты, но связи эти были не торговые и экономические, а скорее родственные и союзнические.

В подавляющем большинстве территории миграций находятся на периферии земли происхождения кельтов, зачастую на внушительном отдалении (от 5 до 600 км от старых границ). Впрочем, движение не было абсолютно радиальным: людей манили только юг, запад и в меньшей мере – восток. Именно Италия раньше всего притянула с наибольшей силой галлов, которые желали завоевать эту обетованную землю, ведь на ней рождались столь любимые ими вино, масло и великолепные ремесленные изделия. И если им удалось спуститься до самого края полуострова, то прочно закрепиться они смогли лишь в северной части, на южных склонах Альп, на равнине По, на восточном склоне Апеннин и в Марке. В этом регионе, первом, который латины назвали *Gallia*, они оставили свой неповторимый галльский след. Тем не менее галлы вступали в сношения с местными народами – лигурами, венетами, этрусками – и у двух последних даже в избытке перенимали культуру.

В ту же эпоху, в начале IV века до н.э., если доверять легенде, сообщаемой Титом Ливием, и археологическим свидетельствам, должна была бы произойти миграция к востоку – в Богемию и на равнину Венгрии. К сожалению, отсутствие исторических данных не позволяет в точности установить, как это происходило. Каково было географическое происхождение мигрантов? Была ли одна

Монета гельветов. 100–80 гг. до н.э.

или несколько миграционных волн? Больше известно о прибытии белгских народов на север и запад Франции и на Британские острова между концом IV и началом III века до н.э. Белги были кельтами — уроженцами юга Германии и, может быть, Богемии. Они несколькими волнами перешли Рейн и направились к долине Сены, остановившись на рубеже проживания галльских народов центра Франции. Они селились последовательно друг за другом, но часть этих народов довольно скоро пересекла Ла-Манш и осела на юге Британии.

В ту же эпоху, в начале III века, средиземноморский мир пребывает в возбуждении, и кельты, по заявлениям историка Полибия, «охвачены военным безумием». Происходившие с юга Германии и с восточных территорий, кельты, а также белги захватывают Македонию и Фракию и спускаются в Грецию вплоть до Дельф. Эту экспедицию они затеяли ради грабежа, но во время их странствий многие народы решают искать удачи в других местах. Часть племен основывает во Фракии царство со столицей Тилис, которое в течение полувека будет угрожать Византии; ряд других распространяются по придунайским областям, в Словении и Моравии. Наконец, некоторые в 278 году до н.э. переходят в Малую

Азию, где позже окончательно обосновываются на высоких анатолийских плато – в регионе, который будет назван Галатией.

Единственная миграция целого народа, оказавшаяся безуспешной, нам хорошо известна благодаря историческим документам, – это переселение гельветов. Оно, по-видимому, происходило исключительным образом. Чтобы вынудить всех жителей покинуть страну, в которой, несмотря на тесноту, им жилось вполне комфортно, их вожди приказывают сжечь все оппидумы, деревни и фермы. Они должны были завладеть территориями у сантонов, на севере Жиронды. Но Цезарь решил по-другому. В целом на протяжении I века до н.э. народы, проживавшие на склонах Альп, пришли в крайне нестабильное состояние. После римского завоевания Цизальпинской области бойи покинули Италию и часть этого народа присоединилась к неудачному переходу гельветов. Когда последние вынуждены были вернуться в свою страну, Цезарь приказал эдуям принять бойев. Во время вторжения кимвров и тевтонов один народ из гельветского союза, тигурины, покинул свои земли, чтобы последовать за ужасными захватчиками – гельветами. Цезарь обязывает тегуринов вернуться в свои земли, но народ рассеивается по различным землям. Вероятно, какая-то его часть укрылась в Альпах или на территориях, расположенных восточнее.

ТЕРРИТОРИИ СО СМЕШАННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Галлы завоевывали страны, обитатели которых иногда оказывали им ожесточенное сопротивление, но им никогда не удавалось покорять народы с более высокой цивилизацией либо народы с прими-

тивным образом жизни (к примеру, горцев). Галлы либо вынуждены были подчиняться (как в случае с Римом в Цизальпинской области, будущей Провинцией, а затем и с Внутренней Галлией), либо вступать в культурное взаимодействие, причем каждый народ терял какие-то свои особенные черты и приобретал новые. На окраинах исконно галльских территорий находятся целые области, население которых квалифицируется как «смешанное», за невозможностью подобрать лучший термин. Не всегда понятно, идет ли речь о смешанном, или об инородном населении, отчасти усвоившем галльскую культуру. Или два эти фактора объединились и дали в результате более сложную реальность. Часто эти области легко распознаваемы по тому факту, что их жители у древних авторов обозначаются двойным этнонимом. Так, говорят о кельтиберах, о кельто-лигурах или, как их называли римляне, о *semigermani*. Но данный феномен, подтверждаемый также и археологическими данными, представляется распространенным более широко, и он не всегда был особо отмечен в трудах древних историков и географов.

Юго-запад галльского мира определенно представляет наилучший тому пример. Предположительно, отдельные группы галлов достаточно рано проникли на Иберийский полуостров: здесь легко уловимы их имена с заметным кельтским звучанием. Но они не смогли сформировать гомогенного населения, которое могло бы доминировать над иберами. Две цивилизации плотно соединились. Единственными свидетельствами о галльской основе являются топонимы и вооружение кельтского типа. К северо-западу от кельтиберов располагаются аквитанцы, которые тоже не являются аутентичными галлами, как это недвусмысленно уточняет Цезарь в начале своей «Галльской войны». Вероятно, речь

идет об автохтонном народе некельтского происхождения, который должен был бы подвергнуться кельтскому влиянию лишь довольно поздно.

На юго-востоке Галлии, как раз на провансальском побережье и в Лигурии, живут народы, самыми древними греческими географами названные кельто-лигурами. Их происхождение лигурийское. Так называют очень древнее население южных склонов Альп. Эти горцы, поделенные на множество мелких народностей, подверглись кельтскому влиянию. Наиболее известным кельто-лигурским народом являются салии. При этом народ был самым могущественным и занимал всю внутреннюю территорию Массалии.

На севере Галлии границы галльской территории были прочерчены менее четко, поскольку там не было никакого естественного барьера. Местные народы по берегам Северного моря, которых, начиная с Цезаря, называли германцами, тоже не обладали цивилизацией, достаточно крепкой, чтобы противостоять военным аппетитам галлов. Но последние не были заинтересованы в завоевании новых земель в северном направлении. Зато германцы только и мечтали, как бы обосноваться в Галлии и даже продвинуться дальше – до Италии; впрочем, они не обладали необходимыми для такого вторжения военными возможностями. Тем не менее галлы, особенно белги, выбрали эти территории, чтобы заниматься там грабежом и упражняться в воинском искусстве. Подобные почти ежегодные столкновения, как сообщает нам Цезарь, хотя и кровопролитные, рождали культурные связи, которые мало-помалу укреплялись супружескими узами. Эти связи между белгами и германцами были тем более сильными, поскольку первые являлись уроженцами (до III века) зарейнских областей, где и проживали германцы в эпоху Цезаря. В I веке до н.э. уже было

сложно понять, кто среди народов, проживавших по берегам Рейна, являлся подлинными галлами. Вот почему некоторые античные авторы прибегали к выражению *semigermani*.

ТЕРРИТОРИЯ ОДНОГО НАРОДА

Эти различные примеры прекрасно иллюстрируют фундаментальную особенность галльской и в целом кельтской цивилизации, у которой территория является прежде всего жизненным пространством этнической группы. Значит, ее размер зависит лишь от демографических способностей и от устремлений людей, а не от инфраструктуры, которая ею здесь была создана. Вот почему территория с течением времени может увеличиваться или уменьшаться. Также она может быть передвинута, даже разделена при поглощении одного народа другим, более многочисленным. Она до такой степени является отражением живущих на ней людей, что начинает отображать даже различные их племенные группы. Народ, как правило, объединяет несколько больших племен; каждое из них располагает своей долей земель внутри общей территории. Эту долю Цезарь называет пагус (*pagus*), что традиционно переводится как «кантон». В широком смысле по причинам, которые будут названы ниже, слово обозначает также и племя, проживающее на этой земле.

У галлов, как и у германцев, фундаментальной этнической единицей на самом деле является племя — общность родов, имеющих одно происхождение, иногда очень древнее. Численность племени составляет от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек. Племя занимает пространство, соответствующее его численности, средняя площадь — около 100 000 гектаров, но могут быть и иные

случаи. Территория имеет естественные границы, в частности, русла рек, горные или лесные массивы, которые, кажется, мало меняются со временем. Дело в том, что пагус обладал немалой автономией и перед лицом всех военных и миграционных опасностей проявлял большую прочность, чем территория народа, в которую он был включен. Именно пагус дал начало французскому слову «pays» (страна), которое означает множество небольших областей, во многом неповторимых, и они с галльской эпохи расцвечивают Францию древними и любопытными названиями – Медок, Ла-Суль, Кейра, Кондроз, Ле-Бюш... Происхождение их коренится в именах племен, которые проживали в каждой области (так, кондрусы дали Кондроз, сильванекты – Санлис). Территориальная целостность пагуса более важна, чем его принадлежность к стоящей над ним общей территории народа. Некоторые племена со своей землей выходили из подчинения племен, владевших ими, и присоединялись к соседним народам или же начинали самостоятельную жизнь. Римская администрация в эпоху Августа использовала этот племенной индивидуализм и расчленяла наиболее важные *civitates* (земли народов): так сильванекты, принадлежавшие к могущественному племени суэссионов, получили свою автономию.

Каждый *civitas* делился на 4–10 кантонов, это членение благодаря действенному политическому режиму не наносило вреда сплоченности народа, но, естественно, не содействовало общему обустройству страны, еще в меньшей степени – развитию необходимого централизма. Только древние народы средней численностью от 200 000 до 600 000 предоставляли возможность для появления этнических и территориальных единиц – крепких и стабильных. Они есть в центральной части Франции, от Соммы до Гаронны и от океана до Роны и Соны. На север-

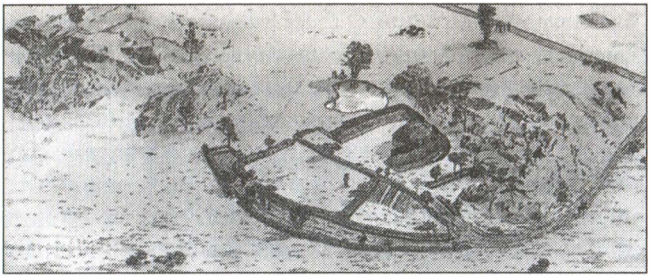
ных, восточных и южных окраинах племена ревниво хранили свою независимость, и это мешало возникновению могущественных округов (*civitates*).

МИНИМАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Галлы вне рамок своего племени все свои отношения — будь то политические, экономические, религиозные или военные, — завязывали на основе объединений. *Civitas*, описанный Цезарем, является всего лишь древним союзом, спайкой некоторых племен. Но *civitates* также формировали внутри них малые союзы, которые могли быть могущественными и сохранялись десятилетиями, но часто при этом оставались текучими и подверженными всевозможным рискам. Такая система общественных отношений плохо поддавалась централизации, подразумевавшей создание надплеменной структуры. Могла ли она также иметь настоящую столицу — административный и экономический центр? Тем более что у галлов не было никакого стремления к городской жизни. Их идеалом, как и у германцев, была жизнь на природе, в обширных сельских поселениях, посреди своих соплеменников, своих земель и стад. И все же понятие территориального центра не было им совершенно неизвестно. В кельтском мире одним из самых распространенных названий мест является *mediolanum*, что буквально означает «центральная равнина», то есть центральное место сосредоточения чего бы то ни было. Такое наименование часто давали какому-нибудь укрепленному месту (Милан в Цизальпинской области, например), но они редко находились в центре *civitas*, они скорее были одним из его *pagi*.

Сплоченность народа, состоящего из племен, проявлялась только на политическом, военном или религиозном уровнях и всякий раз на конфедеративной основе. Таким образом, требовались места, где представители племен и великих родов могли собираться, держать совет, выносить решения, подписывать обязательства и совершенно очевидно чтить общих богов. Археология вплоть до нынешнего времени едва ли склоняется к утверждению, что имелась некая общественная инфраструктура, часто достигавшая огромных размеров и оставившая лишь незначительные следы. Впрочем, сегодня уже больше знают о святилищах. Нужно понимать, что (то есть до конца III века до н.э.) они задумывались для различных целей. Люди, исполнявшие обряды, обычно были царями или полководцами, которые решали судьбы войн. То же самое место могло подходить для различных видов деятельности, близко связанных друг с другом, так как боги имели отношение к любому военному или политическому решению. Постройки, предназначенные для исполнения властных полномочий, включали в себя соответствующее святилище, вокруг которого были сооружены более громоздкие постройки, позволявшие проведение больших собраний и непременно приуроченных к ним пиршеств. Здесь собиралась только элита общества независимо от ее числа (члены благородных и богатых родов, все воины с титулами). Простонародье (клиенты, бедняки, рабы) сюда не приглашали. Вот почему эти общие учреждения не сопровождались появлением на своей периферии примитивных рынков и ремесленных точек — они возникли позже, когда плебс постепенно прибирал к рукам общественные дела.

Со II века до н.э., наоборот, к поселениям добавлялись территории и пристраивались сооруже-



Реконструированная галльская усадьба. Кот д'Армор, Франция

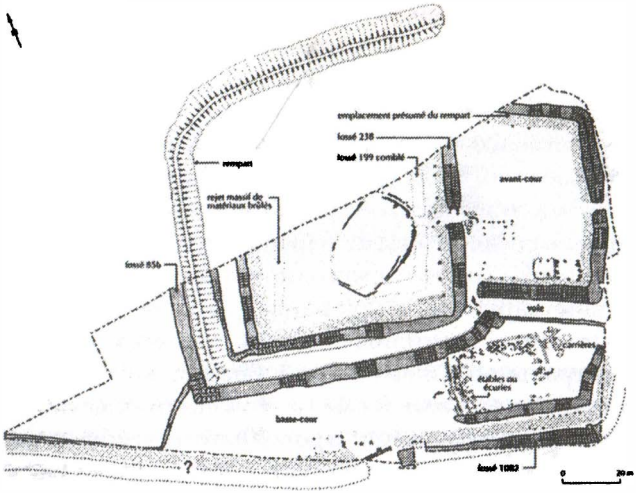
ния, предназначенные для общественного пользования, – вероятно, для народных собраний и отправления культа, позволенного простонародью. Данная тенденция усилилась в ту же эпоху благодаря набегам в Галлию народов, проживавших по эту сторону Рейна, и зарейнских народов, которых Цезарь назвал германцами. Опасность – особенно вторжения так называемых кимвров и тевтонов, – стала причиной необходимости большего воинского набора, формирования значительных армий и усиления мер по защите крестьянства и крестьянского хозяйства. Условия нестабильности, повторявшиеся в течение долгих периодов, содействовали возникновению важных укрепленных пунктов, называемых оппидумы (*oppida*). В них находились абсолютно все типы необходимых коллективных учреждений – даже те, которые предназначались для элиты.

Но никогда до римского завоевания галлы не пытались насаждать в стране своего проживания инфраструктуру, общую для нескольких племен или для союза, или органы, которые можно было бы квалифицировать как региональные. Великие пути сообщения были еще старые, проложенные для торговли с городами Средиземноморья. Физическая география накладывала свой отпечаток.

Каждый из народов на свой лад использовал ту часть путей, которая пролегала через его страну: пути контролировали главным образом по стратегическим и финансовым причинам (пользование сухопутными и речными путями было платным), но вовсе не пытались создать сеть коммуникаций, охватывающую всю область. Единственно, что могло разъединять многие народы, была религия. Цезарь, когда созывал ежегодное собрание друидов в стране карнутов, подчеркивал, что это собрание проходит в святилище, общем для всех народов Центральной Галлии – той Галлии, которую Цезарь называл *Celtae*. В самом этом святилище либо в каком-то другом месте проводились судебные разбирательства, целью которых было улаживание споров между народами.

РАЗБРОСАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Подчеркнуто сельский образ жизни галлов объясняет их значительное отставание в урбанизации; также он объясняет природу их жилищ, – разбросанных, иногда до крайности. Особенно у белгов. Две эти характерные черты галльского поселения отмечены несколькими другими факторами. С одной стороны, это режим наследуемой собственности и общественных отношений, почти целиком подчиненных практике клиентелы. Только знать или воины в древние времена пользовались еще и наследуемой собственностью. Эти владения – зачастую обширные, с наделами, распределенными среди многих племен и даже многих частных лиц, – вынуждали их обладателя ходатайствовать перед клиентами, более-менее высоко стоящими на социальной лестнице и распоряжавшимися более-менее большим количеством крестьян и рабов. С другой стороны, частые



План укрепленного поселения. Кот д'Армор, Франция

войны всегда поставляли новые земли, которые надо было занимать и защищать.

Из указанных две причины приводят к экстенсивному и интенсивному землепользованию. В III веке до н.э. леса на севере Франции вырубались более интенсивно, чем сейчас. Освоение земель сопровождалось их заселением. Знатные люди жили в центре своего домена в комфортабельных фермах огромных размеров, которые археологи назвали аристократическими резиденциями. (Поль в Кот д'Армор и Монмартэн в Уазе являются превосходными примерами этого.) Остаток земель этого же собственника распределялся на один или несколько других доменов — местопребываний более скромных ферм, вокруг которых группировались лачуги крестьян. С V века до н.э. эта ситуация являлась в Галлии самой обычной. Еще Цезарь застал такое положение вещей.

Деревни редки, в древнюю эпоху их почти нет. Самые ранние появляются в начале II века до н.э.

Они представляют собой небольшие скопления, по площади никогда не превышающие 10 гектаров и включающие в себя несколько десятков домов. Эти последние чаще всего выстраиваются вдоль одной или нескольких улочек и образуют достаточно редкую сеть, где проходы, окруженные палисадниками, чередуются с домами. Представляется, что в большинстве случаев причиной появления подобных селений являлась более-менее важная дорога или какая-нибудь река. Наиболее известные случаи этого – Аси-Романс (Арденны), Роанн и Фер (Луара), Левру (Эндр). Во всех этих местностях жилище, как правило, смешанное – сельское и ремесленное. Кроме общего плана, обусловленного дорожной или речной сетью, возле которой они возникали, у них нет никаких построек для общественного пользования (система защиты, обустроенное место для общественных собраний, канализация и т.д.). Создается впечатление, что подобные пространства являлись свободными зонами, на которых могли селиться свободные люди. Действительно, они появляются в период частых военных конфликтов, в которых задействовано большое число войск. А частые и многочисленные рекрутские наборы непременно сопровождались появлением новых свобод и прав.

УКРЕПЛЕННЫЕ МЕСТА, ИЛИ ОППИДУМЫ

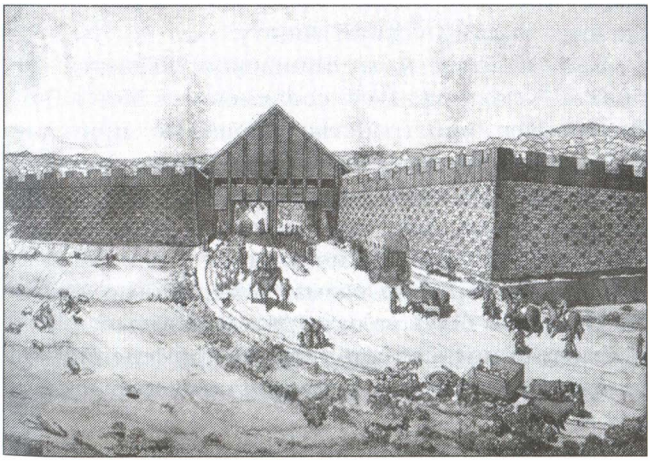
Во второй половине II века до н.э. появляется новая форма жилища, которая в течение следующего столетия распространяется по всей кельтской Европе. Это оппидум – латинское название, даваемое обширным укрепленным местам, обладающим характеристиками, которые настолько же отличают

их от небольших крепостей эпохи бронзы и первой эпохи железа, как и от укрепленных городов средиземноморского мира. Эти обширные укрепления площадью от 100 до 1500 га (последнее значение дано по Гейденграбену в Германии – самому обширному из подобных мест) располагались чаще всего в местах, естественным образом защищенных. Известны и исключения (*оппидумы* на равнине, в меандрах рек).

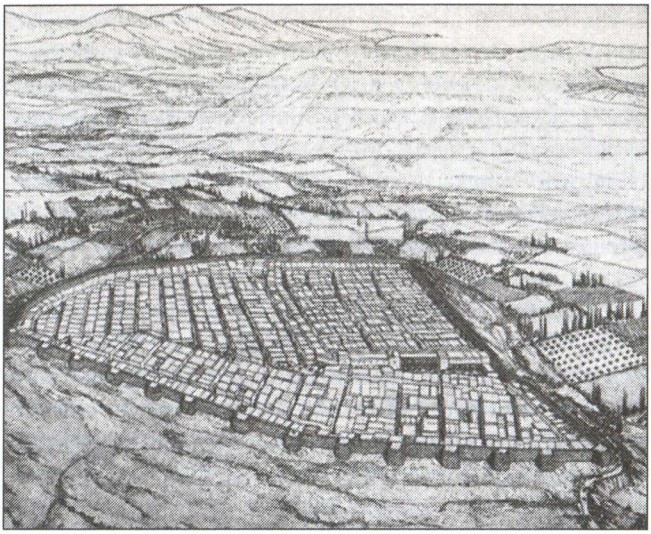
Если окружающая их крепостная стена представляется нам самым значительным элементом, так как зачастую это единственное, что от них осталось, то при детальном ее рассмотрении оказывается, что она имеет плохие оборонительные характеристики и обладает крайне относительной прочностью. Самый известный тип такого сооружения – тот, что описан Цезарем и которому он присвоил имя *murus gallicus*. Речь идет о сооружении, покрытом щебнем, основа которого была составлена из балочной решетки, поддерживаемой большими железными штырями. С внешней стороны – каменный откос, образующий стенку высотой 5–8 метров, к которому прикреплены весьма эстетичного вида балки. Эти крепостные стены, очень протяженные, было трудно оборонять. Их часто разрушали и восстанавливали.

Оппидумы никогда не играли стратегической роли при обороне территории или при охране торговых путей. Возможно, это объясняет тот факт, что на момент романизации мало подобных укрепленных мест было преобразовано в постоянные города. Урбанизация здесь была мало развита – вот почему по поводу оппидумов говорят как о протоурбанистических постройках. В них заметно наличие системы коллективной обороны (крепостная стена и укрепленные ворота), мест, которые могли служить для совершенно различных родов

деятельности (для военного сосредоточения, для собраний, празднеств и торговли), мест отправления культа, открытых для широких народных масс. Здесь заметно функциональное деление пространства (жилые зоны, зоны для ремесленничества, складирования, загоны для скота). Но, несмотря на все это, общественная инфраструктура остается весьма примитивной: нет заранее разработанного плана, нет долговечных массивных сооружений, нет коллективного водоснабжения и канализации. Зато оппидум, бесспорно, пока сохраняет сельский характер, который заметен в обширных пространствах, никогда не застраивавшихся, служивших, по-видимому, загонами для скота. Возможно, здесь выращивались и растения первой необходимости. Такие большие пространства также годились для размещения крестьянского населения в случае военной угрозы. Весьма правильное топографическое расположение и окружающие их протяженные крепостные стены заставляют сделать



Реконструкция ворот и стен Бибракты. Мон-Бёвре, Франция



Реконструкция оппидума. Экс-ан-Прованс, Франция

предположение, что *оппидумы* были прибежищем для населения со всей округи (несколько десятков тысяч человек). Только такие места и могли обеспечить людям должную защиту.

Самым известным оппидумом является Бибракта – столица эдуев, современный Мон-Бёвре. Внутреннее пространство площадью примерно 135 га распределено было здесь на функциональные зоны. Культовые места занимали самые возвышенные точки. Аристократические резиденции и торговые площади располагались в центральной части и на вершине холма. Ремесленные кварталы отнесены были на окраины, в низины и за крепостные стены – то есть туда, где применение огня (в кузницах, например) не представляло опасности для жилищ.

Действительно, оппидумы, по-видимому, появляются в ответ на первые германские вторжения, во множестве строятся во время вторжения кимвров

и тевтонов, а максимальное распространение получают во время Галльской войны и в три последующие десятилетия. Все же место появления первых оппидумов пока остается для археологов загадкой. Сталкиваются по крайней мере два предположения: одно утверждает, что самые древние из них были построены в Северной Италии, другое указывает на Богемию.

III

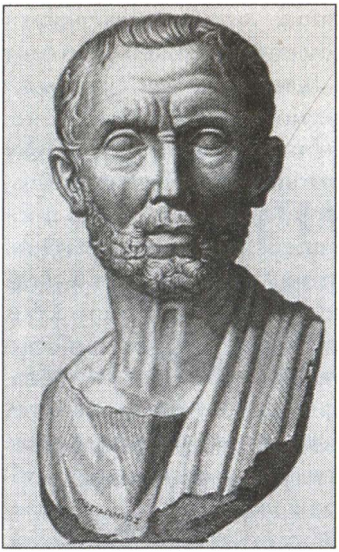
СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Общественную структуру, различные способы правления, формы власти у галлов сегодня можно понять, только обратившись к древним авторам — греческим и латинским. Так как у самих галлов письменности не было, мы не располагаем галльскими автохтонными научными трактатами, текстами по законодательству и даже не имеем рельефной иконографии, какая была в Месопотамии или у силутов. К счастью, древние историки и географы живо интересовались историей и особенно образом жизни галлов. Собственно, у них был особый, универсальный подход в изучении своих близких и дальних соседей. Например, Геродот, знакомя римского читателя с каким-либо туземным народом, давал краткий социологический и политический анализ его истории и быта. Жаль, что у недавних историков по галлам мы не находим никакого целостного исследования о том, на чем же основывалась их цивилизация. Д'Арбуа де Жюбенвиль, Камиль Жюлиан, Анри Юбер, хоть и были увлечены социологией кельтов, отказались составлять ее всеобъемлющую картину. Действительно, задача не из легких.

Первая трудность обнаруживается уже в самом творчестве древних авторов, которые имели не-

достаточный научный багаж, чтобы исследовать типы общественных отношений и правила жизни в обществах, достаточно далеких от тех, что были им известны в их собственной стране. Эти межчеловеческие отношения были сложны и, поскольку они не были нигде прописаны, допускали многочисленные разночтения и потому могли быть прояснены не иначе как при посредничестве друидов. Греческие путешественники, знавшие галльский язык плохо или не знавшие его вовсе, пропускали множество нюансов, до крайности упрощали описание системы клиентелы, которая присутствовала на всех уровнях социальной лестницы галлов. Мало того, они еще и привносили путаницу в свои описания. Весь их концептуальный инструментарий был главным образом позаимствован из классификационных систем обществ и способов управления, разработанных Платоном, а затем Аристотелем. Кельтам, естественно, в этих системах места не находилось, так как «сите» в аристотелевском смысле («политическая община») появилось здесь лишь довольно поздно. Понятие «конституция» для галлов также не имело никакого смысла. Вот почему использование таких терминов, как монархия, аристократия, знать, под пером этих авторов кажется неверным, а часто вообще лишенным смысла.

Чтобы понять природу галльского общества, надо было обладать солидной подготовкой в области этнологии. За две тысячи лет до образования этой дисциплины такое, очевидно, было невозможно. Но гениальный ученый — Посидоний Апамейский — смог понаблюдать за галлами с большим любопытством и открытым умом, что позволило ему отметить нравы и поведение, которые другие путешественники обходили молчанием. Его труд, выдержки из которого приводят Цезарь, Диодор Сицилийский



Посидоний Апамейский

и Страбон, — это произведение этнографа. С древних времен оно было отправной точкой при любом исследовании галльского общества. Даже в наши дни следует стремиться найти его отрывки в их изначальной форме, что нелегко, поскольку труд Посидония почти целиком утрачен. От него остаются лишь воспроизведенные или вкратце изложенные фрагменты.

Древние сведения — пусть тоже отрывочные — в любом случае дают представления о совершенно разных политических ситуациях на всех территориях, занятых галлами. Причина этого коренится в неограниченной автономии народов, каждый из которых представлял собой прямо-таки настоящее государство. Есть несколько случаев политических объединений соседних народов (в их случае говорили о *sympoliteïa* — политическом и учредительном союзе двух народов, которые в то же время сохраняют свою этническую автономию, например между ремами и суэссионами в начале I века до н.э.), но они редки и никогда не сохранялись достаточно долгое время. Такая автономия еще более усиливалась педантичным консерватизмом в отношении местного политического режима — и то, и другое тормозило влияние, которое могло проявляться в отношении соседних цивилизаций или даже соседних

галльских народов, располагавших более совершенными учреждениями.

Тем не менее, начиная с III века до н.э., галльское общество преобразуется с удивительной быстротой — может быть, как раз потому, что оно слишком долго оставалось без движения. Эти общественные изменения, естественно, получают отклик на политическом уровне. Но тогда еще каждый народ преобразуется в своем собственном ритме, будучи не слишком затронут опытом соседей или даже своих союзников или конфедератов. На протяжении II и I веков возникают различные межплеменные противоречия и конфликты, примерно такие же и того же масштаба, с которыми Юлию Цезарю, по прибытии его в Галлию, приходится сталкиваться. Не желая того, он вынужден вмешиваться в сложные отношения многих народов. В некоторых сите, где отвергали царскую власть уже век или два, он будет возводить на престол кого-то из своих сторонников или, не колеблясь, улаживать конфликты между соперниками — часто братьями, выступая как верховный судья. Однако Цезарь всегда будет согласовывать свое решение с местным «сенатом».

Колоссальная трудность, с которой мы сталкиваемся при попытке понять галльское общество, заключается по большей части в том, что используемые античными авторами термины и понятия неточны. Древние прибегали к собственной классификационной системе терминов, все еще употребляемых в наши дни и кажущихся нам совершенно понятными при описании политических режимов (монархия, аристократия, демократия и т.д.) или общественных структур (классы, знать, плебс...). Но эти термины почти не применимы к галлам, так как они довольно поздно освоили настоящую политическую практику. Долгое время вся общественная жизнь их определялась межличностными отноше-

ниями. Нам хорошо известна одна из их общественных форм, клиентела, особенно воинская. Иерархичность проявлялась на всех уровнях и буквально пронизывала галльское общество, касалось ли это войны, политики, труда и экономики, землепользования или родственных отношений.

Если галлы и ничего не изобрели в области политики, зато они широко практиковали форму вассалитета, которая, как отмечал Марк Блок, предваряла или подготавливала феодализм.

ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ-ПЛЕМЕНИ (CIVITAS)

С древнейших времен кельты делились на племена численностью от нескольких десятков тысяч до одной или нескольких сотен тысяч человек. Такой изначальный тип организации на протяжении краткой истории кельтов претерпел немалую эволюцию, но не исчез полностью – даже в Галлии в период, непосредственно предшествующий римскому завоеванию. Племя, значение которого зависит от количества людей, особенно воинов, идеально подходило этим кочевым или полукочевым народам, которым хотелось не только перемещаться, но также и оседать, где угодно, либо просто делать набеги в любых направлениях. Механизм власти у этих народов в период VI и V веков до н.э. должен был быть очень похож на тот, что был у германцев, как это описывает Тацит в начале нашей эры: исполнительная власть (в незначительных делах) находилась в руках царей или вождей, чьи полномочия были ограничены жрецами и особенно регулярно созывавшимся воинским собранием.

Значит, с первой эпохи железа существовало государство, которое нисходило до уровня племени и уже обладало основными чертами, о которых мы

расскажем ниже. Определенно великие вторжения V и IV веков, вынуждали племена объединяться для того, чтобы получить достаточно мощные боевые соединения. Эти стихийные явления способствовали появлению *civitates* – народов, занимавших относительно стабильную территорию. На этих территориях племена имели частичную автономию, каждое имело свою фракцию, pagus, основываясь на которой они сохраняли ограниченную политическую власть своих собственных вождей, даже своего собственного царя, свое собственное собрание. От союза, созданного для военных предприятий и завоеваний, действительно не стоило отказываться даже в случае перехода народа-племени к оседлому образу жизни. Союз всегда сохранял актуальность, он необходим был, например, для того, чтобы отражать возможные внешние угрозы или позволял переселяться на новые территории. Отношения по принципу клиентелы, супружеские союзы между родами, принадлежащими к разным племенам, и особенно – деятельность друидов (облеченных в числе прочего дипломатическими функциями), действенно укрепляли структуру государства-племени.

Государство-племя обладало своими собственными структурами и факторами, имело полномочия, в прежние времена возложенные на отдельные племена. Военное командование являлось первой функцией, которая должна была стать общей у племен, составлявших *civitas*: эта функция, необходимая во время миграций, носила постоянный характер, так как полководец священнодействовал в мирное и военное время. Эта функция породит свой гражданский эквивалент – верховного судью, полномочия и обязанности которого уравновешивали грозные права военного вождя. Собрания, общественный совет и сенат-собрание старейшин также должны были распространяться до уровня *civitas*.

КЛАССЫ ОБЩЕСТВА

♦ Общественное расслоение

Единственный документ по этой теме обнаруживается в труде Цезаря, который воспроизводит отрывки из Посидония и сопровождает их своими комментариями, не всегда верными. Так, он смешивает две системы классификации людей в галльском обществе – классы в собственном смысле слова, которые распределяют людей по их отношению к государству, и межличностные отношения (клиентела, или древняя форма вассалитета), которые основываются на дарах, обмене услугами и на различных общественных и политических навыках и обычаях. В первую очередь надлежит исследовать собственно классы общества, о которых пишет Цезарь.

В Галлии, как в Риме или в Греции, люди делились на две категории – свободные и рабы. Последние еще не становились вольноотпущенниками, не играли никакой роли в общественной жизни, тем более в политических делах.

Таким образом, свободные люди были прежде всего гражданами (термин слишком сильный по отношению к галлам, но мы будем под ним понимать «любого человека, играющего какую-либо политическую роль – пусть и второстепенную»), и делились они на три класса (*genus*). В действительности же Цезарь писал, что «в расчет берутся только два класса», что подразумевает наличие третьего (плебс), чья политическая роль ясно подтверждена им самим в его повествовании о событиях Галльской войны. Этими классами являются друиды, воины (всадники equites) и плебеи. Каждый класс или сословие занимает совершенно определенное положение по отношению к государству, что выражается в его обязанностях или, напротив, в освобождении от обязанностей. Упоми-

наются два типа обязанностей: они являются основными и даются при рождении. Это военная служба и налоги. Друиды не были прирожденным сословием, ими становились (часто по указанию богов). Они были освобождены от воинской повинности, а также от всех гражданских обязанностей, равно как и от налогов (по крайней мере, от прямых, идущих государству). Всадники или воины, наоборот, платили налоги и обладали привилегией быть призванными на военную службу. Представители плебса обязаны были только платить налоги.

Такое описание, которое дал Посидоний, основываясь на реалиях IV–II веков, прекрасно иллюстрирует представление о «функциональной троичности» древних индоевропейских обществ. О ней говорит Жорж Дюмезиль, который рассматривал политические, сакральные, военные и экономические задачи, приписанные каждая некой группе людей, где их исполнение было наследственным. На самом деле галльское общество сохранило в застывшей форме множество архаизмов, которые при этом не мешали тому, чтобы к ним прибавлялись лучше римские нововведения, разумеется, приспособленные для галльского общества. Так было в случае с налогами, переписью, может быть, с какой-то формой ценза (в его римском значении). Они придавали этим своеобразным кастам, более-менее неизменным, вид общественных классов, вероятно, стабильных, но в то же время эволюционирующих в середине I века до н.э., когда Цезарь излагал наблюдения Посидония в своем сочинении.

Друиды

Цезарь сообщает нам, каковы были их назначение и уклад, однако говорит он так, что чувствуется — сведения из книги Посидония для самого Цезаря в пору работы над «Галльской войной» уже

не являются важными. Впрочем, крайне примечательно, что во всей оставшейся части своего труда Цезарь ни одного галла не называет друидом. Но ведь мы знаем, что он имел дело по крайней мере с одним – очень знатным, эдуем Дивициаком, чье происхождение как друида обозначено лишь у другого автора – Цицерона (в его труде «О гадании»). Благодаря двум этим авторам мы знаем, что Дивициак – сенатор или старейшина у эдуев. По ходу повествования «Галльской войны» мы узнаем, что

Друиды. С гравюры XVII в.

Дивициак занимает в своей стране высшую судейскую должность. Он сопровождает Цезаря в его передвижениях и служит ему в качестве посредника в общении с другими галльскими народами. Со своей стороны, Цицерон сообщает нам, что Дивициак искусен в гадании, «он сведущ в науках о природе» и «предсказывает будущее то с помощью авгуров, то истолкованием знамений».

Дивициак, единственный известный представитель друидов, позволяет конкретизировать слишком общие рассуждения Цезаря и возместить некоторые недостающие сведения. Так, к хорошо известным их обязанностям ученых, философов, воспитателей, служителей фемиды следует добавить их политическую и особенно законодательную деятельность. В высшей степени вероятно, что как раз из них предпочтительно или, быть может, даже исключительно набирались те, кому доверяли высшие судейские должности. Важно добавить, что Думнорикс — брат и политический соперник Дивициака, — тоже был друидом. К сожалению, Цезарь не только не характеризует Дивициака как друида, но и не сообщает ничего об умственном развитии его и то, какие культовые действия он мог совершать. Однако надо полагать, что долгое время звание друида было наследственным, даже если для него требовалось длительное двадцатилетнее обучение.

Эквиты или воины

Также Цезарь вне своей этнографической сводки в книге VI никогда не называет никого, кто бы был *eques*, то есть принадлежал бы к классу *equites (всадников)*. Можно выдвинуть по меньшей мере два объяснения. Большинство галльских собеседников Цезаря, дружественных или враждебных, и так принадлежали к классу воинов. То есть было более ценным указать, что они были знатными или происходили из

благородных семей. Возможно, описание *воинского сословия* и сословия друидов, сделанное Посидонием, отчасти устарело к середине I века до н.э.

В любом случае уверенно можно утверждать, что *equites* с древнейших времен формировали группу людей, которые одни имели право воевать. Изначально такое положение было обусловлено денежными возможностями, необходимыми для приобретения очень дорогого снаряжения и оружия, а само вооружение вынуждало пехотинцев VI–IV веков до н.э. прибегать к услугам двух оруженосцев. Но статус воина тоже должен был быть наследственным. Наконец, с III века стала широко применяться лошадь, и расходы воина на снаряжение возросли еще более.

Статус воина в придачу к личным выгодам (часть добычи) обеспечивал ему высокое общественное положение, вынуждавшее его передвигаться вверх по социальной лестнице (он мог себе позволить более-менее обширную клиентелу), статус сулил также весьма заметное место в политической жизни. Воин присутствовал на всех военных советах, мог стать командующим военного отряда, мог даже быть выбран военачальником. Минусы положения заключались в том, что его в любой момент могли призвать в армию, он не имел права отказаться от исполнения своего воинского долга и должен был сражаться с врагом до победы.

Думнорикс, один из самых известных эквитов. Эдуйская монета

Плебс

Так называет (имя заимствовано из словаря римской политической жизни) Цезарь третий класс галльского общества. По понятиям римлянина, плебс мог быть классом, полностью лишенным власти. Термин *plebs* является римской адаптацией – несомненно, переводом греческого слова *plêthos*, которое должен был употреблять Посидоний и которое лучше было бы перевести словом «народ». Это свободные люди, не принадлежащие ни к какому знатному и древнему роду. Тем не менее, вопреки злоречивым рассуждениям Цезаря, эти люди не лишены средств, поскольку они должны платить налоги, и потому обладают какими-то политическими правами.

Единственное их имущество – это их рабочая сила и в той или иной степени специализированные технические знания. Именно из этих людей набирается основная масса крестьян и постоянно возрастающая масса ремесленников. Среди свободных людей также встречаются бывшие рабы – вольноотпущенники, об особом статусе которых ни один древний автор не говорит.

Участие простонародья в общественной жизни ограничено. Его не ожидают на большинстве общественных праздников, приуроченных к важным религиозным обрядам или войнам. К общественной жизни простолюдины имеют косвенный доступ, при посредстве своих патронов, которые приглашают их к своему столу и делятся своим богатством. Именно из простонародья выходит большая часть клиентов. Однако их вклад в эффективную работу государственного механизма в виде налога дает им политическую власть – ограниченную, но тем не менее реальную. По крайней мере так было на протяжении двух последних веков независимости.

Плебс участвует в народных собраниях. Его полномочия, конечно, сужены, но они все больше расширяются — особенно начиная с первых больших вторжений германцев.

Рабы

Древняя литература не предоставляет никакого целостного описания положения галльских рабов, что никоим образом не должно вызывать удивления, так как для греков и римлян, а также и для самих галлов в общественной и политической жизни рабы не имели никакого значения. Это не подразумевает, что они ничего не значили для общества. С рабами обращаются по-человечески, и они играют определяющую роль в экономике. Вероятно, они были весьма многочисленны, так как рабство структурно связано было с войной, а рожденные в рабстве оставались рабами. Весьма значительная часть военной добычи состоит из пленников, наибольшая часть которых обречена на рабство. Речь идет в основном о женщинах и детях. Побежденных воинов преимущественно предают смерти или, в надежде на выкуп, берут в заложники. Но во времена захватов новых территорий часть завоеванных крестьян мужского пола оставляли в живых для того, чтобы они трудились на земле для своих новых хозяев.

Как и во всех древних обществах, раб являлся вещью своего хозяина, его собственностью, частью его богатства. Неизвестно, существовали ли, как в Риме, общественные рабы, являвшиеся собственностью непосредственно государства. В обязанности частных рабов входило выполнение работ для поддержания в порядке хозяйства господина: работа в поле и по дому. В то же время, в отличие от римских рабов, галльские рабы не одни выполняли свою работу. Свободные мужчины и особенно их жены

тоже работали в поле. Но, главное, рабы не образовывали «преторианской гвардии» вокруг своего хозяина, как это бывало у многих народов. Они не участвовали в военных походах. Лишь во время завоевания Галлии Цезарем мы впервые видим рабов на поле битвы. То, что рабы не участвовали в боевых действиях, едва ли объясняется недоверием, которое они могли внушать. Скорее дело было в необычайной эффективности отношений воинского союза, то есть отношений, сложившихся между хозяевами и клиентами плебейского происхождения, к чему мы вернемся позже.

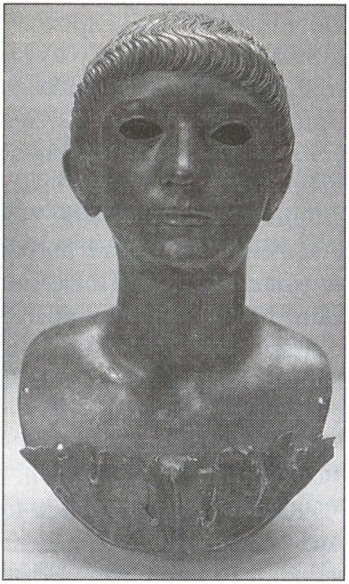
Хоть и редкие, но кое-какие сведения письменные источники дают о положении галльских рабов, о том, как с ними обращались, об их надеждах стать вольноотпущенниками. Посидоний в своем знаменитом описании пиршества воинов указывает, что их обслуживает молодой раб, в обязанности которого, в числе прочего, входит носить чашу ото рта ко рту. Присутствие раба среди вождей, подобно гомеровским героям, пирующим в богатстве и роскоши, позволяет сделать предположение, что занятие это, порученное рабу, было весьма почетно в галльском обществе. Тот же Посидоний в тексте, воспроизведенном Диодором, указывает, что раб выменивается на амфору с вином. Непонятно, следует ли из этого заключить, что рабы имеют небольшую ценность или же, напротив, имеют высокую цену, — ведь итальянское вино в Галлии ценилось очень дорого. Третья информация от Посидония, воспроизведенная на этот раз Цезарем, — более ясная. Описывая похороны состоятельных людей, он уточняет, что некоторые рабы были до такой степени дороги их хозяину, что они умертвлялись и сжигались на его погребальном костре наряду с клиентами, столь же дорогими для него. Хотя такая привилегия и представляется нам малозавидной,

она, бесспорно, свидетельствует об очень близких отношениях, которые возникали между господами и рабами. Такая привязанность могла выражаться даже в том, что господин давал рабу вольную, что вовсе не кажется уникальным случаем. Вот какую историю рассказывает Цезарь. Во время осады лагеря Цицерона некий нервий по имени Вертико, бывший добровольцем при римском военачальнике, дает поручение одному из своих рабов пробраться через ряды осаждающих римский лагерь галлов с целью разыскать Цезаря с его отрядом и передать ему просьбу Цицерона о помощи. Вертико обещал рабу свободу и хорошее вознаграждение. Невероятно, но реальность истории невозможно поставить под сомнение, так как Цезарь был действительно извещен и осада с лагеря Цицерона снята. Цезарь также свидетельствует и о доверительных отношениях, которые могли устанавливаться между господином и слугами.

♦ Непостоянная знать

Посидоний никогда не употребляет слово «знатный». Цезарь же, как представляется, пребывает в крайнем замешательстве при попытках как-то квалифицировать галльских вождей, с которыми он имеет дело. Он пишет, что они «очень знатные», «из самой высшей знати», «происходят из благороднейших родов» и т.д., но никогда не называет их просто «благородными». Однако по поводу некоторых галлов в книге Цезаря есть уточнения такого рода: один имеет «низкое происхождение», другой принадлежит к «почтенному роду». Следует заключить из этого, что у галлов не было собственного представления о знати – такого, которое существовало в Риме, но семьи придерживались своей особой иерархии знатности, о высших ступенях которой Цезарь говорит, основываясь на своих,

римских, понятиях о «знати». В Риме говорили о благородстве и знатности, основываясь на двух критериях – древности рода и заслугах хотя бы одного из членов рода на судейском поприще. В Галлии всему этому не придавалось значения. Если именитые рода были очень древнего происхождения и имели завидное положение в общественной и политической жизни, тем не менее их древность сама по себе не давала им власти де-юре и де-факто, поскольку общество всегда привечало доблестного воина – того, кто завоевывал новые территории и приносил добычу. Раз уж происхождение давало воину средства на вооружение и на дружину, то неважно, каким было это происхождение. Теперь понятно, что и получение судейской должности не представлялось большинству галлов доказательством какой-то исключительной ценности.



Портрет юного галла. 60–70 гг. н.э.

Тем не менее уточнения о происхождении родов, которые делает Цезарь, доказывают, с одной стороны, что между родами существовали значительные различия, с другой – их члены считали своим долгом гордиться принадлежностью к знатной родословной и часто напоминали о своем статусе внутри племени. В первой половине I века до н.э., вероятно, складывается новая ситуация. Рань-

ше знатные галлы прежде всего ссылались на собственные подвиги и рассказывали о подвигах своих предков. Теперь знатным галлам достаточно было простой принадлежности к некой семейной общности. Это отражает эволюцию общества, в котором экономика начинает брать верх над архаичными формами присвоения, – теперь богатство перевешивает воинскую доблесть. В своем описании пирушки воинов Посидоний демонстрирует воинские начала галльской аристократии IV–II веков. События Галльской войны выводят на арену новых людей, которых непонятно к кому отнести – к аристократам или коммерсантам-буржуа.

♦ Клиентела

Как и Рим, Галлия в колоссальных масштабах применяет систему клиентелы. Может быть, даже в большей мере, так как этот общественный институт проникает во все сферы жизни (социальная, политическая, дипломатическая, частная и, возможно, религиозная) и затрагивает всех людей (даже целые народы), за исключением рабов, подчиненное положение которых является абсолютным и ничем не компенсируется. У наших античных авторов нет какого-то целостного изложения данной социальной практики, которая является очень древней и принимает множество различных форм. Цезарь упоминает ее неоднократно и даже прибегает к латинским терминам, употребляемым в Риме, чтобы обозначать две стороны, которые связаны данным видом общественных отношений – *cliens* и его *patronus*. Роль клиентелы неясна прежде всего в политической области. Речь идет о властных полномочиях некоторых галлов, которые, вопреки судьям и сенату, навязывают свою волю, опираясь на плебс. Косвенное влияние плебса на важные решения становилось возмож-

ным лишь благодаря клиентеле. В обмен на услуги или материальные блага эти свободные, но нищие люди предлагают свое единственное богатство — свою долю власти, а именно право присутствовать на народных собраниях и участвовать в голосовании. По этому поводу Лиск говорит Цезарю: «Есть несколько человек, имеющих определяющее влияние на народ, и они — простые частные лица — более могущественны, чем сами судьи».

Событие, произошедшее чуть раньше завоевания Галлии, иллюстрирует значение количества клиентов и немалую власть, которую они могли дать своему хозяину. У гельветов в 60-е годы до н.э. по праву рождения и благодаря богатству господствовал один человек, которого звали Оргеторикс. Он вошел в заговор с секваном Катиском и эдуем Думнориксом. Заговор ставил целью, чтобы каждый из этих трех в своей стране стал царем и чтобы три этих народа пользовались гегемонией во всей Галлии. Гельветские судьи узнали о планах Оргеторикса и вызвали его на суд. Он предстал перед судом со всей своей родней и клиентами — всего около десяти тысяч человек. Трибунал не смог вынести приговор, и Оргеторикс вышел свободным. Цезарь уточняет, что его клиенты пришли отовсюду, то есть не было места в Галлии, где бы они ни проживали. Повествование Цезаря представляет и ряд других примеров роли клиентелы в военное время. Верцингеторикс, когда поднимает мятеж против Цезаря, созывает всех своих клиентов и с легкостью заполучает их для борьбы за свое дело. Они тут же вооружаются, и формируется настоящая армия. Некоторое время спустя эдуй Литавикк, утратив доверие Цезаря и эдуев, скрывается со своими клиентами в Герговии. «По обычаям галлов, сообщает Цезарь, невозможно покинуть своих господ, даже если ситуация безвыходная».

Практика клиентелы затрагивает всех свободных людей. Она имеет место внутри каждого класса и даже внутри семей. Но представляется бесспорным, что наибольшее распространение она получает среди плебса и именно там производит самый заметный экономический эффект. Представители плебса отдавали своему хозяину не только голос, но главным образом свою рабочую силу или материальные блага (часть урожая, скот или их денежный эквивалент). Это то, что заставляет Цезаря сделать следующее наблюдение: «[Представители] плебса считаются почти рабами». Очевидно, что это слишком сильное выражение, так как существуют различные степени зависимости от хозяина. Те, кто более платежеспособен, остаются свободными людьми, с правом присутствия на народных собраниях. Они могут попросить нового хозяина выкупить у старого их долги. Таким образом, клиент ни в коей мере не раб своего хозяина.

Зато такие отношения между людьми сильно схожи со средневековым вассалитетом. Название последнего происходит от галльского слова *vassus*, проникшего в средневековую латынь и переводившегося как «слуга». Средневековому социальному институту было тем более легко завладеть Галлией, отмечает Марк Блок, что он лишь оформил тот тип человеческих отношений, что был глубоко укоренен в местном менталитете. Столь же близкой Средневековью является крайне своеобразная форма галльской клиентелы – воинское братство, которое чуть позже также распространяется и на древнее германское общество. Греческий историк Полибий относит первое появление таких братств к середине III века до н.э. Он пишет: «Они [галлы] уделяют огромное внимание формированию товариществ, поскольку у них самым могущественным и внушающим наибольший страх считается тот, у кого боль-

ше всего слуг и компаньонов». Посидоний поясняет нам, что слугами в данном случае являются свободные люди, набранные из бедноты. Это их задача — носить щит воина (*thuréophore*) или его копья (*doryphore*). Что до компаньонов, то об их своеобразном образе жизни мы узнаем опять же от Цезаря. Он называет их «сольдуры», или «силодуры». «Их положение таково: они сообща пользуются всеми жизненными благами вместе с тем, кому они поклялись в дружбе; если последний погибает насильственной смертью — то тогда либо они все вместе разделяют его участь[1], либо совершают самоубийство; в людской памяти нет никого, кто отказался бы умереть в случае, если умер тот, которому они поклялись в дружбе». Текст Цезаря не оставляет никаких сомнений в интерпретации, поскольку в нем два раза упоминается один и тот же термин. Речь идет о дружеских отношениях, когда люди считаются равными друг другу. Единственный договорный момент состоит в том, что они признают вождя, которой требует безоговорочного подчинения, а от него в свою очередь они в любой момент получают защиту. Если в этом доверять Посидонию, то одним из основных видов деятельности компаньонов, кроме занятий войной, были совместные пиршества и охота.

На протяжении II века до н.э. подобная форма воинской клиентелы стремительно принимает политическую окраску. В качестве примера политического вождя можно привести «демагога» Луэрна, который пытается заполучить голоса плебса, повсюду разбрасывая мешки с золотом и организуя пиры, куда приглашаются все свободные люди независимо от того, изъявили они ему свою преданность или нет.

---

[1] Имеется в виду — принимают смерть в бою, позволяют врагу убить себя. — *Примеч. пер.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

♦ Галлы и политика

Расхожее представление об общественно-политической жизни галлов – это анархия и хаос, из которого, как черти из табакерки, появляются всевозможные карьеристы типа Верцингеторикса, атребата Коммия, Думнорикса. Более вдумчивый анализ всех исторических документов, от Полибия до Цезаря, заставляет взглянуть на реальность совсем по-другому. В целом можно сказать, что галлы сопротивлялись любой форме единоличной власти – будь она царской, тиранической или военного вождя. В качестве примеров можно привести судьбы многочисленных претендентов на царскую власть, которые были привлечены к суду и казнены. С другой стороны, у большинства галльских народов определенно есть вкус к политической жизни. Именно эта страсть к политике объясняет их ораторское искусство, которым они славились в древности и которое упоминал уже Катон Старший. Возможно, что на подобного рода политическую активность, равно как и на связанные с ней упражнения в красноречии, галлов вдохновил пример Массалии и ее свод законов, названный Аристотелем одним из лучших в античном мире. А если не вдохновил, то по крайней мере сильно повлиял. Действительно, существует стойкое убеждение, будто бы Массалия послужила галлам примером и наукой. Издавна замечали, что сенаты некоторых народов (нервиев среди прочих) похожи на сенат фокейцев – и тот и другой насчитывали 600 членов. Древнейшие сведения политического порядка, восходящие к эпохе Ганнибала (во время его перехода по югу Галлии и через Альпы) свидетельствуют о наличии учредительных собраний у большинства

встреченных карфагенянином народов. Уже тогда там бушевали споры – вполне политические, в благородном смысле этого слова, а не только перебранки отдельных личностей.

Таким образом, картина политической жизни, изображенной Цезарем, не являет какой-то новой ситуации, которая стала бы реакцией на возрастающие римские амбиции. Эта картина вписывается в лоно давней традиции, и она одна может объяснить те удивительные особенности, которые Цезарь отмечает с явным удовольствием: «У галлов есть мятежные группировки – не только в каждом округе, в каждом пагусе, в каждом подразделении пагуса и

Вождь галлов. Скульптор Э. Фремье. 1864 г.

даже в каждом доме... та же система в целом существует во всей Галлии, поскольку все округа разделены на две партии». События, связанные с римским завоеванием, прекрасно иллюстрируют важность политики. Иллюстрируют борьбу между партиями, которые проявляют себя посредством своих харизматических личностей – Дивициака, Думнорикса, Виридомара, Эпоредорикса, Коррея и других. Отсутствие в труде Цезаря подробностей и делаемое им упрощение истории могли внушить веру, будто бы большинство событий имеют субъективное объяснение, что речь идет лишь о переплетении судеб некоторых великих личностей. Разумеется, в исследовании надо пойти дальше и за амбициями, изменами, союзами разглядеть подлинные политические устремления. Между собой борются консерватизм, тенденция к демократии, влияние зарубежных примеров, в частности римских.

Плутарх приводит суждение Цезаря о галльской политической жизни, в котором подытожены ее различные аспекты и сходные моменты с политической жизнью в Риме. Когда он входил в какую-то галльскую деревушку в Альпах, один из его спутников спросил его, есть ли здесь политические партии и борьба за власть. Цезарь остановился, подумал и ответил: «Да, и я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

♦ Государство и природа политических режимов

Самые древние исторические сведения, достоверность которых не может быть поставлена под сомнение, – это сведения Полибия, которые относятся к III веку до н.э. Они подтверждают наличие у всех описываемых галльских народов настоящего государства. Существующие формы администрации и управления доказывают наличие у них верховной

власти, простирающейся на народ и территорию его проживания, что и подпадает под самое общее определение государства. Также это соответствует и его более частному определению, которое ему дает Макс Вебер: «Политический институт учредительного характера, имеющий монопольное право на легитимное физическое принуждение». Две привычных формы насилия — война и личная месть — действительно подчинены в нем неукоснительной регламентации: законам, издаваемым собраниями и исполняемым чиновниками и судебными органами.

Государство существовало уже и в более давние времена (в конце первой эпохи железа), по крайней мере в зачаточном состоянии. Война не была уже частным делом, осуществляемым влиятельными вождями, в поисках добычи и славы увлекавших за собой добровольцев. Она являлась обязанностью для всех тех, кто считал себя людьми, совершенно обособленными от общества. Царь, князь или вождь уже не обладали неограниченными полномочиями. Они должны были позволять действовать двум другим ветвям власти по крайней мере в двух областях — собранию воинов в том, что касается войны, жрецам — в области правосудия.

Остается задаться вопросом о природе политических режимов, развивавшихся в Галлии в течение пяти последних веков ее истории. Вопрос нелегкий: типы правления у галлов сложно подогнать под классификацию, установленную Платоном и Аристотелем. Имеем ли мы дело с монархией, аристократией, олигархией, демократией? В данную эпоху представлены все вышеупомянутые типы, но ни один не отражает адекватно галльскую реальность. Если были периоды монархии, то никогда она не была абсолютной. Она, скорее, была тем, что Платон называет «тимократией» — правлением тех, кто более всего был уважаем в обществе. В целом два по-

следних столетия независимости отмечены тенденцией к демократии, прерываемой как попытками установления тирании (например, Целтилл, Верцингеторикс), так и периодами олигархии, воплощаемой в каких-то личностях вроде буржуа, разбогатевших на торговле и денежных аферах (к примеру, у эдуев). Но для того чтобы максимально приблизиться к пониманию галльских политических режимов, нужно вспомнить еще один тип правления. Речь идет о теократии – форме правления, при которой доминируют жрецы, отстаивающие свое особое право истолковывать волю богов. Нет никакого сомнения, что как раз таков случай Галлии, если воспринимать буквально, что пишет Посидоний о многочисленных функциях друидов. Впрочем, характер их власти закулисный, и он проявляется в праве друидов ратифицировать аутентичные законы, разрабатываемые собраниями и чиновниками. Сами же они могут лишь держать данный процесс под контролем. Данное обстоятельство не позволяет усмотреть в галльских политических формах подлинной теократии, которая имела место на Востоке.

Действительно, уложения галльских civitates демонстрируют подлинную оригинальность: полномочия вождей ясно определены и ограничены; действенным противовесом им выступают народные, воинские и сенаторские собрания, но основное влияние имеют друиды, действующие закулисно. До такой степени это так, что возможно записать: «У кельтов друиды властвуют даже над царями, которые пируют, сидя на золотых тронах, но без друидов не имеют никакой власти».

♦ Неосязаемая царская власть

О существовании царской власти у галлов первыми сделали предположение историки д'Арбуа де Жюбенвиль и Жюлиан, правда, это предположение

было некритично воспринято их последователями, и сегодня оно не является чем-то само собой разумеющимся. В своих всесторонних описаниях галльского общества ни Цезарь, ни Страбон, ни Диодор Сицилийский о монаршей власти не упоминают. Мы располагаем лишь несколькими отдельными примерами существования царей у нитиоброгов и сенонов в эпоху завоевания или каких-то царьков в течение двух предшествующих столетий. Значит, следует задаться вопросом о том, был ли вообще в Галлии такой институт.

На самом деле теория о царской власти в Галлии основывается на трех предположениях. Первое должно было бы заключаться в том, что для типов общества, как и для животного мира, существует естественная эволюция, которая должна была бы отбирать наиболее адаптированные формы. Монархии древнейших времен (пример – легендарный царь Амбигат) наследовали формы аристократического правления, все более приближающиеся к демократии. Второе предположение состоит в том, что островные кельты (в частности, ирландские) в первых веках нашей эры сохранили в неизменном виде нравы и образ жизни галлов. А ведь у них царская власть существует и занимает важное место. Наконец, третье предположение: кельтская царская власть должна была бы быть мало изменившимся наследием института царской власти индоевропейских времен. Тогда словом с корнем rex галлы называли бы вождя, которому оказывались особые почести, в частности в религиозном аспекте.

Изучение галльского словаря укрепляет в сомнениях относительно значения данного института и его представителей в Галлии. Слово rix, которое производят от латинского rex, никогда не встречается в чистом виде в качестве имени какого-то знатного галла. Оно неизменно является суффик-

сом составного слова (наилучший пример — имя Верцингеторикс, буквально означающее «верховный царь воинов»), которое оно усиливает. Если предположить, как это делают лингвисты, что слово является воспоминанием о функции духовного вождя, свойственной индоевропейским народам, то нужно признать, что последняя восходит к слишком древним временам и что она не могла играть той же роли у галлов в течение пяти столетий, предшествующих римскому завоеванию. На это указывают все исторические свидетельства, которыми мы располагаем.

Первое свидетельство относится ко времени прохождения Ганнибала через территорию аллоброгов. Здесь царскую власть оспаривают друг у друга два брата. Старший, по имени Бранк, был назначен сенатом. Его младший брат, по причине молодости отправленный за пределы страны, сместил его с трона. Странные цари, которые обязаны своим титулом один — сенату, другой — амбициям молодости![1] Такая царская власть очень похожа на власть верховного судьи, имеющей оговоренный временной срок. Непохоже, что она фундаментально отличается от той, что мы встречаем у многих народов во время Галльской войны — к примеру, у эдуев, которую Цезарь называет principatus. У секванов в начале I века подобный титул все еще называется царским, но, как и в случае Бранка, владение им отнюдь не гарантировано. Также и отец Кастика, который имел его в течение многих лет, тем не менее не смог передать его сыну, которому приходилось завоевывать его, не гнушаясь никакими средствами.

[1] К сожалению, автор не уточняет, произошел ли реальный переворот, или же младший просто заявил, что не признает власть старшего. — *Примеч. пер.*

Две бронзовые монеты суэссионов с надписью ΔEIVIGAG (Дивициак)

Некоторые галльские «цари», оставившие след в истории, имеют одну особенность: они не получают свой сан по наследству, но избираются сенатом. Это касается абсолютно всей Галлии. Так, народы, по которым мы располагаем самыми обширными сведениями (эдуи, арверны), не знали царской династии. Звание «царь» не только шатко, но еще и обязывает ко многому. Отец Верцингеторикса Целтилл был убит своими соотечественниками за то, что хотел восстановить монархию. Карнут Тасгетий, посаженный на трон Цезарем, на третьем году своего царствования был убит согражданами.

Подобные примеры и сведения грекоязычных авторов, которые с гораздо большей осмотрительностью, чем латиноязычные, употребляют термины «царь» и «царство», позволяют предположить: каковы бы ни были прерогативы этих царей, они ничтожные и зачастую эфемерные. До Галльской войны «цари» фигурируют в основном в сражениях между римлянами и карфагенянами. Это военные вожди, возглавляющие армию племени (то есть пагуса); несколько таких вождей может принадлежать к одному и тому же народу. Тит Ливий называет их reguli (маленькие царьки), а Полибий – hegemones

(вожди). У этих царьков в придачу к моральному авторитету и, возможно, священнической власти была первоочередная задача – командовать армиями pagi, охранявшими их автономию, даже когда весь народ был втянут в конфликт. Они в буквальном смысле являются царями племен, входящих в округ, как то было в Древней Греции. Царь – держатель regia potestas (царская власть) – вероятно, был человеком, кому удалось распространить свою власть на весь pagi, и потому он мог совмещать функции первого судьи и полководца, у большинства народов разделенные. Такого рода власти, вероятно, самодержавной, всегда добивались силой и благодаря особым обстоятельствам. С древнейших времен у большинства галльских народов ее принимали с оговорками, даже с неприязнью.

Хотя концепцию царской власти невозможно полностью вычеркнуть из галльского менталитета, все равно она не может рассматриваться как один из галльских основных политических институтов.

♦ Судопроизводство

Описанные выше война и воинское братство ясно объясняют неприятие галлами любой формы тиранической власти. Носящие звание воинов, всадников, как их называет Цезарь, являются равными даже притом, что они договариваются признавать возглавляющего их вождя за его доблесть и мужество. Вождь – это непременно действующий воин, храбрый, хороший логик и превосходный тактик. Поскольку нелегко было найти человека, в ком с легкостью соединялись бы все эти качества, то для рассмотрения кандидатур претендентов требовались военные советы и процедура голосования. Военные советы, в задачи которых среди прочего входила и подготовка собственно военного совета, иногда задолго до его созыва, а также обеспечение

мобилизации войск в любой момент, быстро трансформировались в постоянно действующие воинские собрания. Качества, требуемые от вождя, и способ его избрания, очевидно, были несовместимы с царской властью, которая неизбежно стремилась к правовой легитимности, зачастую на основе божественного права, и всегда желала стать наследственной.

Чтобы деятельность вождя была эффективной, а власть ни в коей мере не посягала на права его компаньонов, схожих с германскими comites, требовалось ясно определить его задачу и время ее исполнения. Его власть должна была четко ограничиваться военной сферой и одной военной кампанией. Так как ведение войны на вражеской территории (самая обычная ситуация) оставляло округ без всех своих воинов, то надо было следить, чтобы не возникло политического вакуума во внутренних делах и не появилось у кого-то желание узурпировать власть. Было благоразумным одновременно с военным вождем назначать и судью, облеченного исполнительной властью в округе. Как раз об этом кратко упоминает Страбон, когда воспроизводит отрывок из Посидония: «С древнейших времен они каждый год выбирали вождя, и полководец для ведения войны тоже избирался народом»[1].

Страбон ясно указывает, что такая система имела древнее происхождение (восходила по крайней мере к V–IV векам до н.э.). В то же время нам известно, что на момент вторжения Цезаря она широко практиковалась множеством галльских народов. Абсолютно четкое различие между двумя судьями — гражданским и военным — очевидно, было крайне эффективным средством против любой попытки

[1] Возможно, что под «вождем» здесь подразумевается верховный судья? — *Примеч. пер.*

установления тирании или реставрации древних монархий. Эдуйский свод законов, наиболее известный, уведомляет нас о дополнительных мерах, которые сопровождали такое разделение властей. Гражданский судья не мог во время действия своего мандата покидать территорию; он и полководец не могли принадлежать одному роду; члены их семей на этот период не могли быть членами сената. Цезарь указывает, как эдуи называли гражданского судью *vergobret*.

При учреждении судейских должностей и сводов законов основную роль играли друиды. Об этом свидетельствует еще одно правило, также упоминаемое Цезарем в связи с эдуями: вергобрет избирается под председательством жрецов и с их согласия. На самом деле царская власть была противоположна не только интересам всадников, она являлась таковой и для друидов, которые намеревались полностью сохранить свое господство в религиозных делах. А благодаря своим моральным и философским претензиям они желали также контролировать правосудие и административные дела в округе. Друиды избирали или заставляли избрать людей, облеченных их доверием. Вероятно, чаще всего становился судьей кто-то из их среды. Это как раз пример известного нам друида: Дивициака у эдуев.

При наличии высших гражданских и военных судов, естественно, были и другие суды, специализировавшиеся на частных вопросах. В древней литературе они не упоминаются. Но благодаря надписям на монетах и скульптурах мы знаем, что у лексовиев, медиоматриков и мельдов специфической функцией судов был контроль за чеканкой серебряной монеты (arcantodan). В ряде других случаев суды являлись попечителями общественных мест (platiodannus). Упоминается еще и функция cassidanos, перевод которой противоречив. В любом случае

можно быть уверенными, что в противоположность островным кельтам у галлов было слово danos – для общего обозначения судей. То, что данный термин встречается во многих составных словах, указывает, что эти суды были устроены по-разному и представлены были у многих галльских народов.

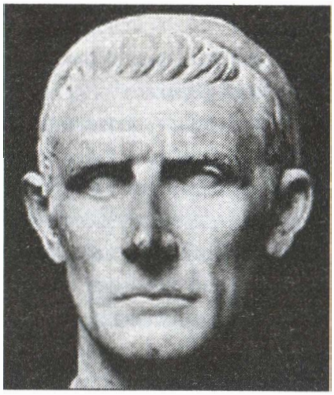
♦ Собрания

В труде о галльской цивилизации, ныне утраченном, Посидоний значительную часть посвятил политической жизни и описал механизм ее действия, который был намного сложнее, чем было принято думать. Именно по этой причине Цезарь, Диодор и Страбон отказались воспроизвести или резюмировать отрывки, в которых описывались разные типы собраний и их прерогативы. Только Страбон рассказывает об одной особенности, которая кажется ему забавной: «В своих собраниях они прибегают к одному приему, который присущ только им: если кто-то голосом или жестом перебивает говорящего, то назначенный на эту должность смотритель подходит к нему с обнаженным мечом и, угрожая им, велит замолчать. Если тот не умолкает, страж во второй и в третий раз повторяет свою угрозу. В конце концов, он вырезает из его военного плаща полу, достаточно обширную, чтобы плащ был больше непригоден для носки». Описанный таким образом данный обычай представляется весьма непонятным. Он имеет смысл, если предположить, что депутаты общественного совета надевали одежду, соответствующую их статусу, как тога для римских сенаторов. Но эта «забавная» история прежде всего свидетельствует, что собрания проводились регулярно, в них соблюдались определенные правила и даже были служащие, готовые заставить их соблюдать. В изложении Посидония этот текст в ряду прочих был ничем не примечателен. Для него

он определенно имел лишь второстепенную важность. Другой обычай, связанный с деятельностью этих собраний галлов, не менее важный, полностью исчез из текстов посидониевской традиции. К счастью, он сохранился у одного анонимного автора (конца II века до н.э., но который опирался на источники IV и III веков). Речь идет о тексте одного «Описания» (*Periegesis*): «Их собрания проходят под музыку – в этом они видят средство смягчения нравов», – пишет автор. Полибий и Цезарь часто в своих книгах упоминают о шуме, царящем в собраниях, так что некоторое «смягчение нравов» не было бесполезной роскошью.

Различаются по крайней мере два типа собраний – «сенат» и «ассамблея», которую можно назвать «армия», впрочем, природу последней четко определить трудно.

Сенат очень часто упоминается латинскими авторами – Цезарем и особенно Титом Ливием. Удивительно, а может быть, наоборот, в высшей степени показательно, что два этих автора, прекрасно разбирающихся в политических реалиях Рима, относительно галльских собраний никогда не испытывают никаких колебаний, применяя к ним совершенно конкретное для них понятие *senatus*. Значит, надо полагать, что в самых общих чертах по своему составу и функциям галльские «сенаты» не должны были фундаментально отличаться от сената римского. В них заседали члены старинных патрицианских родов, которые также избирали «царей» и судей. Так, нам известно несколько сенаторов у эдуев. Это Дивициак, Кот и Конвиктолитав, имевшие высшие судейские должности. Зато Коррей, который захватил власть у белловаков в 52–51 годах до н.э., не принадлежал к сенату этого народа. Тогда как это собрание было очень древнего происхождения и пользовалось огромным авторитетом. До эпохи Цезаря



Тит Ливий. Античная скульптура

сенатор, даже пожилой, должен был быть воином и участвовать в сражениях. У эдуев сенат почти полностью погиб в столкновении с германцами. У нервиев 597 из 600 сенаторов положили жизнь в бою с Цезарем.

В Галлии, как и в Риме, сенат имел прежде всего право совещательного голоса. Он давал советы царю и судьям. У последних политический вес был намного больше, но они не имели права выносить решения – есть множество упоминаний о выборах, назначениях, объявлениях войны, которые делаются против воли сената[1]. Сенат, по крайней мере у эдуев (хотя, кажется, что его деятельность во многом схожа у всех галльских народов, располагавших этим учреждением), не назначал судей. Данную роль исполняли непосредственно жрецы (конечно же, друиды).

Сенат ничуть не мыслится как оппозиция народному собранию, на котором обязаны были присутствовать все свободные люди, имеющие право голоса. Вероятно, такие собрания созывались не столь регулярно, как собрания сената, и у них не было специально выстроенного сооружения. Цезарь всегда очень уклончив, когда речь идет о подобных местах проведения собраний. Он определенно не имел возможности наблюдать их лично. Подобные места должны были вмещать огромные

[1] То есть решения они все-таки выносили, но вопреки закону. – *Примеч. пер.*

толпы, и речь могла идти просто об огороженных свободных пространствах, как то было издавна в Древнем Риме.

Такие гражданские собрания Цезарем и Титом Ливием названы *concilium*. Цезарь говорит о *concilium armatum*, когда собрание обсуждает военные дела, — в таком случае граждане должны присутствовать на них в обязательном порядке, надев свои доспехи. Раньше на всех собраниях участники должны были присутствовать в доспехах. Когда Ганнибал во время своих походов сталкивался с собраниями различных галльских народов, он встречал колоритные толпы вояк, хохотавших и поднимавших страшный шум, который тщетно пытались унять судьи и старейшины. Одной из прерогатив консилиума было объявление войны и выборы полководца. В его ведении также находились дипломатические дела и отношения с соседними народами или с народами, входившими в союз. Но если в этом довериться Цезарю, который кратко пересказывает Посидония, собрание галлов занимается всей совокупностью общественных дел: «Эти дела, — говорит он, — надлежит публично обсуждать лишь в рамках собрания». Полибий рассказывает о событии, проливающем свет на то, какой властью обладают собрания: у цизальпинских бойев в 236 году народ казнил своих вождей за то, что те приняли решение призвать наемников из Трансальпийской области, не спрашивая мнения собрания.

Наконец, если довериться в этом вопросе Плутарху, огромную роль в союзных собраниях (общих для нескольких народов, где обсуждаются вопросы заключения договоров или конфликты) могли играть женщины. Здесь высоко ценились их здравомыслие и беспристрастность — потому на них возлагалась задача быть арбитрами между двумя спорящими сторонами. Легенда утверждает, что именно

благодаря женщинам, до миграции в Италию, сократилось число междоусобных войн в Галлии. Когда Ганнибал хотел пройти (от Пиренеев до Альп) по галльской территории, между ним и вольками был заключен договор, в котором оговаривалось, что все претензии галлов к карфагенянам должны были бы рассматриваться карфагенскими наместниками в Испании, а претензии карфагенян к галлам — галльскими женщинами.

♦ Политические партии

Картина галльского общества, нарисованная Посидонием и Цезарем, дает нам представление о богатой и бурной политической жизни галлов, целиком определявшейся борьбой между кланами и влиятельными особами. Цезарь единственный, кто недвусмысленно употребляет термин «партия» — factio. У этого слова своеобразное значение, которое, по замыслу Цезаря и касательно Галлии, обозначает любой тип политического объединения. Однако его нужно переводить как раз по производному от него французскому слову faction, «группировка». Потому что в Галлии с этим обстоит дело так же, как в Риме: нет политической партии в современном смысле этого слова. Это, скорее, лоббирующие группы, составленные из клиентов и друзей вокруг одного человека, отстаивающего интересы всей группировки.

Эти группировки принимают самые разные формы и распространяются по всем уровням общества. Цезарь указывает на их наличие даже внутри знатных семей и приводит примеры (у эдуев Дивициак, ратующий за союзнические отношения с Римом, вел политическую борьбу со своим братом Думнориксом — сторонником эдуйской гегемонии над Галлией в союзе с секванами и гельветами). Но основной ареной противостояния группировок ста-

новились главным образом собрания и сенат. В действительности группировка являлась политической проекцией клиентелы. Вождь группировки пытался заполучить самое внушительное число клиентов, а также стремился заключить союзы с представителями ряда знатных семейств — как своего, так и соседних племен. Так как многие народы состояли в более-менее внушительных союзах, то приручение этих группировок с легкостью давало власть над целыми регионами. Так что политические страсти в Галлии кипели вовсю. Цезарь сообщает нам, что в начале I века до н.э. Галлия (на самом деле речь шла о Центральной Галлии, или Кельтии) была поделена между двумя группировками: одна находилась под влиянием эдуев, другая — арвернов. Убийство Целтилла повлекло упадок арвернов, основной оппозиционной силой для эдуев стали секваны.

Галльские олигархические группировки были всегда местом противостояния сторонников усиления власти собраний и защитников сохранения влияния знатных семей. Поляризация политической жизни в Галлии была столь же заметной, как и в Риме. Мы и здесь видим тех же противников: что-то вроде популяров (опирающиеся на плебс и на народное собрание), противостоящих оптиматам (стремящиеся к усилению власти сената и знатных семей). Причем данное противостояние удваивалось соперничеством по возрастному принципу: juvenes (молодежь, воины, подлежащие мобилизации) против seniores (старики, члены сената, как правило, менее склонные к каким-либо воинственным демаршам).

Возникает вопрос: распространяли ли эти группировки собственно политические идеи? Очевидно, это не было их главной чертой. Личность вожака группировки, договора, которые он предлагал заключить, проекты — зачастую совершенно

материалистического свойства, которым он давал ход (завоевательные войны, миграции, попытки гегемонии), — всего этого с избытком хватало, чтобы объединить клиентов, друзей, целые семейства или племена. Впрочем, за всеми этими земными заботами о власти и более комфортной жизни внезапно возникают темы и концепции вполне политического свойства. Речь идет о расширении собраний и доступе в них всех граждан, об ограничении личной власти, замещении харизматических вождей судьями, усиливающийся контроль за исполнительной и судебной властями.

Друиды, должно быть, играли главную роль в политической жизни галлов. То, что они постоянно имели дело с вопросами философии, морали и религии, породило концепцию правил жизни в обществе, близкую по значению к греческому понятию — Πολιτική (искусство управления государством). Определенно именно на греческое влияние можно списать недоверие галлов к любой форме монархии или тирании. Последние могли быть остановлены только системой сдержек и противовесов — разумеется, аристократической природы, — но достаточно разнообразных, чтобы обеспечить защиту всех граждан, особенно плебса. Вторящий Посидонию Цезарь пишет по поводу партий: «У них есть очень древний институт, который, как представляется, имеет целью защитить всякого представителя плебса от посягательств более сильного: вожак группировки защищает своих людей от всех насильственных или мошеннических посягательств, а если ему вздумается действовать иначе, он теряет всякое доверие». Если мы в данном вопросе поверим двум этим авторам, то такая система предполагает, что каждый гражданин, даже самый обездоленный, должен был принадлежать к какой-нибудь группировке. Соответственно каждый галл должен был

участвовать — прямо или косвенно — в политической жизни. Это значительно уводит нас от карикатурного образа галлов — варваров, всегда готовых последовать за любым краснобаем, пообещавшим им златые горы.

♦ Выборы, ценз, переписи

Почти совершенно неизвестны наиболее яркие моменты галльской политической жизни. Посидоний сообщает, что с самых древних времен, то есть с V или IV века до н.э., как гражданский вождь, так и полководец избирались народом. Так как мандаты выдавались им на год, то следовало проводить выборы, но возможно, выборы являлись прерогативой разных собраний. Представители народного собрания тоже должны были избираться, но неизвестно, на каком уровне (уровне pagi или уровне «фракций pagi» — как их называет Цезарь) и на какой срок.

Существование некой формы ценза, который классифицировал бы граждан по их знатности и достатку, античными историками в явном виде не упоминается. Однако можно догадываться о том, что кельтские общества по природе были глубоко аристократичны. В Галлии, как и у многих индоевропейских народов, почести выпадают на долю воинов, которые являются при этом и земельными собственниками. У них политических прав больше, чем у других, и, поскольку они больше всех защищены, у них и обязанностей больше, чем у других. Это то, что в крайне общем виде резюмирует Цезарь, когда пишет: «Плебс сам по себе ничего не смеет делать и не допускается ни в какие собрания». Действительно, его роль ограничивается тем, чтобы дать кандидатам, которые будут его представлять, возможность быть избранными. Однако последние, так же как и судьи, происходят из классов с более высоким избирательным цен-

зом. По Жоржу Дюмезилю, основной функцией знаменитых галльских бардов было играть ту же роль, что критики в Древнем Риме. Они раздавали хвалу или порицание каким-либо знатным галлам, и их оценка определяла их место в общественно-политической жизни.

Ценз тесно связан с практикой переписей, наличие которых в Галлии вполне удостоверено крайне подробными свидетельствами ее завоевателя. После своей победы над гельветами Цезарь нашел в их лагере таблички, исписанные греческими литерами. В них содержался поименный список гельветов и представителей союзных им племен, способных держать оружие. В другом списке были имена женщин, стариков и детей. Общее количество равнялось примерно 368 000 человек, из которых мобилизации подлежали 92 000. Данного рода документы должны были быть необычайно объемными, поскольку каждый галл упоминался в них отдельно, вероятно, со ссылками на другой лист, в котором указывался состав его семьи. Значит, их следует рассматривать как настоящие официальные архивы, которые галлы позаботились забрать с собой и которые составляли основу для расчета налога на каждого человека (принадлежность к общественному классу, право баллотироваться и т.д.).

♦ Своды законов

Возможно, благодаря контактам с Массалией галлы достаточно рано (по крайней мере со II века до н.э.) задумали составлять свои первые конституции — своды законов. За образец они, возможно, взяли законы фокейской колонии — знаменитые во всем средиземноморском бассейне. Страбон и Юстин действительно сообщают, что галлы посещали Массалию, чтобы учиться греческим обычаям и языку, а также искусствам — таким, как архитекту-

ра. Нет никаких сомнений, что они интересовались и тем, как фокейцы занимаются государственным управлением.

В своей копии труда Посидония Цезарь дает понять, что галлам доставляло удовольствие сравнивать формы правления в разных civitates. Такое сравнение неизбежно затрагивало и конституции. У каждого народа был свой собственный свод законов, который более-менее отличался от тех, что имелся у соседей. Так ремы, которые были связаны с суэссионами, переняли законы у них, причем сделали это по свободной воле, так как на тот момент они доминировали над всеми белгскими народами.

По всей видимости, редакторами текстов по законодательству являлись друиды, у которых была монополия на письменность и которые обладали моральным авторитетом. Конечно, они и в этом выступали консерваторами.

Единственной конституцией, по которой мы располагаем хоть какими-то сведениями, является свод законов эдуев. Благодаря внутренним распрям этого народа Цезарь получил представление о механизмах власти у них. Верховная или «царская» власть (regia potestas, как пишет Цезарь) вручалась только на один год судье, который именовался «вергобрет». Законами была запрещена ситуация, когда один из членов семьи заседал в сенате, а другой становился судьей. Вергобрет властвовал над жизнью и смертью своих сограждан. На самом деле он выступал в качестве карающей руки правосудия друидов. Его назначал определенный совет, возглавляемый жрецами. Впрочем, такая «царская власть» имела пределы: ее срок был коротким и не распространялся за границы страны. В период действия своего мандата вергобрет не мог превышать свои полномочия. Иначе говоря, он не мог одновременно руководить армией. Таким образом,

было запрещено совмещение гражданской и военной высших должностей. Тирания в любой форме была невозможна.

ПРАВОСУДИЕ

♦ Право

Позднее появление письменности и крайне ограниченное ее применение непосредственно повлияли на правовые концепции и на их распространение в обществе. Монополия друидов на письменность распространялась не только на религиозные знания, закрытые для непосвященных, но в той же мере на политику и право, имевшие для друидов особое значение. Другое, совершенно косвенное следствие такого почти полного запрета на письменность особенно сильно затрагивает историков: мы не располагаем ни одним галльским текстом по законодательству. У археологов нет никакой надежды найти их записи. И, видимо, античные историки, даже Посидоний, не смогли получить доступ к этим текстам, которые должны были заботливо храниться вместе со священными писаниями.

Жрецы, которые позднее стали называться друидами, уже в самые ранние эпохи стали оспаривать у царя прерогативу говорить от имени закона. Однозначно именно это присвоение одной из главных царских функций принизило у кельтов статус монарха. Изначально представлялось, что право имеет божественное происхождение. Жрецам, организованным в братства, не составило труда узурпировать изложение и применение права и увязать его непосредственно с культом. Возможно, это произошло в весьма раннее время, с конца первой эпохи железа. Если в данном вопросе довериться Цезарю, то процесс шел активно до конца II века. Самой

страшной карой было отлучение от культа и запрет совершать жертвоприношения. С IV века до н.э. друиды начали активно разрабатывать правила жизни в обществе. На момент завоевания Галлии их работа не была полностью завершена. Только некоторым народам (к примеру, эдуям) удалось наделить избираемых судей правилами юриспруденции. Вот почему мы не видим в Галлии ни одного великого законодателя вроде Драконта или Солона, который происходил бы из аристократии или плебса. Обсуждения законов проводились на общих собраниях, устраиваемых мудрецами-друидами на коллегиях, часто носивших «международный» характер (на них присутствовали представители различных народов, входивших в один союз, или представители какой-нибудь из крупнейших этнических единиц Галлии – например, Кельтии).

Тем не менее в Галлии ни право в целом, ни правосудие в частности нельзя было бы квалифицировать как чисто религиозные. Установленное мудрецами, выполнявшими отнюдь не только функции жрецов, применение законов было также делом и собраний, и судей, и в некоторых областях старшего в семье. Доказательством этого является страсть, которую испытывали галлы, особенно галльское простонародье, ко всему, что было связано с правом и правосудием. «Если они столь легко собираются в громадные толпы, то это потому, что их характер – простой и прямолинейный – вечно подталкивает их поддерживать протесты тех из их соседей, кто, как считают, стал жертвой какой-то несправедливости», – сообщает Страбон, который чуть дальше так объясняет успех друидов: «Их считали самыми справедливыми из всех людей». Цезарь, со своей стороны, указывает, что в Галлии «репутацию самых справедливых имели вольки-тектосаги», что Гальба – царь суэссионов – был выбран своими со-

юзниками вождем «по причине своей приверженности справедливости».

Рассказ Цезаря о военных событиях, связанных с завоеванием, а также описание Посидонием нравов галлов дают понять, что право не было просто собранием расплывчатых морально-религиозных предписаний. Было произведено разделение права на разные области применения. Каждый объект правового урегулирования был подчинен отдельной юрисдикции. Существовало, к примеру, уголовное право, на которое друиды обращали самое пристальное внимание. Политические события свидетельствуют о существовании детально разработанного гражданского права. Известно также, что друиды брали на себя вопросы международного урегулирования. Наконец, у нас есть некоторые сведения по семейному праву, которое тоже было преисполнено тонкостей и нюансов.

♦ Правосудие

Античные писатели более красноречивы касательно галльского правосудия. Однако их сведения остаются достаточно разрозненными и кажутся противоречивыми – до той степени, что историки XIX века с самого начала вели о них непрекращающиеся споры. Чтобы составить более определенное мнение по этому важному вопросу, следует брать в расчет три параметра. Первое: каждый народ практиковал тот вид правосудия, который был ему подходящим. Второе: на протяжении пяти последних веков независимости концепции права и правовые учреждения сильно изменились. Третье: друиды вовсе не пытались установить божественное право.

По древнейшей эпохе (конец первой эпохи железа – начало второй) наши познания почти нулевые. Это легко объяснимо. Ни один путешественник не мог присутствовать при рассмотрении дела

в суде друидов, тем более он не мог иметь доступ к законодательным текстам. Как и при любом изучении галльских общественных дел, чтобы получить более-менее содержательные документы из лучших источников, необходимо было ехать в Галлию, что и сделал в свое время Посидоний Апамейский. Вероятно, он получил важные сведения в Массалии, где в ту эпоху, по свидетельству Варрона, жители говорили на трех языках, – греческом, латинском и кельтском. Либо он консультировался в местных архивах или в школах, в которых учили галлов составлять торговые соглашения, либо он непосредственно опрашивал знатных галлов, приезжавших в Массалию для изучения греческого, философии и риторики. Как бы ни было, Посидоний посвятил себя написанию трактата по общему уголовному праву, вошедшему в качестве главы в его книгу, посвященную описанию кельтского общества. Посидоний был очень расположен к друидам. Посидоний не имел возможности увидеть галльское правосудие в действии, но он смог достаточно точно воспроизвести его концепцию, которая сложилась в умах галльских аристократов-интеллектуалов к концу II века до н.э. Именно ее пространное описание, сделанное Посидонием, Цезарь вкратце воспроизводит в книге VI своей «Галльской войны». Впрочем, по ходу своих военных кампаний Цезарь присутствует при юридическом деле совсем иного рода, друиды при котором совершенно отсутствуют. Попытаемся пояснить.

Прежде всего, существует частное, или семейное, правосудие, которое, как и в Риме, целиком находится в руках старшего в семье. Он властен над жизнью и смертью своей супруги, своих детей и, разумеется, своих рабов. Цезарь употребляет слово potestas, то есть «власть», иначе говоря – теоретическое право. Применение его было далеко

не систематическим, о чем говорят существенные права, которыми обладала супруга. В действительности хозяин применяет это право главным образом к рабам, в отношении которых он может использовать пытки. Пытки могут быть применены и к супруге родителями мужа, если смерть последнего выглядит подозрительно. Если налицо убийство, то жена приговаривается к смерти, ее сжигают на костре. Речь идет об одном из самых страшных наказаний.

Вне рамок семьи уголовное правосудие остается традиционным, но на него все большее внимание обращают друиды, которые стараются привести его в соответствие с окружным и международным правом. Как и в Риме, в Галлии нет полиции, и задача потерпевшего — найти преступника и предъявить его судебным властям. Карой за большинство преступлений (будь то кража или убийство) является денежная компенсация. Так обстоит дело с давних времен. В первых греческих описаниях кельтов в эпоху Аристотеля отмечается, что «преступника прощали, если он давал (понятно, что государству) лошадь или трубу[1]». В случае Галлии последних столетий ее независимости нет никакого упоминания о тюрьме.

Общественное право особенно разрабатывалось друидами. Они трактовали вопросы гражданского мира, охраны религиозных институтов и озабочены были проблемами лучшего взаимопонимания между соседними народами. Цезарь определенно высмеивает прерогативы друидов, когда указывает, что они обязаны решать «почти все спорные вопросы частного или общественного характера». На самом же деле Цезарь опирается на Посидония, ко-

[1] Имеется в виду духовой музыкальный инструмент. — *Примеч. пер.*

торый сообщал, что галлы в случае оспаривания судебных решений или ввиду невозможности прийти к согласию обращались к друидам. Но обычно юрисдикция была гражданской, что доказывает дело Оргеторикса. Заподозренный в попытке захвата власти, он предстает перед настоящим трибуналом, состоящим из представителей округа. Хотя и сопровождаемый несколькими тысячами клиентов, пришедших его поддержать, он прибывает в цепях, как того требует обычай. Этот обычай символизирует предварительное согласие подсудимого с будущим приговором.

Собрания — высшая инстанция друидов — описаны достаточно неплохо. Друиды заседают у народа, территория которого, как считается, занимает центр Галлии, — у карнутов. Так как никакого принуждения нет и сюда отправляются только по доброй воле, обе стороны заблаговременно соглашаются на любое решение. В целом принятие наказания — это дело доброй воли того, кто признан виновным. Ссылку не рассматривают как полноценное наказание, но, по-видимому, ее часто применяют к тем, кто не в состоянии заплатить денежную компенсацию. Вероятно, также вполне обычным является то, что подсудимый отказывается принять и наказание, и ссылку. Вот почему предусмотрены серьезные меры реторсии — как на гражданском, так и на религиозном уровнях. Подсудимый не может больше претендовать ни на какие почести и общественную должность, ему запрещено присутствовать при совершении религиозных обрядов, а людям рекомендовано держаться от него подальше. «Это у галлов самое тяжелое наказание», — сообщает Цезарь.

Видимо, друиды с большим выбором выносили смертный приговор, соответственно применение смертной казни со временем заметно сокращалось.

За убийство ее обычно не назначают, если только речь не идет об убийстве иностранца. Галлы обладали репутацией заядлых ксенофилов, и запрет на убийство иностранцев приписывался самому Гераклу во время его путешествия в Галлию. Высшую меру приберегали для каких-то исключительных преступлений. Так, Цезарь сообщает, что у тревиров явившийся на военный совет последним предавался смерти «самыми жестокими видами казни». На самом деле речь шла просто о наказании за дезертирство или за отказ от военной службы. Расхитители святилищ тоже предавались смерти, как в большинстве прочих античных цивилизаций. Возможно, таких преступников держали под стражей и казнили во время больших религиозных празднеств, происходивших один раз в пять лет. Смертная казнь сохраняла форму человеческого жертвоприношения.

Отсрочка казни в любом случае предполагает существование в Галлии чего-то похожего на тюрьмы, которые, впрочем, не упоминаются ни одним автором и тем более не описываются в подробностях.

ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Долгое время у кельтских государств была архаичная система денежных отношений. Почти полное отсутствие чиновников и редкие публичные учреждения сводили общественные траты к самой простой их форме — расходам на организацию военных кампаний и празднеств, присущих аристократическим режимам (пиршества, культовые церемонии, похороны и т.д.). Для таких трат с избытком хватало отчислений от части добычи, тем более что обслуживание целиком брал на себя народ. Воины должны были служить. Крестьяне могли отдать часть своего времени или урожая. Но главным обра-

зом рабы были непосредственно привязаны к власть имущим (царю, затем полководцам и судьям).

Воцарение кельтских народов на территориях, ставших для них в большинстве случаев конечными пунктами их странствий, изменило механизмы власти и характер ее материальных средств. Частота военных набегов непрерывно уменьшалась, что влекло за собой снижение доходов от добычи. В то же время новые территории требовали повышенного внимания со стороны администрации, равно как и какого-то минимума инфраструктуры (дороги и общественные места). Представляется, что большинству галльских народов претило прибегать к услугам полноценного чиновничества, напрямую оплачиваемого государством. Чиновники полностью отсутствуют, по крайней мере в двух областях — культе и сборах налогов. Обязанности, обычно возлагаемые на них, выполняют простые граждане, которые в обмен получают почести и часть средств, собранных в пользу богов и государства. Такой способ взимания налогов приводил к тому, что таксы необычайно разнились в зависимости от потребностей государства, но также и в зависимости от потребностей тех, кто собирал налоги. Государство при этом выигрывало вдвойне: оно было обеспечено доходами и к тому же откупалось от своих функций. Так, у эдуев Думнориксу удалось, заплатив весьма немного, заполучить себе откуп налогов. Вероятно, галльские откупщики имели много общего со своими римскими коллегами — они обязаны были ссужать государству деньги, которые они были уполномочены взимать в виде налогов.

Нам неизвестно ни одного упоминания о государственном бюджете галлов. Следует предположить, что бюджет принимался каждый год, во время выбора судьи, так как он естественным образом значился в программе. Посидоний дает понять, что на-

логов было немалое количество. Вывод, который из этого делает Цезарь, и конкретная терминология, которой он пользуется, позволяют поделить налоговые обязательства граждан на три вида: *tributum*, или прямой налог, *vectigalia* — земельная рента и арендная плата, *portoria* — таможенные и транзитные пошлины.

♦ Доходы

Самым существенным был прямой налог, взимавшийся со всего населения. Исключение составляли те, кто был облечен административными обязанностями, и среди них были друиды. Обложение этим налогом — индивидуальное или по семьям — требовало введения некоего ценза. Был ли он справедливо рассчитан? Очевидно, нет, если в данном вопросе довериться Посидонию, который говорит, что некоторые представители галльского плебса, обремененные долгами или непомерными налогами, отдавали себя в кабалу знатным людям, а те возвращали их долги их заимодавцам.

Существование земельного налога можно считать подтвержденным наличием слова *vectigalia*, которое обычно используется для обозначения любой арендной платы или, в Риме, платы за наем *ager publicus*. Было ли в галльских государствах общественное имущество? Такое в высшей степени вероятно — по крайней мере мы это видим у эдуев, которые оказываются способны по требованию Цезаря разместить у себя целое племя бойев и наделить его землей. Однако эта общественная собственность и общественные материальные запасы, по-видимому, не привели к появлению полноценных кадастров. В таком случае взимание земельных рент должно было представлять определенную трудность для администрации, не располагавшей в своих рядах профессиональными чиновниками.

Вот почему правители Галлии пользовались услугами откупщиков, более близких к крестьянам и лучше знавших землю.

Взимание таксы было развито повсеместно. Мы знаем, в частности, что это во всех видах применялось к товарам и к путям сообщения. Цезарь указывает, что народы Альп заставляли платить торговцев немалые дорожные пошлины и что венеты взимали портовые сборы со всех, кто плавал по Ла-Маншу.

Сбор налогов. Галло-римский рельеф. II–III вв. н.э.

Наконец, у эдуев Думнорикс имел откуп на взимание всех дорожных и таможенных пошлин. Если принять во внимание, что территория последних была равна по площади трем современным департаментам, то можно представить себе количество подручных, которые должны были осуществлять это налогообложение.

♦ Государственная казна

В знаменитом отрывке, воспроизведенном из труда Посидония, Страбон описывает известные озера Толосы (нынешняя Тулуза) и их сокровища. Старые теории, которые были в ходу у историков религии XIX века, рассматривали эти озера как священные места, а их сокровища – как приношения богам. После более внимательного прочтения греческого текста становится понятно, что автор нигде не называет эти озера священными, равно как и не отмечает, что оставленные в них серебро и золото являются приношениями. Наоборот, он указывает, что золото и серебро находятся там в слитках и брусках – необработанных и лишь очищенных. Еще он уточняет, что озера или пруды представляют собой наилучшее укрытие от воров и что такие клады существуют в Галлии более-менее повсюду. Нет никаких сомнений, что семьдесят тонн в основном необработанного серебра (с гораздо меньшей массой золота и совсем уже не считая мануфактурных изделий), погребенных в озерах Тулузы, являются государственной казной, своеобразным денежным резервом. Затопленные сокровища представляют дополнительное доказательство: золото, которое предпочитали жертвовать богам, здесь составляет лишь малую часть, тогда как серебро имеется в изобилии (достоверно известно, что это был металл, который в данной области в конце II века до н.э. использовали для чеканки монеты).

Серебряная монета галльской Тулузы. I в. до н.э.

Как и в Дельфах, сокровища округов могли храниться под божественной защитой. В Толосе неподалеку от этих озер находилось в высшей степени почитаемое святилище, тоже известное своими сокровищами. Но там речь шла о полудрагоценных изделиях и о драгоценностях, то есть можно смело утверждать – о дарах, об освященных вещах. Впечатляющие груды сокровищ в Толосе, несомненно, указывают на то, что там находилась казна целого могущественного народа – вольков-тектосагов. Но возможно также, что это была казна какого-то союза.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

♦ Войска или армия?

Галлы – народы кельтской группы – считали себя прежде всего воинами. Такую репутацию они имели у всех соседних народов – у тех, кто жил по берегам Средиземного моря, а также у германских, фракийских, скифских варваров. Их общественное разделение представляет собой почти карикатурну на троичное деление обществ древних индоевропейцев. У галлов наряду с землепашцами и жреца-

ми присутствует известный класс воинов, которых Цезарь именует *всадниками*. Класс воинов восходит к древнейшим временам эпохи железа, и он еще существует в начале римского завоевания, о чем свидетельствуют точные цифры галльских воинов, участвовавших в различных военных операциях.

Звание воина для галлов является больше социальным статусом, чем обязанностью. Именно поэтому было бы не совсем правильно говорить об армии в Галлии. У государства нет собственных войск, напрямую ему подчиненных. Есть войска *pagi*, которые собираются по решению военного совета, однозначно – по требованию полководца и объявляют себя находящимися в состоянии войны. Воины не служат напрямую государству, а наемничество, очень часто встречающееся в их среде, может помешать им участвовать в военных действиях, ведущихся их народом.

Армия civitas, таким образом, существует, лишь пока ведется военная кампания. В частности, когда военные действия разворачиваются на территории округа. Операции за пределами своей страны (ради добычи, защиты дружественных народов и в качестве наемников), вероятно, являются делом *pagi*. Войска *pagi* должны были называться *korios* – слово того же корня, что староирландское *cuire* или немецкое *Heer* (армия). Такие войска в глазах некоторых народов имели столь большое значение, что их даже называли этим словом: например, *Tricorii* (три войска), *Petrucorii* (четыре войска).

От Цезаря мы знаем, что именно созыв военного совета запускает механизм мобилизации. Все воины, признаваемые таковыми (то есть *equites*, по терминологии того же автора), должны прийти на совет при полном вооружении и оставив все дела. Если воинское сообщество принимало решение о войне, то армия формировалась сама собой, соби-

рая все войска под общее командование полководца. Государство, таким образом, не имело никакой проблемы рекрутского набора. *Equites* призывались автоматически без всяких возрастных ограничений (в «Галльской войне» Цезаря говорится о сражающихся старцах) и без оговаривания длительности кампании. К этим полноправным воинам можно было добавить всех подлежащих мобилизации свободных людей — представителей плебса.

♦ Воин

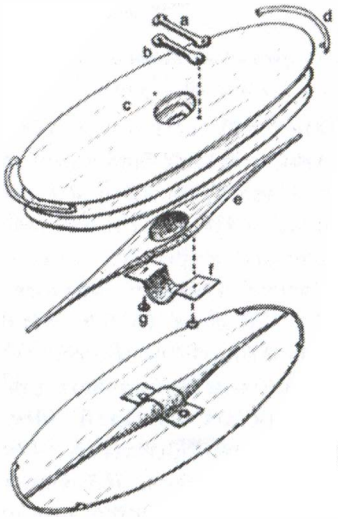
Кроме того, что в Галлии не было настоящей армии, в ней не было настоящего солдата. Есть воины, и есть военнослужащие. Первые занимаются военным делом не столько по профессии, сколько следуя культурной традиции и потребности, соответствующей их общественному положению. Участие во всех боях, которые ведутся по велению племени, является чем-то большим, нежели просто гражданским долгом, — это соглашение религиозного характера с богами и соглашение договорного характера с клиентами, зависящими от их хозяина-воина. Созыв военного совета, на котором только и может быть принято решение о войне, означает, что все воины должны на эту войну отправиться. У тревиров последний прибывший на совет даже предавался смерти.

Впрочем, воин сохраняет некоторую независимость. Он обязан следовать выбору своего племени или племен округа, к которому его народ принадлежит, но все остальное время он может торговать своими воинскими услугами или оказывать их друзьям и родственникам. Он действует как небольшое предприятие, которое может быть ограничено лишь одной его персоной и несколькими оруженосцами (обычно это его клиенты или преданные компаньоны). Иногда это даже маленькое войско

в несколько десятков человек (кавалеристы, пехотинцы, оруженосцы и слуги, чьей обязанностью является снабжение воинов).

♦ Снаряжение и вооружение

Таким образом, заботы о своем снаряжении и оружии, так же как о снаряжении и оружии своих людей, воин берет на себя. Со временем его материальное обеспечение меняется. С конца первой эпохи железа самые богатые воины используют колесницы – двухколесные повозки, модель которых могла быть заимствована у этрусков. Она представляет собой легкое, но тесное средство передвижения – просто кузов, поставленный на ось, прикрепленный к дышлу, который тянут две лошади. Воин стоит в колеснице, одной рукой держась за боковые поручни кузова, другой рукой потрясает копьем или пикой. Спереди, на краю кузова, у его ног сидит возничий. Такой экипаж очень эффективен, он – скоростной и маневренный. Именно с ним галлы завоевали большую часть своих территорий и заработали ту репутацию, которую они сохраняли еще долгое время после римского завоевания. Еще малочисленные в V веке (в некрополях Шампани на несколько десятков могил всего 1–3 могилы с колесницами), колесницы получают распростра-



Сборка галльского щита по частям

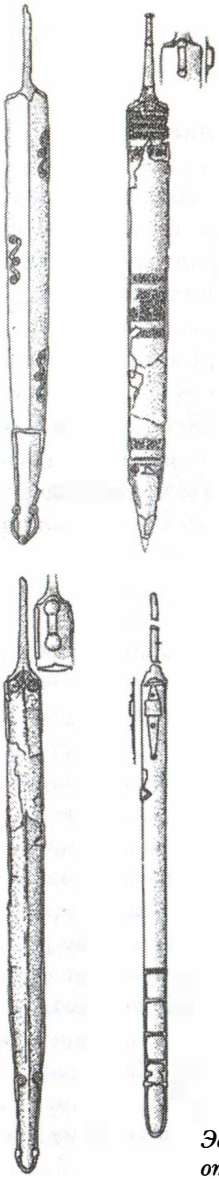
Бронзовый шлем из Беррю и выгравированный на нем орнамент. Начало IV века до н.э. Марна, Франция

нение в IV и III веках. В битве при Сентинуме, вероятно, должны были участвовать тысячи колесниц. Впоследствии их использовали только белгские народы, и Цезарь сталкивался с ними только на Британских островах, где они сохранились у народов белгского происхождения, заселяющих юг.

С IV века до н.э. галлы начинают применять кавалерию – особенно те, кто воюет на чужбине. Также они открывают для себя крупных средиземноморских лошадей. Местные галльские лошади были низкорослыми – как современные пони. Галлов охватила настоящая страсть к этим новым породам лошадей. Они пытались приобрести их по любой цене. Однако настоящие кавалерийские корпуса сформируются только ко II–I векам. Есть

даже пример личной кавалерии вождя эдуев Думнорикса, который содержал ее за свой счет и предоставлял в распоряжении государства — за деньги, разумеется.

Вооружение воинов на удивление однообразно и со временем, несмотря на смену техник боя, меняется мало. Оружие продолжает традиции эпохи бронзы и приспособлено к технологиям обработки железа. В основном это меч и другие пики и копья. Снаряжение воина почти окончательно формируется лишь в IV веке — благодаря крупным конфликтам в Средиземноморье, в которые втягиваются кельты. Это в основном оружие пехоты, оно напоминает снаряжение легких гоплитов. Защитное вооружение состоит единственно из плоского щита овальной или прямоугольной формы, очень высокого, который можно поставить на землю и укрываться за ним, как за стеной. Шлемом пользуются нечасто. В древние времена его носили в основном военачальники, у которых были колесницы. Он был скорее знаком отличия. Набалдашник шлема целиком покрывался бронзой, впоследствии — железом. Самые древние шлемы имели коническую форму персидских шлемов, с которых они, вероятно, были скопированы. Потом верхушка все больше укорачивается вплоть до полного исчезновения. Известно несколько парадных шлемов, очень богато украшенных. В их орнамент могли включаться листы золота, инкрустации из кораллов и эмали. В конце галльской независимости шлем претерпел еще одно поветрие моды — определенно для того, чтобы защитить голову кавалериста, который не мог носить с собой большой щит. В эту же эпоху и тоже для кавалеристов привносится новая высокотехнологическая разработка — кольчуга. Это что-то вроде жилета, сделанного из тысяч маленьких соединенных друг с другом колец.



Основным оружием поражения является копье. Под этим общим термином понимается и большая пика, которую всегда держали в руке, и более короткие копья — вплоть до дротиков, которые могли метать во врага. У дротиков были впечатляюще длинные наконечники, обладающие ужасной поражающей силой. Меч пехотинец доставал только когда оказывался лицом к лицу с врагом, когда пики и копья были не нужны. В первые века своего существования такой меч был относительно коротким и заостренным. Но со временем он удлиняется: сначала его используют как колющее оружие, но скоро начинают употреблять в качестве рубящего. Меч висел на груди воина на ремне, крепившемся массивной цепью из бронзы, позднее — из железа. Цепи крепились таким образом, чтобы меч не болтался и не мешал при беге. Такие поясные цепи — подлинные шедевры галльскх ремесленников, они настолько восхищали греков, что те их вывешивали в своих святилищах, где также выставлялись галльские щиты, мечи и копья.

Эволюция галльского меча, от V к I веку до н.э.

Латы эпохи бронзы, скопированные с греческих и этрусских образцов, исчезают с началом первой эпохи железа. Некоторые народы – как, например, салии Антремона – заменяют их чем-то вроде жилетов из меди. Но принят обычай сражаться с обнаженным торсом, а иногда вообще голыми. Выдвигаются объяснения практического характера: нагота давала большую свободу движений и помогала переносить жар схватки. Но нужно принимать во внимание и причины духовного рода. Обычай сражаться обнаженными был присущ только нескольким народам мира (египтяне Среднего царства, зулусы царя Чаки и кельты). Он был связан с религиозными верованиями и порождал у врагов мистический ужас. Рядом с воинами находились клиенты, слуги и, в случае крайней необходимости, крестьяне. Их вооружение было более разнообразным. Вооруженные слуги пользовались оружием хозяина – тем, которое они носили в походе и которое они должны были вовремя подавать ему по ходу боя. Другие пользовались луком и подобранными на поле брани пиками, иногда сельскохозяйственными орудиями.

♦ Нравы воинов

Галльские воины большую часть жизни проводили вдали от дома и семьи. Военная кампания длилась обычно с марта по октябрь – пока дороги были проходимы, а колесницы и лошади в состоянии были передвигаться по полю боя. Но кампаний было много, у народов севера Галлии они случались почти ежегодно, и войска могли находиться в походах по несколько лет. Условия жизни были сложные и с неизбежностью порождали у людей, живших и сражавшихся бок о бок, удивительную сплоченность.

Самый замечательный обычай – это обычай товарищества. Цари, вожди или просто воины, не обделенные харизмой, образуют вокруг себя то, что

Полибий называет «гетерией», — более-менее многочисленная группа клиентов, но также и воинов, которые торжественно клянутся своим хозяевам в нерушимой дружбе. Их галлы называли силодурами или сольдурами. Они делили стол, богатства и нередко ложе своего вождя, как то сообщает Аристотель, который удивляется, что у кельтов не порицаются гомосексуальные отношения между мужчинами. Посидоний уточняет, что воины имеют привычку спать между двумя компаньонами. Есть все основания считать, что эти двое — просто его слуги. Один носит его щит, другой — копья.

Такое совместное вкушение радостей жизни имело целью или, по крайней мере, было последствием такого же разделения по-братски превратностей боя, что выражалось, в частности, в коллективной тактике. Воин не только не имел желания лично выжить, но, рискуя своей жизнью, был постоянно рядом со своим господином, который сражался в первых рядах. В охране господина все его компаньоны были тем более заинтересованы, что от него зависело их собственное выживание. Другой стороной жизни с господином было разделение с ним его участи, какой бы она ни была: «Если тот погибает насильственной смертью — тогда либо им всем выпадает та же участь, либо они совершают самоубийство; в людской памяти нет никого, кто отказался бы умереть, раз уж умер тот, которому они дали обет нерушимой дружбы», — пишет Цезарь. И действительно, история сохранила многочисленные случаи коллективных самоубийств галлов на поле боя. Так, царь гезатов Анероест, который был нанят бойями и инсубрами на битву при Теламоне, потерпев поражение, убил все свое окружение, а затем и себя.

Такие тесные отношения между воинами одного военного отряда (весьма похожие на отношения родства или соседства, связывавшие греческих го-

плитов) и вечный вызов смерти, которого требовали религиозные верования, делали в принципе ненужной какую-либо воинскую дисциплину. Свои обязанности воин знал благодаря своей собственной морали, которую ставил выше всякой храбрости и ее конкретных доказательств — голов убитых врагов, которые он носил с собой, что обеспечивало ему достойное место в армейской иерархии и почести в его округе.

♦ Наемничество

Такой своеобразный способ вести войну — на манер дикой орды, не останавливающейся ни перед каким риском, — прекрасно подходил для практики наемничества, развивавшейся в античном мире с V века. Вероятно, этруски первыми наняли своих галльских соседей. Они рассчитывали на них в той борьбе, которую вели против Рима. Галлы легко соглашались быть наемниками, поскольку в их характере было поворачивать оружие против своего работодателя, опустошать его города и требовать выкупа: они считали, что при любом раскладе останутся в выигрыше. Дионисий Сиракузский неоднократно нанимал галлов, но он предусмотрительно включал их в большие разноплеменные армии — наряду с представителями других воинственных, не менее грозных народов, — иберов, фракийцев, спартанцев. Дионисий использовал галлов в соответствии с их методами ведения боя. Галлы же учились сражаться в огромных соединениях и в битвах классического типа — лоб в лоб. В таких битвах их всегда ставили в первые ряды и в центр — туда, где столкновение было самым кровопролитным. Понятно, что они всегда несли самые существенные потери.

Некоторые галльские народы сами прибегали к военным услугам своих соплеменников. Начиная

с III века галлы Цизальпинской области постоянно приглашали трансальпийских галлов, именуемых гезатами, из центра и с севера Галлии. В конце галльской независимости уже белги выполняют ту же роль при могущественных народах центра и юго-востока. Например, эдуям оказывали помощь белловаки. Наконец, сам Цезарь во время своего завоевательного похода, а потом первые императоры сумели извлекать пользу из военных талантов галлов. Галлы даже сами помогали Цезарю завоевывать Галлию, а первым императорам они помогали строить Римскую империю.

Тит Ливий говорит о договоре, который Персей, царь Македонии, заключил с галлами, расположившимися в Иллирии, – он хотел использовать их как наемников. Там было 10 000 конных и столько же пеших воинов. Персей обещает по десять золотых монет кавалеристам и по пять – пехотинцам. Вождь должен был получить тысячу золотых монет. К этому жалованью, вероятно, должна была быть добавлена часть добычи и, разумеется, плоды грабежа.

♦ Стратегия

В противоположность тому, что было у римлян, в Галлии стратегия долгое время сводилась к самому простому выражению. Правильнее было бы говорить о техниках боя и о тактике. Методы ведения боя были крайне индивидуальны и основывались исключительно на отчаянной храбрости (что латины называли *furor*), оставляя в стороне теоретические размышления о маневрах на поле боя, о выборе места для лагерей и их строительстве, об обороне городов и об искусстве их осады. В зависимости от врага галлы выбирали место столкновения и состав своих собственных войск. У них развивалась скорее военная хитрость, чем подлинная стратегия.

Долгое время кельты практиковали лишь фронтальное столкновение, в сущности, рукопашную схватку, которой предшествовала дуэль вождей — возбуждающий ритуал для начала боя. Лишь в конце IV века благодаря своему участию в больших средиземноморских конфликтах галлы усвоили более изощренные техники боя, которые стали их достоянием и создали им соответствующую репутацию. Наибольшее внимание они уделяли своей пехоте — мощной и несокрушимой. Воины сражались, как греческие гоплиты, — сомкнув ряды, потрясая пиками, что делало возможным движение только вперед, закрывая всякие лазейки для бегства. Их единственным оборонительным средством был щит, за которым они могли укрываться от стрел. Щиты они иногда размещали по всем сторонам, чтобы защитить весь боевой отряд. Подобное мы встречаем еще в боевых действиях, которые они ведут против римлян под предводительством Цезаря. Такой вид боевого построения называется «черепаха». Видимо, именно галлы научили ему римлян как раз тогда же, когда передали им свой длинный и плоский щит. Отряду пехотинцев, располагавшемуся в центре ар-

Реконструкция боя на колесницах

мии подобно клину, придавались фланги, способные предотвратить окружение. Эту роль исполняли лучники, всадники и бойцы на колесницах.

Кавалерия, развивавшаяся в III веке до н.э., играла все большую роль, и галлы, некогда известные как ударные пехотинцы, снискали тогда репутацию бесстрашных всадников. Но их отличительной чертой стало уникальное соединение, которое они сумели сформировать из всадников и пехотинцев. Впредь всадники и пехотинцы сражались бок о бок, причем пехотинцы приспосабливались к манере боя кавалеристов. То есть на поле боя они были почти такими же быстрыми, как и лошади, на которых они могли запрыгивать на полном скаку — либо чтобы убежать от врага, либо для замены погибшего всадника. Галлы, завоевавшие в начале III века Грецию и Македонию, довели до совершенства тип построения, при котором воин-хозяин (*eques* по терминологии Цезаря) был окружен еще двумя вооруженными слугами, тоже на лошадях. Если лошадь хозяина получала ранение, то один из двух слуг, бывший для прикрытия всегда позади, спешивался и отдавал ему свою лошадь, в случае ранения или смерти хозяина слуга становился на его место. Второй слуга был наготове, чтобы оказать необходимую помощь хозяину и первому слуге. От Павсания до нас дошло галльское название такого построения — *trimarkisia* (буквально «группа из трех лошадей»).

Крайне высокая эффективность атакующих действий делала для галлов ненужным оттачивание оборонительных навыков. Военные лагеря никогда не строились, и еще в 52 году до н.э. Цезарь с удивлением констатирует, что галлы совершенно не приучены это делать. Такими лагерями иногда служат жилища, фермы. Их окружают рвом с земляным валом и палисадом. *Оппидумы* являлись укрепленными местами, но их земляные или каменные

валы оказывались малоэффективными. Они были рыхлы, их слишком большая протяженность, при отсутствии нормальных обходных дорог, не позволяла их полноценно защищать.

Зато искусство осады вражеских городов практиковалось постоянно и с древнейших времен. Видимо, уже в конце V века до н.э. галлы покушались на этрусские города. Впрочем, самая известная осада – это осада Рима в 380-х годах до н.э. В самой Галлии они осаждали Массалию и другие греческие порты. Но лишь наемничество в IV–III веках приобщило галлов к осаде мощнейших крепостей – особенно в Великой Греции. То есть во II–I веках они уже могли оттачивать полученные навыки на крепостях своих соплеменников. Цезарь крайне подробно описывает штурм белгами города ремов, Бибракса: «Множество людей окружают по всему периметру городские стены, затем они начинают закидывать стены камнями; когда стены пустеют от защитников, они строят черепаху, поджигают ворота и подкапывают стену. Они делали это с легкостью. Так как тех, кто метал камни и стрелы, было очень много, то уцелеть на крепостных стенах не было никому никакой возможности».

♦ Морской флот

Галльские моряки – вещь удивительная и вызывающая скорее скепсис – настолько укоренен у нас образ галлов как народов, привязанных к суше. Следует, впрочем, усомниться в этом наивном взгляде. Цезарь предельно точен: все прибрежные народы Ла-Манша располагали более-менее внушительным флотом, насчитывавшим в любое время десятки и даже сотни судов. Вероятно, речь идет исключительно о торговом флоте, занятом грузовыми перевозками и наряду с этим, может быть, рыболовством. Основная деятельность галльских моряков от мыса

Финистер до Па-де-Кале состояла в перевозке через Ла-Манш грузов и людей. Начиная с появления белгских народов на севере Галлии и в Британии устанавливаются тесные связи между обитателями обоих берегов Ла-Манша. В начале I века до н.э. суэссионы под предводительством своего царя Дивициака доминировали не только над большей частью Галлии, но также и над островом Британия (по крайней мере над его южной оконечностью, заселенной кельтами). Такое положение вещей предполагало, что суэссионы благодаря прибрежным народам-морякам могли добраться до Британии в любой момент. Подобное было возможно еще во время римского завоевания: британцы регулярно посылали войска на помощь белгским народам, а представители последних столь же регулярно находили прибежище у британцев. Это то, что станет причиной вторжения Цезаря на юг Англии.

Археологические открытия на галльском побережье Ла-Манша подтверждают важность торговых отношений с Британскими островами. Оттуда в избытке импортируются руды и промышленное сырье. Ремесленные изделия одного и того же производства, такие, как керамика, встречаются на обоих берегах Ла-Манша. Больше всего таких свидетельств во французской Бретани, что заставляет согласиться с Цезарем, утверждающим, что в торговле через Ла-Манш первенство принадлежит венетам. Большая часть торговых сделок между центром Галлии и Англией заключалась при их посредничестве. За перевозку они берут существенные таможенные пошлины и портовые сборы.

Еще Цезарь оставляет нам довольно подробное описание галльских кораблей. Они представляли собой суда с большой осадкой и с высоко задранными носом и кормой. В таком случае они должны быть весьма похожи на суда викингов с той разни-

цей, что на галльских кораблях весла играли лишь вспомогательную роль. Галлы были толковыми мореплавателями и полагались на ветер. Очень тяжелые, сделанные из толстых дубовых досок корабли укреплены были поперечными брусами толщиной в фут, скреплявшимися железными штырями. Чтобы приводить корабли в движение, паруса должны были быть достаточно большими. В любом случае они были очень крепкими, так как шились из кож. А тросами служили цепи. Конопачение армориканских кораблей осуществлялось с помощью водорослей, — так нам сообщает Страбон. Плиний указывает, что белгские корабли конопатились с помощью камыша, — это была очень эффективная техника, которая не дает дереву рассыхаться. Якоря конструировались так, чтобы выдерживать бури и приливы-отливы. Они были тяжелы и крепились железными цепями. Чтобы сражаться с подобными кораблями, Цезарь вынужден был учитывать особенности кораблей галлов, когда строил свой флот. Впрочем, ему корабли строили сами галлы.

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Кельты всегда были больше склонны развивать военную мощь, чем экономическую. У них общественные отношения (клиентела, воинское братство) и отношения родственные ценились выше, чем обладание предметами потребления или властными функциями. Галлы вследствие близости к великим средиземноморским цивилизациям были более чувствительны к материальному комфорту, нежели их предки-кельты. Но несмотря на это, они достаточно поздно приобщаются к торговле. Таким образом, у них нет понятия об экономике в смысле общего управления ценностями, принадлежащими государству и частным лицам. Зато галлы двух последних веков независимости теоретически разрабатывали экономику в греческом понимании, то есть управление материальными благами внутри семьи[1].

Однако притом что галлы игнорируют экономические реалии, они верны своему правилу: строят свою жизнь, чтобы обеспечивать себя и свою семью. Распределение благ отвечает вполне частным интересам господствующего класса, которым до I века до н.э. остается военная аристократия. «Они жили в неукрепленных деревнях и чуждались комфорта в

[1] На русский греческое слово «экономика» переводится как «домострой». — *Примеч. пер.*

какой бы то ни было форме; ночующие на подстилках, питающиеся лишь мясом, занимающиеся лишь войной и скотоводством, они вели первобытную жизнь и не знали никаких наук и никаких искусств. Их личное имущество состояло из домашних животных и из золота, поскольку это были единственные вещи, которые было легко взять с собой и переместить в любое желаемое место во время своих кочевий». Так говорит Полибий о цизальпинских галлах III века до н.э. И это также подходит ко всем галлам древности, а многие из галльских народов (особенно севера и запада) оставались такими еще во времена римского завоевания.

Воин создает себе свой микрокосм, согласуясь со своим образом жизни. Тот же образ жизни ведут и его семья, и его товарищи по оружию, и его клиенты и должники, среди которых числятся крестьяне и ремесленники. Ему нужно сельское поместье, достаточно большое, где он может упражняться, охотиться, где может пастись его скот и жить его домочадцы. То есть где возможно обеспечить себе пропитание и содержать в порядке землю и скотину. По большей части все эти богатства являются военными трофеями. Это земли, которые он завоевал или которые ему пожаловало государство за его службу. Это рабы и стада, которые он захватил. Это какие-то драгоценности, оружие – то, что обычно составляет военную добычу. Эти простые вещи не служат для воспроизводства чего-то другого. Их назначение – всего лишь позволить воину по крайней мере держаться на достигнутом уровне. То есть продолжать с успехом воевать, укреплять сеть своей клиентелы и свое воинское братство.

Данным целям и служат сельское хозяйство, ремесла и торговля в ее довольно архаичных формах. Чтобы вести войну, воин нуждается в животных (лошади и скот, используемые в военных кампаниях).

Торговец одеждой. Рельеф галло-римской стелы. II–III вв. н.э.

Скот также нужен для питания семьи и для больших пиров, скрепляющих отношения воина и его дружины. Ему нужно эффективное вооружение, а его крестьянам и ремесленникам, трудами которых он пользуется, – необходимые орудия труда. Наконец, нужны некоторые ценные вещи: золотые украшения, дорогая посуда, а также вино. Он получает все это добро от перекупщиков добычи.

Экономика, возникающая в конце первой эпохи железа, является одновременно и военной, и сельскохозяйственной, так как две этих сферы деятельности тесно связаны друг с другом. В противоположность политическим учреждениям, которые стремительно меняются на протяжении пяти последних столетий независимости, экономические основы остаются на удивление постоянными и впоследствии даже используются римскими колонизаторами. Для империи Галлия становится важнейшим поставщиком солдат, скота и зерна. Про-

чие сектора экономики остаются второстепенными. Если отдельные ремесленники и завоёвывают репутацию и иногда даже экспортируют свою продукцию, то добыча промышленного сырья имеет лишь местное значение, а галльские торговцы являются всего лишь посредниками на международном рынке, на который они не могут оказать никакого влияния.

ВЫГОДЫ ВОЙНЫ

У кельтов, как у многих народов, называемых варварскими, война являлась не только культурной традицией, но и отвечала экономическим потребностям. Сельское хозяйство и ремесленничество ни в коей мере не были достаточно производительными, чтобы создавать ощутимые излишки для обмена на импортную продукцию. Только народы, проживавшие вдоль важных торговых путей, или народы, на территории которых имелись месторождения, благодаря дорожным пошлинам или природной ренте могли получить недостающие товары. Остальные, то есть большинство, вынуждены были прибегать к войне — чтобы иметь необходимые блага непосредственно, либо обменивать на них свою военную добычу. Разумеется, войну порождала не погоня за благами, но легкое и быстрое получение благ существенно подогревало военный пыл.

Военные трофеи использовались по-разному, причем каждый из них характерен для какой-то определенной эпохи. В первую эпоху железа и в начале второй мы видим более-менее далекие военные походы, целью которых являлся грабеж, а для не столь далеких походов — захват земель. Любые вещи, имеющие хоть какую-то ценность, захватываются. Население берут в плен и продают в рабство. Уводят стада животных. Любая военная операция

приносит существенные богатства, при относительно небольших затратах, — войска кормятся за счет завоеванного населения. Во время великих походов в Центральную Италию или в Македонию и Грецию требовались в полном смысле слова толковые тыловики, которых по численности было подчас больше, чем воинов. Так, армию Бренна в походе в Македонию сопровождала вторая армия купцов — рыночных торгашей на двух тысячах повозок. Эта армия скупала награбленное напрямую у воинов. Благодаря ей экспедиция приобрела вид передвижного рынка. Белги практиковали такие набеги вплоть до поздней эпохи (до прибытия Цезаря). Они весьма неглубоко вторгались в земли своих германских соседей.

С конца V века до н.э. по просьбам, поступающим от других народов (зачастую от тех, кто стал их жертвами), галлы начинают заниматься наемничеством. Их услуги оплачиваются напрямую, по заранее установленным расценкам, что мы видели на примере договора, заключенного между Персеем и галлами, обосновавшимися в Иллирии. Жалованье до II века платилось золотом, затем — золотом и серебром. Очень часто наемники имели право на часть добычи, но она шла главным образом на их текущие нужды или перепродавалась ими на месте. Широко распространенная у трансальпийских народов, называемых гезатами, практика наемничества давала им существенные богатства, что делало ненужным любой производительный труд.

Вероятно, начиная с III века, на первый план выдвинулся третий вид военной активности. Он происходил из наемничества, и им занимались в рамках клиентских отношений между народами. Он являл собой обмен услугами и благами. Так, белловаки регулярно предоставляют в распоряжение эдуев своих воинов, а также свои денежные средства, в об-

мен получая товары, которые они не могли производить сами, — например, вино. Им эдуи торговали в громадных количествах.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В Галлии сельское хозяйство представляется довольно парадоксальной вещью. Вероятно, оно использовало достижения более развитой и более богатой сельскохозяйственной области Средиземноморья. В течение пяти веков галлы свое сельское хозяйство успешно развивали — вопреки расхожему мнению, будто все инновации были введены в римский период. И все же в сознании самих галлов сельское хозяйство — потенциальный источник огромных богатств — никогда должным образом не оценивалось. Похоже, занятия земледелием военная элита даже презирала. Она оставляла эту сферу деятельности своим клиентам. Карикатурные описания Цицерона не вполне лишены правды: «Галлы считают постыдным обеспечивать себя зерном, работая в поле. Вооружившись, они идут собирать урожай с чужих полей». В любом случае можно быть уверенным, как говорится в уже цитировавшемся тексте Полибия, что галлы гораздо больше расположены к занятиям скотоводством, чем земледелием. Красота и тучность стад считались неоспоримым доказательством могущества. У них не наблюдалось чрезмерной страсти к обладанию земельной собственностью, но они ценили возможность жить в деревне посреди своих животных, полей и обширных пастбищ, которые годились и для охоты.

Надо сказать, что не все земли были изначально пригодны для возделывания и что в начале первой эпохи железа они делились на три разряда, неравных по площади. С неолита площадь лесов сокращалась, и леса сохранялись только в труднодоступных

местах (горы, болота, скалистые возвышенности и т.д.). На всем протяжении эпохи железа существенная потребность в дереве для соответствующих работ, а также пасущиеся овцы и лошади способствовали интенсивной вырубке лесов. Все большую площадь занимали пастбища, возникавшие на месте прежних распашек. Не меньшую площадь занимали обрабатываемые земли. Однако увеличение населения в последние столетия галльской независимости требовало поиска новых пахотных земель. Чтобы пустить под распашку часть пастбищ, использовали три основные техники. Пытались изменить структуру и пластичность почвы внесением известковых удобрений. Почва обогащалась за счет органического компоста, навоза. Наконец, усовершенствовались орудия труда, воловьи упряжки, позволявшие распахивать тяжелые земли. Это касается, в частности, сохи — в упряжке с двумя волами и даже более. Такие усовершенствования стали возможны и благодаря благоприятным климатическим условиям — весьма близким к тем, в которых мы живем ныне.

Способ эксплуатации земель поднимает вопрос о земельной собственности. Этот вопрос бурно обсуждался историками и еще поныне остается предметом споров. Хотя можно резонно предположить, что, как и в Риме, существовало два типа собственности. Государственная собственность — например на недавно завоеванных территориях, и собственность частная — главным образом находившаяся в руках аристократических и воинских родов. Однако, в отличие от Рима, частники-галлы не обрабатывали свои наделы сами в силу своей немалой занятости военными и управленческими делами и в силу того, что наделы были слишком большие. Большую часть своих земель они предпочитали сдавать в аренду. Тем не менее они оставляли за собой собственный домен — нечто вроде виллы, где прожи-

вали вместе со своей семьей. Вилла, таким образом, находилась в окружении большего или меньшего количества ферм в зависимости от размера земельной собственности. Это маленькие хозяйства, которыми была усеяна местность и которые в северных областях являли единственную форму жилища вплоть до I века до н.э. У них в распоряжении находилось всего несколько гектаров пахотных земель и чуть больше для пастбищ. Крестьянское сословие было малочисленным, и женщины принимали активное участие в полевых работах. Это бросалось в глаза до такой степени, что греческие путешественники смогли записать, что в Галлии роли полов при распределении работ обратны тем, что существуют в других странах. Работающие на полях могут быть свободными крестьянами, которые предоставляют свои услуги внаем — таковы мужчины и женщины, которых Ермолай, массалийский землевладелец, нанимает для вспашки своих полей. Участие рабов в сельскохозяйственных работах было минимальным, так как эта работа весьма специфична и большое количество рабов имелось лишь в больших владениях (типа latifundium в Италии), располагающих надсмотрщиками.

Такая сельскохозяйственная единица (вилла хозяина плюс ферма) хорошо известна благодаря археологическим раскопкам. Всегда имеется огороженный участок от пятнадцати ар до одного или нескольких гектаров по площади. Огораживающие его ров и палисад выполняют несколько функций: они защищают инвентарь, рабочие площади и складские помещения от вторжения посторонних людей или животных, а также свидетельствуют о богатстве владения. Если речь идет о жилище хозяина, то оно может быть в той или иной мере укрепленным. В таком случае вход имеет вид монументального портика, декорированного скульптурными украшениями

в виде бычьих голов и даже оружием и отрубленными человеческими головами. Сам участок чаще всего бывает поделен на несколько функциональных секторов: первый — двор, где находится основное жилище, второй — с пристройками и подсобными помещениями (стойла, риги, закрома), третий — рабочие площади. Довольно часто оставляется обширное пространство для ухода за животными. В самых новых хозяйствах (II и I веков до н.э.) часто прослеживается сложный геометрический план — основной участок располагается в центре сети более обширных участков, на которых возможно размещение стад. На виллах наиболее влиятельных особ присутствуют более роскошные постройки — жилища для военных компаньонов, конюшни для их лошадей, а также места для отправления культа и для собраний. Такое мы наблюдали на примере аристократических резиденций Поль и Монмартен.

Каждое из этих хозяйств, видимо, было расположено в центре соответствующего земельного надела. Площадь последнего изменялась в зависимости от числа работников, качества земель и общественного положения владельца (собственник, клиент в статусе вассала, свободный или наполовину свободный фермер). На севере Франции, где многие из таких ферм стали объектом раскопок, их площадь можно оценить равной от нескольких десятков до двух-трех сотен гектаров. Эта величина не такая уж и большая, так как пашня состав-

Изображение быка на галльской монете. IV в. н.э.

ляет только малую часть. Наибольшую площадь занимают пастбища — главным образом неогороженные, — среди которых находится несколько загонов для скота.

Скот являлся основным богатством на селе. Это богатство было и самым заметным. «Здесь процветают все породы скота», — пишет Страбон в начале I века до н.э., несколько переиначивая отрывок из Посидония. Каждая порода занимала свое место в зависимости от ее использования людьми. Лошади и рогатый скот преобладали у благородных и у воинов. Это был один из главных показателей их привилегированного положения у галлов. Именно по количеству рогатого скота и лошадей, а также по числу клиентов и величине надела судили о достатке. Лошади нужны были для войны и охоты. Эти два вида деятельности разделяли кельтское общество на привилегированных и плебеев. Мясо рогатого скота входило только в рацион самых богатых, и оно потреблялось главным образом на великих воинских пиршествах и религиозных праздниках. Волы также необходимы были для некоторых видов полевых работ (распашка и боронование). Для этого их владельцы могли сдавать их в аренду своим клиентам или фермерам. Овцы, козы и свиньи больше были распространены у простого сельского населения, и на каждой ферме в той или иной мере (в зависимости от площади хозяйства) их было достаточно. Эти животные, считая даже свиней, свободно разгуливали по полям. Они обрывали и поедали кусты и травы. Они поедали стерни и естественным образом удобряли почву для будущих урожаев. Корм для них очень был дорог[1]. Собаки занимали примерно то же место, что и свиньи. Их мясо постоянно упо-

[1] Возможно, речь идет о корме, для изготовления которого требуется приложить некое количество людского труда. — *Примеч. пер.*

требляли в пищу, но некоторые породы разводили для военного дела. Так, арвернский вождь Битуит нигде и никогда не появлялся без своей собачьей стражи. Еще у галлов ценились собачьи шкуры, которыми они покрывали свое ложе, а также почву[1]. В целом все следы жилищ, обнаруженные с помощью археологических раскопок, зачастую содержат впечатляющее количество костей животных, что свидетельствует о богатом мясном рационе.

Галлы возделывали в основном злаки и бобовые. Среди первых чаще всего встречаются в раскопках различные зерновые (пшеница, полба), ячмень, овес и просо. Среди вторых можно назвать чечевицу, горох, конские бобы, дикую чечевицу, вику. Зерна этих растений использовались для питания людей и, в гораздо меньшей степени, животных. Стебли тоже имели различное применение – фураж, подстил как для животных, так и для людей, кровля и т.д. Очень распространен был лен, использовавшийся в производстве тонкого белья. Дикорастущая конопля (пенька) в тот же период начинает применяться для производства снастей, такелажа. Растения также служили для производства красок, которые пользовалась у галлов большим спросом. Теперь невозможно установить, разводились ли фруктовые деревья в Галлии специально. Но точно можно сказать, что плоды и ягоды тоже собирали. Это лесные орехи, желуди, яблоки, груши, черешня, сливы, дикий виноград, каштаны, кизил.

Сельскохозяйственные технологии, вероятно, весьма неплохо были разработаны, если принять к сведению две вещи. Первое – то, какими эти технологии становятся спустя пять-шесть столетий, в раннем Средневековье, когда они являют собой

[1] Вероятно, от морозов. – *Примеч. пер.*

полный упадок. Второе — относительно малый размер хозяйств, что значительно сужало поле для агрономических исследований. Самым замечательным фактом являлось значительное расширение площади почв, когда в оборот введены были тяжелые земли плато и слишком песчаные земли некогда заброшенных равнин. В начале нашей эры таких почв в большинстве областей Франции было больше, чем сегодня. Заслугу в этом долгое время приписывали римлянам, но теперь мы знаем, что это галльское население распахало их. Такие результаты были достигнуты благодаря инновациям (например, мергелевание) и более тщательной обработке земли (глубинная и перекрестная распашка, прополка, сгребание, укатывание). Такие техники — где-то новые, но главным образом эффективные благодаря систематическому применению — способствовали созданию разнообразного инвентаря. С галльской эпохи свою окончательную форму получили коса, серп, мотыга, кирка, вилы, грабли. Постоянное обнаружение в местах раскопок жилищ, культовых мест или захоронений таких инструментов, нелегких в изготовлении, указывает, что их применение было распространенным и что большинство работ на земле выполнялось свободными людьми — даже если многие из них являлись фермерами или клиентами крупных земельных собственников.

РЕМЕСЛЕННИЧЕСТВО

Ремесленничество занимает в Галлии важное место по разным причинам. Прежде всего, оно должно было покрывать дефицит импортных товаров. Кроме сельского хозяйства, это единственная сфера экономической активности, опиравшаяся на внутренние силы и ресурсы. Наконец, оно

должно было отвечать немалым запросам части военной аристократии, потреблявшей огромное количество промышленных товаров. Галлы очень быстро достигли высокой степени мастерства в производстве железного инвентаря, в работах по дереву (плотничество, производство карет, бочарное производство), в выделке золотых и серебряных изделий, в том числе в искусстве эмали, лужения, серебрения, филиграни. Производимые таким способом вещи завоевывают особую репутацию за границей и в некоторых случаях являются предметом экспорта, правда, очень ограниченного. Тем не менее огромный спрос на промышленные товары и стремительно развивающиеся уникальные технологии не способствуют ни появлению класса ремесленников, ни возникновению, как то было в Греции, многочисленных и основательно оборудованных мастерских. Небольшие мастерские стали повсеместными лишь в I веке до н.э., и вовсе не факт, что работавшие там люди были свободными и имели право объединяться в цеха.

За исключением нескольких областей, в которых требовался тяжелый труд и умения, передававшиеся от поколения к поколению (особенно, работа с огнем, металлургия, ювелирное дело), производство промышленных изделий, видимо, не являлось отдельной сферой деятельности, поскольку рабочие не занимались исключительно этим и имели собственные орудия труда. Речь идет либо о какой-то второстепенной деятельности, часто сочетаемой с сельскохозяйственными работами (таков случай гончарного дела, плетения корзин, строительства), либо о небольшом производственном объединении, зависившем от другой, более обширной сферы – как правило, сельскохозяйственной, в которой практиковались различные виды ремесел. Таким образом, не совсем правильно говорить о

галльских ремесленниках, хотя они и заслуживают того, чтобы о них наконец-то вспомнили.

Очевидно, самой развитой сферой ремесла было гончарное дело. Им занимались в большинстве селений. Надо полагать, что в каждом сельскохозяйственном предприятии имелся один или несколько человек, занимавшихся этим делом. Возможно, что это были женщины. Сосуды, изготавливавшиеся таким образом в местных условиях, лепили руками, а обрабатывали на гончарном круге. С III века в некоторых областях появляется настоящая, искусная керамика, представляющая смелые, небычные формы (вазы на подставке, с профилем по форме напоминающим букву «S»). Такие вазы являлись частью сервировки стола, но использовались также в погребениях. Часто их производили оригиналь-

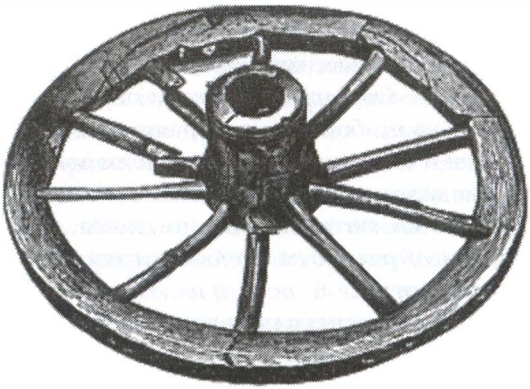
Торговцы, проверяющие качество ткани. Рельеф галло-римской стелы. II–III вв. н.э.

ным способом, не слишком обжигая. Украшения были очень разнообразны. Их делали разными способами — окраска, тиснение, формовка, лощение, инкрустация. Часто один и тот же предмет украшался путем соединения разных способов. Что до тематики украшений, то здесь обнаруживается хронологичекая эволюция. В латенской культуре раннего периода это геометрические мотивы, в латенский средний период преобладают рисунки с закругленными очертаниями, в Латенский поздний период появляется тенденция к исчезновению декора и видны следы обтачивания (выемки, тесьмы). В верхнем слое встречаются роскошные вазы — подлинные произведения искусства, представляющие изысканный декор того же стиля, в котором выполнены украшения на оружии и ювелирных произведениях. Это либо великолепно очерченные рисунки, либо пластические украшения, вероятно сделанные методом лепки. Такая керамика являлась произведением ремесленников-мастеров, которые занимались исключительно данным видом работ.

У галлов был огромный спрос на горшки, на что указывают раскопки жилищ и захоронений, поставляющих сосуды и черепки тысячами. До второй половины II века до н.э. формы и украшения представляют местные мотивы. Это указывает на то, что предметы производились отчасти на месте, отчасти — в мастерских, поставлявших продукцию в близлежащие области (в радиусе максимум несколько десятков километров). В конце II века мы видим уже продукцию, изготовленную по единому образцу, украшения на которой не столь оригинальны. Это указывает на то, что широко распространившиеся мастерские все больше заменяют собой домашнее производство.

Ремесла, связанные с деревообработкой, процветают в не меньшей, если не в большей, степени.

Но их изделия в подавляющем большинстве случаев до нас не дошли. Самый распространенный вид работ — это строительство разнообразных объектов (жилые дома, сельскохозяйственные постройки, ограды, но также и публичные здания — такие, как храмы и крепости), большая часть которых сделана из дерева. Здесь мы вновь сталкиваемся с двумя типами производства — домашним, местным, и мастеровым. Первый с давних пор являлся самым распространенным, — в нем использовались несущие опоры (как правило, это просто стволы деревьев), врытые в землю и выполняющие роль остова. Стены и крыша покрыты и землей и соломой, что не требовало какой-то сложной техники (например, плетение и саман). Второй — более редкий и реже встречаемый археологами — требовал настоящей плотницкой квалификации. Такие конструкции называются «с прикрытым остовом»: деревянные каркасные стенки, составленные из скрепленных друг с другом прямоугольников, поддерживают деревянный остов. При сборке такие здания, так же, как и крепостные стены типа *murus gallicus*, как правило, укреплялись большими железными штифтами, что



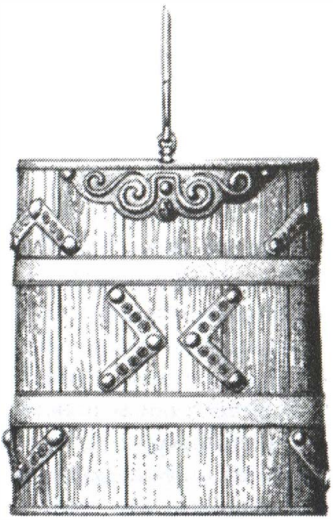
Колесо повозки. Ла-Тен, Швейцария

требовало участия кузнеца. Чтобы рубить деревья и колоть их, плотники пользовались топорами. Чтобы делать их в сечении квадратными — теслами; чтобы распиливать их на доски — большими двуручными пилами (типа «проходка»); стругами — чтобы рубить срезы; резцами — чтобы подготавливать сборку.

В домашних условиях занимались также и столярным ремеслом. По большей части это являлось делом плотников, которые снабжали дверные и оконные проемы створками и занимались внутренним убранством дома. Как и остов, внутреннее убранство требовало немало работы с металлом (железная оправа, гвозди, заклепки, шарниры, крюки, плиты запоров). Но многие столяры были способны создавать более сложные изделия, производство которых труднее освоить (сундуки, низкие столы, деревянная посуда, резные детали). Найдено много традиционных столярных инструментов: сверло, долото, стамеска, напильник, пила, молоток. При работе с деревом галлы особенно продвинулись в производстве телег и бочек. Опять же, эти две специальности тесным образом связаны с работой по железу. И надо думать, что изготовители телег и бондари, как и кузнецы, являлись специалистами с полной занятостью, которые должны были работать артелями. Они изготавливали плуги, повозки, легкие повозки, боевые и парадные колесницы. Колеса, как и втулки, шпиндели и даже дышла, крепились бандажами и железными хомутами. Двухколесные повозки, которые, как считается, являются галльским изобретением, требовали тех же материалов и технологий.

Многие виды ремесел практиковались в домашних условиях или в рамках сельскохозяйственного предприятия. Это, конечно, ткачество. Во всех обнаруженных при раскопках жилищах есть сле-

ды необходимого для этого занятия инвентаря: ткацкий станок, челнок, игла. Сопутствующими видами деятельности (прядение шерсти и льна, окрашивание) тоже занимались на месте. Сюда также относятся работы с кожей. Галлы в совершенстве освоили это ремесло. Изготавливались латы, покрытия для щитов, башмаки на деревянной подошве (знаменитые *gallica*), корабельные паруса. Археологические раскопки предоставили свидетельства еще более удивительного домашнего занятия – производства соли путем выпаривания. Места такого производства обнаружены на обширных пространствах – от морского побережья до местностей, удаленных километров на сто в глубь континента. Кстати, такое расстояние от источника первичного сырья до места производства предполагает наличие хороших дорог и превосходных транспортных средств.

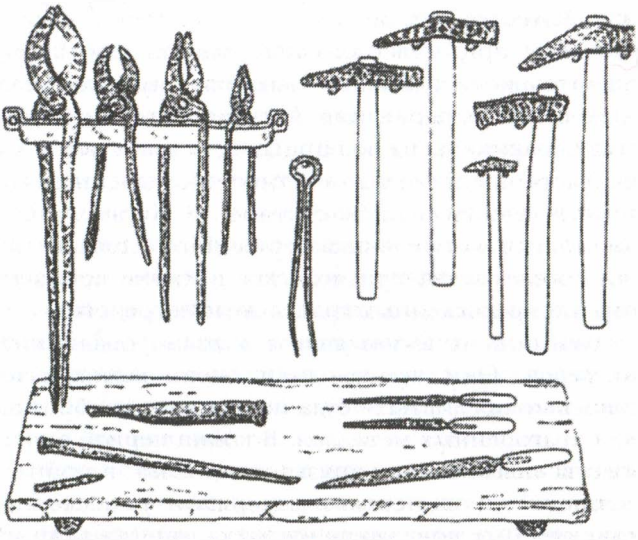


Ведро, обнаруженное в захоронении Тартиньи. III век до н.э. Уаза, Франция

Работа с металлом являлась делом подлинных мастеров. Они производили очень высококачественные предметы – будь они из железа, бронзы или драгоценных металлов. В конце первой эпохи железа гальштатские князья, возможно, в принадлежащих им мастерских содержали ремесленников, которые приезжали издалека, иногда даже из Италии. Но и сами галльские кузнецы по просьбам

работодателей переезжали к ним, покрывая довольно большие расстояния, о чем свидетельствует миф о Геликоне. Вероятно, именно такой способ работы был у кузнецов и ювелиров, ездивших к своему нанимателю, предоставлявшему им нужный металл, объясняет необычайное распространение технических приемов по всему континентальному кельтскому миру. За несколько лет одни и те же инкрустированные ножны мечей, одни и те же типы браслетов оказываются в областях, удаленных друг от друга на сотни километров.

Черная металлургия хорошо нам известна благодаря открытию огромного множества ее изделий всех видов (оружие, инструменты, обломки строений и т.д.). Железо, можно со всей определенностью сказать, вводится в торговый оборот уже в местах своей добычи. Там оно продается в виде слитков — очищенных и готовых к употреблению.



Реконструкция верстака галльского ремесленника

Формовка, таким образом, требует совсем незатейливого оборудования — кузницы и необходимых инструментов (наковальня, кувалда, молот, щипцы, зубило, долото, сверло, пробойник...). Применяемые техники свидетельствуют о высокой квалификации и о хорошем знании руд, из которых путем последовательного нагрева и ковки отбрасывалась огромная доля примесей. Галлы изобрели кузнечную сварку (соединение путем наложения слоев с различными свойствами). Это, в частности, необходимо было для мечей, сердцевина которых должна была оставаться мягкой, а лезвия максимально твердыми. Пайка отдельных фрагментов не практиковалась, ее заменяли оправкой, клепкой. Железо использовалось в первую очередь при производстве колоссальной массы оружия. Для этого создавались самые высокие технологии, которые позволяли производить мечи с ножнами из листового железа, пригнанными точно по клинку, поясные цепи из перевитых звеньев, острия пик с элегантной и мощной нервюрой, набалдашники шлемов. Для всадников галлы — точно можно сказать, в III веке до н.э. — изобретают кольчугу. Эти технические прорывы с самых ранних времен начинают везде оказывать благотворное влияние на инструментарий (работы по дереву, сельское хозяйство). Уже тогда он приобретает окончательные формы. Во всех областях труда железа хватает с избытком, чтобы производить разнообразные детали для монтажа: большие штекеры для балок, гвозди всех размеров, заклепки, железные оправы для дверных рам и мебель. Но лишь к концу II века, когда появляются скученные поселения и *oppida*, возникают настоящие производственные объединения индустриального типа.

Бронза теперь используется лишь для украшений и каких-то исключительных вещей — для некоторых элементов повозок или шлемов. В большинстве слу-

чаев из бронзы делаются престижные подставки для самых красивых произведений искусства. Золото и серебро идут на изготовление украшений, металлических ожерелий и особенно браслетов. В большинстве вещей применяется сразу несколько металлов (железо, бронза и золото — как, например, в шлеме из Агриса). Еще галлы очень любят инкрустацию кораллом и эмалью, которая чередуется с рельефами из бронзы и золота. Эмаль — исключительно красного цвета, благодаря которой галльские ремесленники прославились во всем Средиземноморском бассейне. Эмаль других окрасов появляется лишь в начале нашей эры.

РУДНИКИ

Галлы пользуются преимущественно естественными ресурсами[1], даже если их мало и их трудно добыть. Только руды ищут под землей. Для строительства шахт используется лес, земля и камни с поверхности земли. Железная руда, по крайней мере метеоритного происхождения, есть во многих областях. Самые значительные и богатые месторождения находятся в Берри, в Армориканском массиве, Лотарингии и Пиренеях. Добыча велась в карьерах под открытым небом. Обогащение руды производилось на месте, поскольку она была плохого качества и ее требовалось большое количество.

Впрочем, самой ценной рудой у галлов является золотая руда. Ее добыча и производство создают им хорошую репутацию у греческих и римских соседей. «Страна, кишащая золотом», — говорил о Галлии Диодор Сицилийский. Оно содержится в речном песке или золотоносном иле, и для добычи

[1] Возможно, в данном случае имеется в виду «возобновляемыми ресурсами». — *Примеч. пер.*

его требуются лишь простейшие инструменты. Но наиболее богатые залежи — это рудные жилы, выходящие к поверхности по всему юго-западу Галлии. Их надо разрабатывать, внедряясь в скалу. Часто это были рудники под открытым небом, но очень скоро приходилось углубляться на тридцать метров под землю, то есть ниже уровня грунтовых вод. Тогда следовало возводить крепь и спускать воду через отлогие штольни. Кажется, что для вертикального водоотлива использовался даже архимедов винт. Эти опасные работы и техники рытья и крепи имели благоприятные последствия для военного дела — аквитанцы становятся специалистами по подкопам вражеских крепостей.

Серебро тоже добывалось, впрочем, в меньших количествах, на склонах центрального массива Альп и Пиренеев. Могло добываться и олово — у венетов и на берегах Атлантики, но сильную конкуренцию здесь составляла продукция с Британских островов и из Богемии, торговля с которыми была поставлена в Галлии основательно. Наконец, Цезарь сообщает о наличии многочисленных медных рудников у сотиатов на юге Бордо.

ТОРГОВЛЯ

Галлы — не торговцы. У них нет этого духа. Они предпочитают обеспечивать себя естественными ресурсами или грабить то, что сами не могут произвести. При этом торговые сети основывались в Галлии с неолитической эпохи. Прежде всего, для транспортировки на юг промышленного сырья — такого, как олово и амбра. Эти великие пути были немногочисленны, но достаточно быстро стали свидетелями интенсивных перевозок, так как они связывали атлантические области, Британские острова, Северное море, Скандинавские страны с Ита-

лией и Грецией при посредничестве Массалии. Так, галлы пришли к мысли контролировать на своей территории обращение товаров, осуществляемое иностранцами, и практиковать торговлю в косвенной форме, взимая дорожные пошлины и пассивно участвуя в обмене. Первые галльские коммерсанты появляются, видимо, лишь в два последних столетия независимости.

В противоположность своим лигурийским соседям, населяющим южные склоны Альп, обитатели Галлии с давних времен отказались от грабежа путешественников и странствующих торговцев. У галлов была репутация ксенофилов и особенно эллинофилов. Ходила легенда, будто бы сам Геракл «отменил обычаи этих народов, противоречащие всем неписаным правилам, в частности, закон убивать иностранцев», и что в Альпах он «заменил все неровные дороги и труднопроходимые места этой страны одной дорогой, весьма сносной, чтобы по ней смогли пройти армии со своими вьючными животными и обозами». Эти подвиги, приписываемые греческому герою, указывают главным образом на то, что именно греческие и массалийские торговцы первыми ступили на эти дороги и что они их открыли примерно в то же время, когда произошли кельтские вторжения в Италию.

Основные направления товарооборота хорошо известны. От галльских побережий Средиземного моря отходят большие дороги, которые по мере углубления внутрь галльской территории разветвляются. Первая идет из Массалии. Она тянется по долинам Роны и Соны и достигает долины Сены. Ее ответвления позволяют проникнуть к центру Галлии и к Атлантическому океану. Затем достичь современной Бельгии и через Па-де-Кале — Британских островов. Вторая дорога идет от Нарбона, далее — по долинам рек Од и Гаронна и упирается в Атланти-

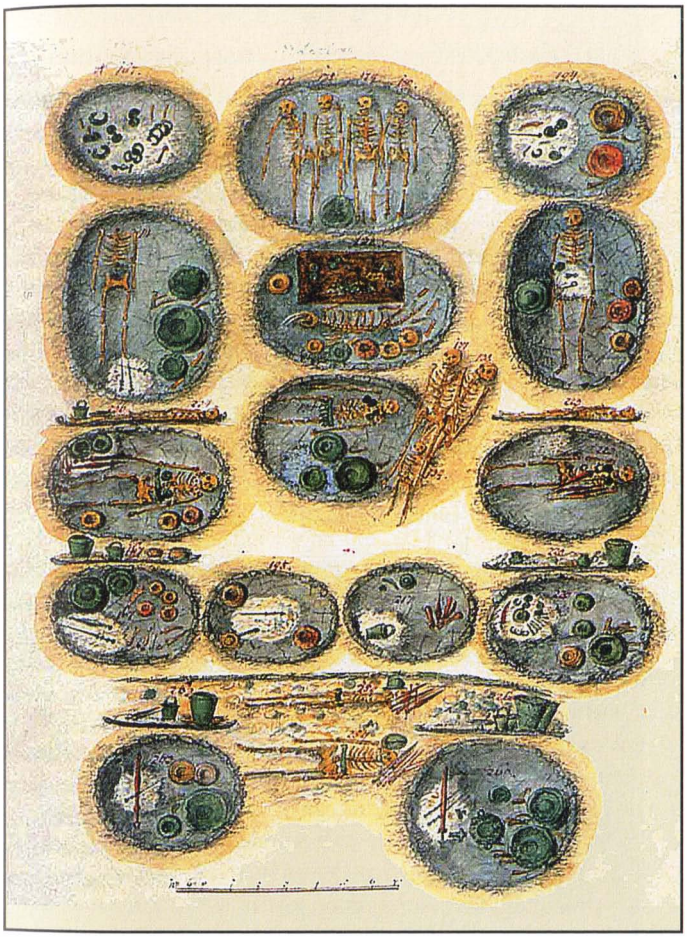
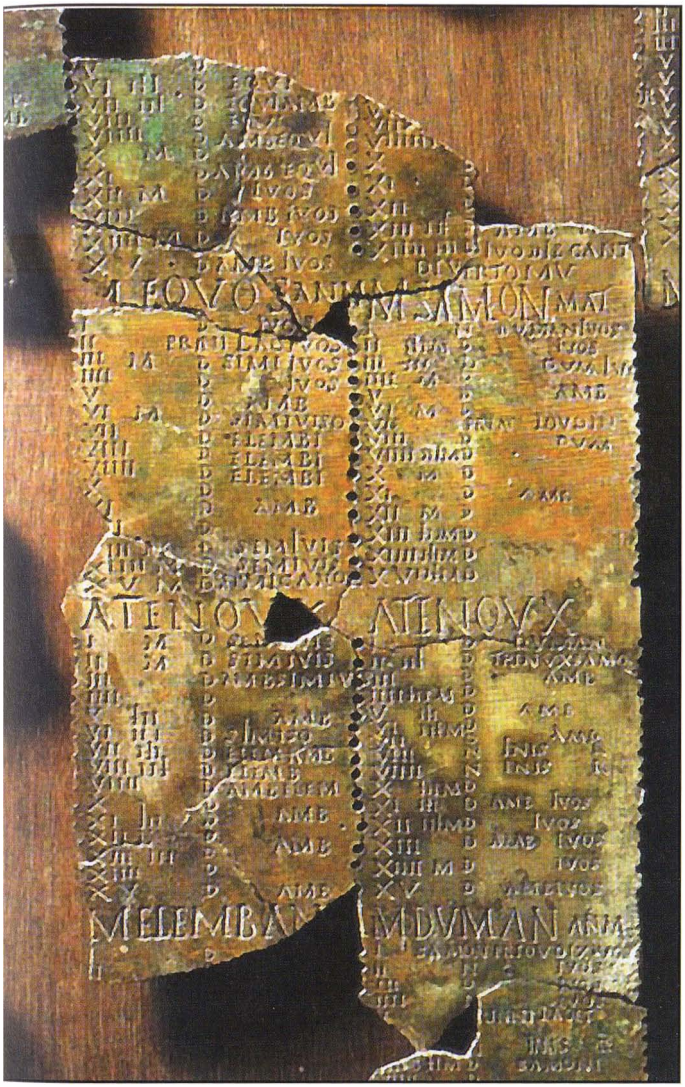


Рисунок доисторических захоронений и предметов, найденных в Гальштате

Захоронение кельтского князя в Хохдорфе. Реконструкция. Гальштатская культура

Кельтский золотой диск из Овер-сюр-Уаз. IV в. до н.э.



Кельтский солнечный и лунный ритуальный календарь. (Календарь Колиньи). Деталь. I в. до н.э.

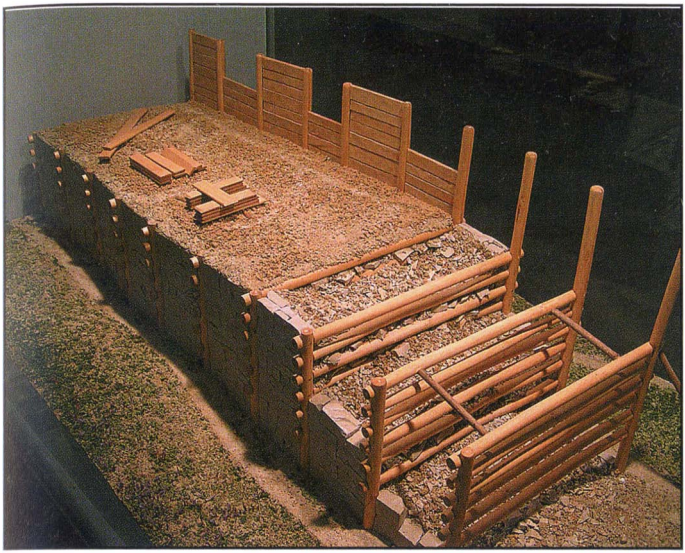
Реконструкция жилища галльского племени менапов в Дестельбергене, Бельгия

Руины Тительберга, столицы галльского племени тревиров до римского завоевания

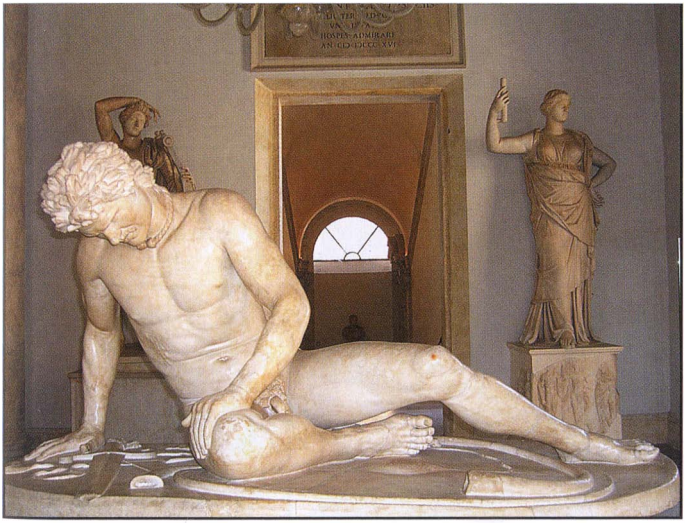
Монеты галльских племён (сверху вниз): арвернов, эдуев, паризиев, секванов

Верцингеторикс кладет свое оружие к ногам Юлия Цезаря после битвы в Алезии в 52 г. до н.э. Художник Л.Н. Руайе. 1899 г.

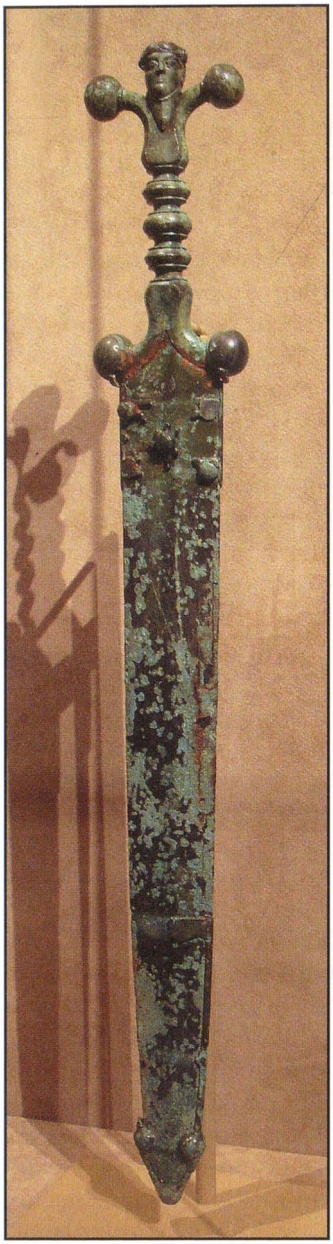
Изображение пленённого Верцингеторикса на римской монете 42 г. до н.э.



Конструкция стен галльских укреплений



Умирающий галл. Римская копия греческого бронзового оригинала 230–20 гг. до н.э. (в память победы над галатами пергамкого царя Аттала I)



Кельтский меч. Около 60 г. до н.э.

Кельтский бронзовый доспех. VII–VI вв. до н.э.

Кельтский воин на боевой колеснице. Римская монета. Около 110 г. до н.э.

Изображение военной амуниции галлов на римской монете I в. до н.э.

ческий океан и Гасконский залив. Очень быстро эти пути превратились в обустроенные и надежные дороги. Представители местных народов следили за участком дороги, проходившим по их территории, и часто сопровождали путешественников, беря плату за перевозку и взимая дорожные пошлины. Переправы через реки стали легкими благодаря постройке множества мостов, иногда впечатляюще длинных, или прокладке бродов. Следует предположить наличие промежуточных станций, где меняли верховых животных. На протяжении трех последних веков, предшествующих римскому завоеванию, дорожная сеть значительно уплотнилась, и можно констатировать, что Цезарь со своими войсками не встречал никаких трудностей в любой области Галлии. По скорости передвижения по дорогам можно судить об их качестве: 40–70 км в день для армии, тяжело груженной обозами.

Дороги строились и улучшались в интересах иностранных торговцев, но также и местных, главным образом галльских, перевозчиков. Повозки у галлов были весьма совершенными и появились раньше, чем у соседей – италийцев, к примеру, которые их копировали или производили с помощью галльских мастеров. Действительно, галлы располагали целым набором повозок, телег и колесниц, приспособленных либо к желаемой скорости, либо к весу перевозимой поклажи. Их различные типы под галльскими именами были переняты римлянами. Галльская военная повозка, *essedum*, породила более легкие для быстрой перевозки людей: *reda* – с двумя лошадьми и четырьмя колесами, *cissium* – лишь с двумя колесами. Колесниц тоже было много видов. Общий термин, сохраненный латынью и происходящий от французского «char» – *carrus*. Известен особый тип – *petorritum* – большая четырехколесная колесница. Такие средства передвижения – зачастую тя-

желые, сложные в изготовлении и весьма хрупкие (колесо со спицами и обод – из дерева) – требуют относительно ровных, хорошо накатанных и не очень грязных дорог.

Некоторые торговые пути вели к морю. Там находилось несколько портов, вполне обустроенных и известных всем средиземноморским купцам. Со времен Сципиона Африканского, то есть с начала II века до н.э., наиболее известными галльскими портами были Нарбон (Нарбо-Марциус) и *Corbilo* (в окрестностях Нанта). Они считались двумя самыми богатыми городами Галлии. Севернее находился другой порт – важный по той причине, что он обеспечивал самое легкое и быстрое сообщение с Британскими островами. Галлы называли его *Ition* – это, в лексике Цезаря, Portus Itius (Итий), будущая Булонь.

Товары не отличались разнообразием. У своих соплеменников галлы покупают промышленное сырье, которого не хватало в их краях, главным образом руды, но также продукцию земледелия или скотоводства. Однако особенно славились импортные товары – в основном те, что поставлялись с берегов Средиземного моря. Это крупные лошади, металлическая посуда, в меньшей степени – украшения, но главным образом – вино. Галлы к нему испытывали особое пристрастие. Разумеется, это был товар для богатых, для которых пить вино и делить его со своим окружением – что-то вроде знака отличия. Сотни тысяч, даже миллионы амфор – ради них между 150 и 50 годами до н.э. купцы пересекают Лигурийское море, а затем поднимаются по Роне и Соне. Галлы приобретают даже прославленные марки вин. С Британских островов импортируются олово, некоторые породы собак. Что галлы предлагают взамен, античными авторами описано смутно. В более давние времена это

были в основном рабы — самая ликвидная часть военной добычи. Однако начиная с III века до н.э. масса продаваемых рабов значительно сокращается, а многие народы Кельтии или юго-востока Галлии становятся гораздо менее воинственными, чтобы рассчитывать на такой источник дохода. В то время они экспортируют в Италию часть своей скотоводческой продукции, в частности свинину, шпик из которой был уже известен во времена Катона Критика. Но они также продают свои услуги, свой военный талант, свою техническую квалификацию в кузнечном и ювелирном деле. В конце концов на смену иностранным торговцам быстро приходят галлы, либо они делают все, как те, и служат посредниками между югом и белгами, мало склонными к торговле, и германцами, зачастую вообще чуждыми этому занятию.

Положение торговцев в обществе — из-за отсутствия корпоративной традиции и по причине пре-

Корабль, перевозящий вино. Рельеф из Кабрьер д'Эгю. II в. н.э.

зрения населения к данному виду занятий, — вплоть до завоевания остается плохо определенным. И потому античные авторы не говорят об этом вообще. Зачастую совершенно невозможно отличить римских торговцев, которые открывают в некоторых галльских городах (например, в Аварике) нечто вроде филиалов, от их местных коллег. Вероятно, последние, как и работающее население в целом, делятся на две категории. Свободные идут вслед за армией в качестве маркитантов или скупщиков добычи, но большая часть является разносчиками. Несвободные (клиенты и рабы) тащат поклажу, иногда ведут торговлю от имени своего хозяина, который предоставляет им денежные средства для покупки товаров. Мало-помалу земельные собственники, выбрасывающие на рынок часть своей продукции, становятся настоящими судовладельцами, могущими построить собственный морской или речной флот. Как раз одним из таких типов нуворишей является Думнорикс, который во многом похож на римских откупщиков.

ВЕСА, МЕРЫ, МОНЕТЫ

Ни Посидоний, ни позже Цезарь не составили себе труда описать систему мер, принятую у галлов, несмотря на то, что обе работы адресовались в первую очередь римлянам и грекам, готовящимся совершить путешествие в Галлию и даже поработать там. Можно усмотреть две причины такого странного молчания. Первая состоит в том, что в данной области, как и во всех областях, касающихся политики и учреждений, каждому народу свойственна самобытность. Есть системы, которые народу подходят, и их подчас настолько много, что никакое их объединение невозможно. Вторая — это существование, наряду с местными системами

мер или над ними, системы, напрямую основанной на греческих и римских моделях, которая развивалась по крайней мере с III века до н.э. и начала применяться с конца II века, как можно видеть на самих монетах. Массалийские и римские торговцы знали, что в Галлии их меры веса и их монеты должны приниматься. Значит, не было необходимости описывать их местные разновидности. Также не было необходимости первым римским наместникам в Галлии навязывать свои правила в этой области. Хорошо известно, что реформы Агриппы и Августа не затрагивают эту область.

Именно по этим двум причинам единственными системами мер, приписываемыми галлам и которые дошли до нас, являются меры длины и площади. *Leuca*, или *leuga*, породившая французское «lieue» (лье), является, вероятно, наибольшей единицей длины, между 2200 и 2400 м, в зависимости от региона. Меньшие меры длины, как в большинстве других цивилизаций, соотносятся с частями человеческого тела — в числе прочих локоть, фут (стопа), дюйм (большой палец). Так, в кельтском оппидуме Манчинг в Германии нашли градуированный шток, определяющий фут как 30,9 см, что, кажется, служило исходной мерой при строительстве, ведшемся в этом месте. Латинскими авторами были упомянуты две меры площади. *Cantedum* (латинизированная, испорченная форма галльского *cantedon*) является единицей площади, равной примерно 20 ар — квадрат со сторонами примерно 44 м, или сто локтей. *Arepennis* нам знаком уже ближе, так как от него происходит французское «арпан». Это квадрат площадью 12,5 ар.

Галльские монеты нам известны, конечно, гораздо лучше, поскольку при раскопках их находили сотнями тысяч. Такой способ оплаты галлы стали практиковать весьма поздно, так как большая часть

сделок происходила на меновой основе. Только во время своих первых великих военных экспедиций, в IV в. до н.э., они открыли греческие монеты. Они больше интересовались их металлом и образами, отчеканенными на них, а не тем, что они являются средством обмена. Но пассивным образом они пользуются этими монетами, беря ими жалованье за свои услуги наемников. Тогда такие монеты становятся для них скорее престижной вещью. Они большее значение придают содержащемуся в них золоту, чем тому, что они являются универсальным средством платежа.

Мысль самим организовать свою чеканку монет первым пришла в голову транспаданским галлам. Это было в конце IV века, и на то их вдохновила массалийская серебряная драхма. В Трансальпийской Галлии галльские монеты впервые чеканятся в начале III века. Они представляют собой довольно верное подражание статеру Филиппа II Македонского. На лицевой их стороне изображена голова Аполлона, а на обратной – колесница, влекомая двумя лошадьми. В последующих сериях мы видим, что модель все более искажается и переистолковывается – греческая надпись «PHILIPPOU» замещена какими-то каббалистическими знаками; одна из двух лошадей исчезла, жезл возничего превратился то ли в меч, то ли в ветвь. Первые галльские статеры сохраняют вес (около 8 граммов) и пробу своих прообразов. То же относится и к полустатерам и четвертьстатерам. Однако очень быстро вес и качество металла изменяются (некоторые монеты представляют собой куски из бронзы, покрытой золотом), и трудно представить, что такие обломки могли играть роль общей меры обмена между разными галльскими народами. Если это так, то приходилось использовать весы, чтобы взвешивать монеты, что совершенно неудобно. Такие малоразмерные весы

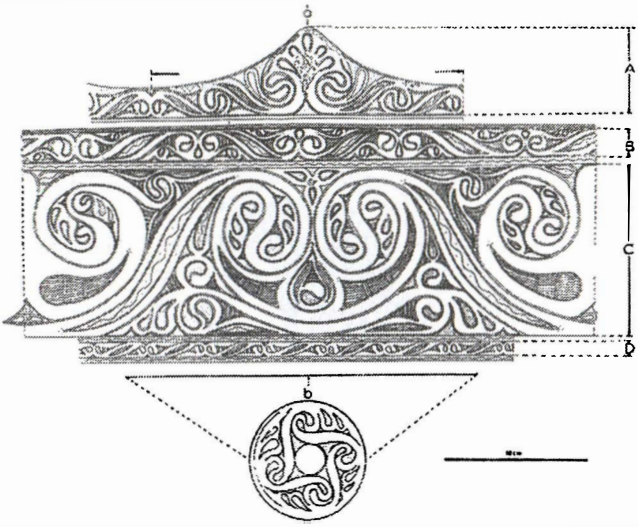
постоянно попадаются археологам при раскопках жилых мест. Что касается сделок с иностранными торговцами, то они однозначно совершаются не с помощью галльских монет: количество их видов непрестанно увеличивается, и довольно плохое качество сплава не ускользает ни от чьего внимания.

В середине II века, можно сказать совершенно определенно, благодаря торговле со Средиземноморьем, три народа центра и востока Галлии – эдуи, секваны и лингоны – прекращают чеканку золотых монет и, вероятно, подстраиваются под серебряный динарий, имевший хождение в Риме. Чеканка серебряной монеты, на что вдохновил римский динарий или массалийская драхма (по весу в два раза тяжелее динария), распространяется по всему юго-востоку Галлии. В других областях развивается иной тип чеканки с использованием нового сплава бронзы и олова – потина. Но монеты из золота, серебра и бронзы пока продолжают чеканить. Сейчас нам сложно представить систему соответствий монет разных достоинств, из таких разных металлов. Уже тогда было трудно предположить, что они легко конвертируемы. Влияние римских и массалийских монет распространяется не только на природу металла и достоинство монеты, но также на образ и надпись, отчеканенные на ней. Изображения животных или абстрактные мотивы все больше уступают место образам политических мужей – Думнорикса, Верцингеторикса, Коммия и т.д.

Увеличение типов монет объясняется разбросом их производства, при котором не используются большие мастерские, напрямую контролируемые государством. Чеканка носит местный характер и, вероятно, находится в руках богачей, имеющих на нее откуп. Может быть, это как раз те влиятельные особы, которых именуют словом *arcantodan* – от *arcantodanos* («серебряных дел мастер»), которое

фигурирует на некоторых монетных надписях. В любом случае можно предположить, что они тесно связаны с торговлей и что они наряду с тем, что берут на себя свои коммерческие обязательства, дают кредит наличными, которые, по их мнению, не внушают ообого доверия. По-видимому, у некоторых народов есть постоянная государственная казна. Определенно именно это и есть случай вольков-тектосагов, чьи знаменитые залежи из золотых и серебряных слитков следует понимать именно как казну – очищенные слитки, из серебра в основном, в будущем должны были превратиться в монеты.

ГАЛЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК



Кельтский арнамент на вазе из Безансонского музея

V

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

У галла двойная концепция мира. С одной стороны, он воспринимает реальность непосредственно — это то, что его окружает, ландшафт, в котором он живет, более далекие территории, куда заводили его военные приключения. С другой стороны, он перманентно погружен во вселенную — едва ли большую по размерам, но для него равную космосу. Два этих мира не противостоят друг другу: первый естественным образом включен во второй, для которого он выступает как центр.

Тем же самым образом в галльском менталитете время и пространство четко не разделены. Вселенная развивается как во временном, так и в пространственном измерении. У вселенной есть начало и есть конец, который для галла кажется неотвратимым. Во вселенной человек занимает пространственно-временное положение: он вышел из нижнего мира, он временно пребывает в срединном мире и желает достичь небесной обители богов и героев. Впрочем, он, как большинство человеческих существ в момент смерти, может оказаться обреченным вновь возвратиться в подземную обитель, из которой выйдут будущие поколения.

Такая концепция пространства и времени является двойственной — именно так воспринимают ее галлы. Хотя большинство людей имеют об этом лишь смутное представление — они приходят на

землю, чтобы подпитывать своей жизнью мифологию и отмечать религиозные празднества. Но есть небольшая группа мудрецов, которые располагают подлинно научным знанием касательно самых различных областей. Качество этих знаний и те плоды, которые данное знание приносит, отнюдь не побуждают их завидовать своим греческим и месопотамским современникам. Мудрецы добросовестно пестуют чистосердечные поверья простонародья, а простонародье переводит знания мудрецов в чувственно-религиозные формы. Ограниченное использование письменности и ее табуирование помешали тому, чтобы до нас дошли и этиологические мифы, и научные теории. Такой катастрофы избежали только некоторые фрагменты космогонии и научных доктрин.

ПРОСТРАНСТВО И ВСЕЛЕННАЯ

В целом у галла отсутствует пространственная концепция, то есть топография или география мира, в котором он живет. Он проживает в отдельно взятом месте, как в тисках, между двумя вселенными — глубинами земли и небесами. Для обозначения каждого из этих трех регионов существует свой термин: *Albios* означает «верхний мир», это небо и белый цвет; *Bitu*, слово, употребляемое лишь в форме аффикса, это «земной мир», мир живых; *Dubnos*, или *dumnos*, это название «нижнего мира». Значит, скорее всего вертикальная космология располагает три этих мира на одной оси, в середине которой должны были бы находиться люди. Таким образом, галл не мог отделить землю, на которой он живет, от подземного мира, который его поддерживает, и от неба, которое для него — нечто вроде крыши.

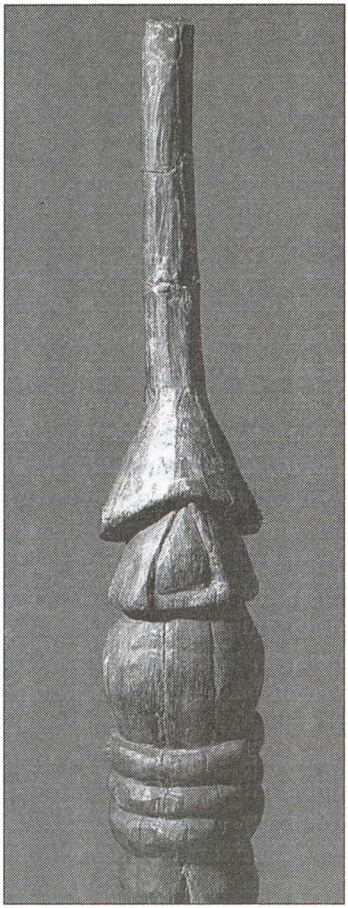
Такое космическое восприятие пространства хорошо проиллюстрировано названием, которое

ему присваивается, и концепцией святилища. Последнее именуется *nemeton*, «священный лес» – слово, происходящее от *nemos-* («небо» или, точнее, «небосвод»). Святилище в чем-то должно было быть проекцией на землю квадрата небосвода – туда, где подземный мир, населенный божествами, проявляется в виде деревьев, соединяющих три этих яруса – мир мертвых, а также инфернальных божеств, мир живых и мир героев и уранических богов. Такое место, где почитают богов, нуждалось в мощном двойном ограждении, отделяющем профанное от сакрального на каждом из трех уровней, на земле и под землей. Поэтому сооружался ров и высокая земляная насыпь. Все земельные собственники использовали такие сооружения – участки земли, огороженные рвами и палисадами.

В галльском представлении о мире и вселенной фундаментальную роль играет понятие центра. Очевидно, это наследство от начальной стадии развития человеческой мысли, сравнимой с ранним детством, когда индивид не сомневается, что именно он является центром вселенной. У галлов такое поверье распространилось прежде всего на народ. Потом оно приобрело географический аспект, и центром мира для галлов стала их территория. Наконец, посреди этих территорий была выбрана центральная точка, определенно на основе математических и астрономических расчетов. И действительно, на территории карнутов, «областью, которая считается центром Галлии» (Цезарь), было священное место, где ежегодно проводились собрания друидов, прибывавших из всех остальных *civitates*. На ум, естественно, приходит Дельфийский *omphalos*.

В более широком масштабе в обитаемом мире такое восприятие выражалось в этноцентризме, весьма схожим с тем, что был у греков времен Ге-

родота. С той лишь разницей, что в данном случае центр тяжести был смещен к западу. Галлы занимали место гиперборeев — полуреальных, полумифических жителей, которые, как считали греки, жили на западных пределах ойкумены задолго до того, как кельты были признаны этнической группой. Вокруг них группировались все известные им этносы: к северо-западу жители Британских островов, к северу скифы, на восток германцы, на юго-восток греки, на юг римляне, на юго-запад иберы. Но особенностью всех этих народов, с которыми галлы часто находились в конфликте, являлось то, что они рассматривались галлами как дружественные или «сочувствующие». Таково мнение первых греческих путешественников, но оно лишь воспроизводит умонастроение самих галлов и те отношения родства, которые они декларировали по отношению ко всем этим иностранцам.



Ритуальный предмет из святилища галлов у истоков Сены (Сен-Жермен-сюр-Сен). I в. до н.э.

Скифы были так близки к кельтам по своим нравам, что часто говорили о кельтоскифах. Германцы, как указывает их имя, являлись кузенами галлов. Греки были настолько в хороших отношениях с галлами, что последних они называют «эллинофилами». Некоторые из галлов (эдуи, к примеру) римлянами признавались «братьями по крови». Наконец, иберы настолько тесно были связаны с галлами узами родства, что пограничные народы называли себя «кельтиберами». Равно как о народах юго-востока говорят как о «кельтолигурах». Такие имена свидетельствуют о двух непоколебимых верованиях. Первое – это то, что кельты живут в центре обитаемого мира, и это является правдой даже и для Галлии, в которой Кельтия рассматривается как центральная область, откуда исходили все миграционные потоки. Второе – живущие по соседству человеческие сообщества в лучшем случае считаются друзьями, в худшем – конкурентами, но никогда не врагами в полном смысле слова, не «варварами», как греки называют тех, кто кажется им совершенно чужеродными.

Наконец, в еще большем масштабе, который только можно себе представить – масштабе вселенной, – кельты вновь занимают центральное положение. Может быть, они считали себя атлантами, долженствующими держать небо на плечах? Небо в свою очередь рассматривалось как огромный купол, обрушения которого на свои головы они очень боялись. Речь вовсе не идет о каком-то клише, о шуточном сюжете из народной песни или о лозунге, но о совершенно полноценном суеверии. Оно дошло до нас от лица, заслуживающего полного доверия – от Птолемея, сына Лагоса, написавшего историю Александра Великого, одним из полковдцев которого он был. В 335 году до н.э. Александр принял посольство кельтов, которые

обосновались на берегах Адриатики. «Царь [Александр], принявший кельтов со всей сердечностью, вкусив вина, спросил их, чего они боятся больше всего. Он был уверен, что они назовут его. Но кельты отвечали, что они не боятся никого, но им страшно только, что небо упадет на их головы». Однако, будучи дипломатами, они добавили, что «выше всего они ценят дружбу такого человека, как он».

ВРЕМЯ

Понятие времени представляется еще более сакральным. Оно присутствует в каждом человеке, который в своих общественных связях и в своих верованиях всегда смотрится в некой исторической перспективе. Он потомок своего рода, его повседневные деяния управляются внешними силами, которые одни контролируют часы, дни, годы и века. Наконец, за то время жизни, что ему отпущено, он должен накопить некий набор добродетелей (и воинских, и моральных), что позволит ему выйти из цикла перерождений. Такое восприятие времени является довольно парадоксальным — ведь галл лишен всякой власти над этим временем, даже над своим собственным.

Познание времени, подразумевающее астрономические наблюдения, расчеты и, следовательно, надобность записывать и архивировать, целиком находились в руках ученых — друидов, набор в ряды которых осуществлялся посредством кооптации. Если бы подобные размышления представляли собой лишь добровольную, неоплачиваемую научную работу, то принадлежность к этой касте могла бы быть всего лишь почетной привилегией. Только друиды знали, какие дни счастливые, а какие — злосчастные. Они определяли дни, в ко-

Воин-галл. Галло-римская скульптура. I в.

Гундеструпский котел. II–I вв. до н.э.

Гундеструпский котел. Деталь рельефа. II–I вв. до н.э.

Друид. Рисунок XIX в.

Галльское божество Таранис с перуном и кельтским колесом

Галло-римские изображения богини-матери. III в.

«Колонна лодочников» – самый ранний образец галло-римского искусства. I в.

Кельтский бог Цернунн. Изображение на «Колонне лодочников». I в.

Кельтская богиня Эпона на коне

Руины галло-римской виллы в Севиаке

Мозаика галло-римской виллы в Севиаке

Кулачные бойцы. Галло-римская мозаика. I—II I вв.

В лавке мясника. Галло-римский рельеф. I—III вв.

Фигуры мужчины и женщины из Ингельгейма.
Галло-римский период

торые можно было отправляться на войну, приступать к выборам, скреплять договор, совершать жертвоприношение и казнить приговоренных к смерти. Только они могли в общих чертах назвать благоприятный момент для принятия решения, затрагивающего сообщество в целом. Так как вся Галлия, как мы увидим далее, представляла собой религиозное сообщество, то контроль за временем был главным инструментом власти друидов, подчинявших своему ритму не только религиозные празднества, но также исполнение правосудия и главным образом повседневную жизнь каждого человека. Они определяли, когда он должен работать, отдыхать, заниматься тем или другим видом работы (сельское хозяйство или ремесло) или отправляться на войну.

Те же мудрецы продвигались в познании длительных временных периодов – как прошлого, так и будущего. То, что мы так мало знаем о методах, которыми друиды познавали историю, и еще меньше – содержание этой самой истории (поскольку писания такого типа не дошли до нас), вовсе не означает, что разработка официальной истории не была одной из основных их прерогатив. Они прекрасно знали историю каждого народа, его географическое и этническое происхождение, его перемещения, его значимые военные свершения и заключенные им союзы. Возможно, эта история проходила через великие роды и через их уважаемых представителей. Такая память, охватывавшая два и даже три предшествующих столетия (если в данном вопросе довериться сведениям этнического и исторического порядка, сообщенных Цезарю самими галлами), могла поддерживаться лишь с помощью обширных хроник, аккуратно составляемых каждый день и основывавшихся на достоверном календаре. Надо полагать, друиды вели официальные

анналы, весьма похожие на те, что были в Риме. Такое историческое знание, источником которого являлось постоянное наблюдение за поведением людей и за ходом светил, было сокровенным. Но оно давалось непосвященным в форме менее научной и лучше запоминаемой – в виде эпопей, легенд, мифов. Так, у великих родов были родословные, которые заучивались и которые распевались их представителями из воинского сословия в лицо врагу перед битвой.

Изучение будущего – было делом тоже очень основательным и существовавшим с древнейших времен. Разные способы гадания позволяли направлять поведение людей в соответствии с предвидениями ближайшего будущего. Но друиды интересовались и вовсе запредельным – они пытались предсказывать будущее вселенной, черпая свое вдохновение из размышлений над ее элементами – водой, воздухом, огнем и землей. Согласно их воззрениям, однажды вселенную заполонят вода и огонь, и это будет ее концом.

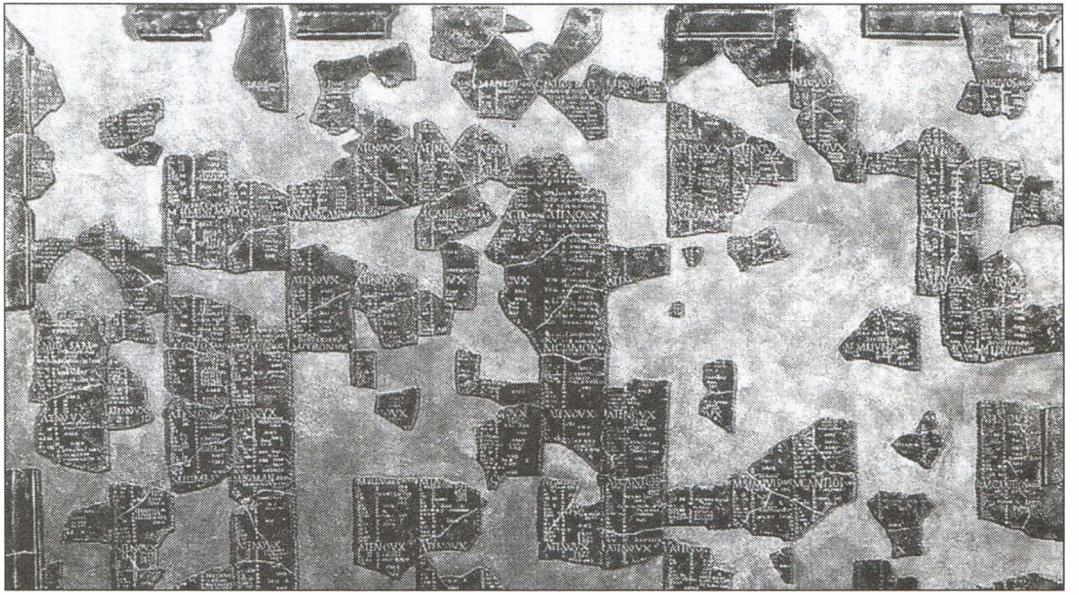
КАЛЕНДАРЬ

Галлы, сообщает Цезарь, не желавший вникать в сложности их календаря, «измеряют длительность не только по числу дней, но и по числу ночей». Было бы проще сказать, что их календарь был лунным, он встречается у многих древних цивилизаций. К счастью, Плиний Старший более красноречив. Он явно воспроизводит какой-то отрывок из Посидония Апамейского и вот что сообщает: «И месяц, и год, и век, длящийся тридцать лет, начинается у них с шестого дня новой луны. Этот день выбирается по той причине, что луна уже вошла в полную силу, но еще не достигла четверти. На их языке она именуется “всеисцеляющей”».

♦ «Календарь из Колиньи». Месяцы Са он и Думанн второго года

M SAMON MAT			M DVMAN ANM		
0 I	N	DVMANIVOS	0 I	SAMON	PRIOVDIXIVOS
0 II III M	D	IVOS	0 II	N	IVOS
0 III III	D	DUM IVOI	0 III	D	IVOS
0 IIII M	D		0 IIII	D	IVOS
0 V	D	AMB	[0] V	[P] RINNI LAGET	
0 VI M	D		[0 V] I	[]	
0 VII	PRIN LOVDIN		[0 VII]	N	INIS R
0 VIII	D	DUMA	[0] VIII III M	D	SAMONI
0 VIIII III M	D		[0] VIIII	D	
0 X M	D		0 X	D	
0 XI	D	AMD	0 XI	N	INIS R
0 XII M	D		0 XII	D	
0 XIII III M	D		0 XIII	D	
0 XIIII III M	D		0 XIIII	D	
0 XV III M	D		0 XV	D	
ATENOVX			ATENOVX		
0 I	D	DUMAN	0 I M	D	SAMONI
0 II III	D	TRINVXSAMO	0 II M	D	SAMONI
0 III	D	AMB	0 III III	D	AMB
0 IIII III M	D		0 IIII III	D	
0 V III	D	AMB	0 V	D	AMB
0 VI III M	D		0 VI III M	D	
0 VII	D	AMD	0 VII	D	AMB
0 VIII	N	INIS R	0 VIII III	D	
0 VIIII	N	INIS R	0 VIIII	N	INIS R
0 X IIIM	D		0 XIII	D	
0 XI III	D	AMB IVOS	0 XI	D	AMB
0 XII III M	D	IVOS	0 XII	N	INIS R
0 XIII AMB	D	IVOS	0 XIII	D	AMB
0 XIIII M	D	IVOS	0 XIIII	NSDS	
0 XV	D	AMBIVOS	DIVERTOMV		

Эти сведения косвенно подтверждаются и дополняются открытием при раскопках двух галльских календарей. Они сделаны в форме надписей, нанесенных на бронзовые пластины в галло-римскую эпоху. Наиболее полный календарь найден в Колиньи (Эн), второй – фрагментарный – в Вильяр-д'Эриа (Жюра). Хотя и принадлежащие поздней эпохе, эти пластины воспроизводят древний календарь, помещенный в храме. Отверстия, расположенные напротив дней каждо-



Календарь из Колиньи

го месяца, позволяли вставлять колышек, каждые сутки перемещаемый. Составленный на галльском языке с римскими литерами, «Календарь из Колиньи» стал предметом многих научных исследований, которые, хотя и не полностью открыли тайну всех слов и определений, позволили понять принцип его действия.

Речь идет о передвижном календаре, составленном на пять лет. Пятилетний период, вероятно, является у галлов фундаментальной единицей измерения времени. Лишь в один день внутри пятилетнего срока казнят приговоренных к смерти. Век равнялся пяти годам, взятым шесть раз — то есть, тридцати годам. Так как целью календаря среди прочих является пригонка лунного и солнечного циклов (нужно прибавить два лунных месяца), то вносятся необходимые коррекции — один месяц прибавляется в конце срока в два с половиной года и еще один — в конце пятилетнего срока.

Лунный месяц (29—30 суток) составлен из двух половин по пятнадцать суток. На пластинах из Колиньи эти пятнадцатидневные периоды каждый раз разделяются словом ATENOVX, которое, вероятно, означает «полное обращение, обновление». Месяцы по 29 дней считаются несчастливыми и помечаются как anmatu (несчастливые, или неполные). Месяцы по 30 дней являются счастливыми и именуются matu (счастливые). Чередование таких месяцев носит иррегулярный характер. Впрочем, чтобы не думали, будто весь месяц может быть счастливым или злосчастным, к некоторым дням даются пояснения. Месяц (mid по-галльски) обозначается буквой M, предшествующей названию каждого месяца. Первым является samon(i)os, который, видимо, соответствует ноябрю и должен был бы открывать год.

Год, таким образом, делится на два семестра. Первый — от samonios до cutios (с ноября до конца апреля) — соответствует зимнему периоду; второй — от giamonios до cantlos (с мая по октябрь) — периоду летнему. Так как лунный год равен 355 суткам, то недостача по отношению к солнечному году восполняется вставкой двух дополнительных месяцев за пять лет. Первый помещают в начале перед месяцем samonios и называют его MID. Второй помещают по прошествии двух с половиной лет между месяцами cutios и giamonios. Он называется ciallos и насчитывает 30 дней.

Подавляющее большинство людей измеряет время очень просто — эмпирически, наблюдая за движением солнца, как то делают все крестьяне. Любая активность начинается с восходом солнца. Почти полное отсутствие искусственных источников освещения заставляет ее прекращать достаточно рано. Астрономы, составляющие календарь, имеют математическое понятие о средней продолжительности суток, называемых галлами словом lation (ныне полагаемую нами равной 24 часам), но вряд ли понятие часа в собственном смысле слова появляется до римского завоевания. Две половины дня (светлой части суток), разделяемых полднем, имеют крайне разную продолжительность — в зависимости от сезона, и они не поддаются делению на фиксированные части. Вероятнее всего, галлы довольствуются, как они любят это делать в отношении любых временных промежутков, делением дня надвое. Первая половина — утро и послеполуденные часы. Вторая — все остальное время, могущее составлять зазор всего в 2—4 часа, что отлично подходит для большинства полевых работ и даже для ведения войны.

Для наблюдения за ходом светил галльские астрономы используют некоторые инструменты — солнечные и водные часы, с которыми они хорошо

знакомы либо через греков, либо через более далекие контакты — с мудрецами Ближнего Востока, от которых они частично наследуют их философию. К сожалению, такие инструменты были редкими, хрупкими и ревниво оберегаемыми. Никаких их следов археологами не обнаружено.

СТАДИИ ЖИЗНИ И ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА

Полное отсутствие у галлов литературы и наше весьма ограниченное знание галльского вокабуляция не позволяют нам сегодня узнать, как галлы воспринимали собственную жизнь с философской точки зрения. Нам известно только, что она, как и многим другим цивилизациям, казалась циклической. Но у галлов этот цикл представляется главным образом как смена поколений. Повышенное внимание, таким образом, уделяется началу и концу — иногда в ущерб другим важным моментам в жизни, например переходу от детства к отрочеству, или свадьбе. Галлы в противоположность своим средиземноморским современникам, по-видимому, не стремились дробить свою жизнь на какие-то глобальные этапы. Следует сказать, что они не обладали прагматичным характером римлян, которые не верили ни во что потустороннее; у галлов также не было того индивидуализма, что был присущ римлянам. Галлы помещают свою жизнь в центр цикла перевоплощений и воспринимают ее как предварение к возможной жизни будущей. Они стараются стяжать моральные добродетели, чему единственными судьями выступают высшие силы. Тогда как для римлян самое важное — преуспеть в земной жизни, чтобы их жизненный путь был отмечен вехами общественного признания.

♦ Рождение

При рождении человек еще непосредственно связан с божественным и инфернальным миром, из которого он, по бытовавшим у галлов представлениям, должен был бы исходить. «Все галлы претендуют на то, что происходят от Диса Патера», — пишет Цезарь. Дис — это в Риме бледный эквивалент и не особо удачливый конкурент греческого Плутона, божества преисподней и благосостояния. В Галлии этот Дис («Отец») особо дорог мертвым, которые дают добро на появление новых поколений. Отсюда неудивительно, что считается, будто все галлы появляются на свет ночью и «дни» их рождения отмечаются тоже ночью. Такого рода информация позволяет сделать предположение, что официальная власть (несомненно, жреческая) содержит самый настоящий штат гражданских лиц и регулярно сообщает своим «подчиненным» их возраст и приближение их дня рождения, что должно стать поводом для поминок, о которых мы не знаем ничего, кроме того, что они носят религиозный характер.

Единственное имеющееся в нашем распоряжении описание родов, конечно, принадлежит перу Посидония, а до нас оно дошло благодаря Страбону. Ермолай — богатый земельный собственник из Массалии, принявший у себя Посидония, рассказал ему такой случай. Одна свободная женщина, из числа нанятых им для полевых работ, вдруг ушла с поля, где-то родила ребенка и тотчас вернулась и продолжила работу. Галльские женщины имеют репутацию невероятно мужественных — и на войне, и на собраниях в спорах с мужчинами, и даже в исполнении своего материнского долга. Тех, кто умирает при родах, вероятно, немало. Археологи, открывая миру лишь захоронения людей, принад-

лежащих к привилегированному классу, без конца обнаруживают скелеты женщин со скелетами зародышей.

Сразу по рождении ребенок должен быть торжественно признан своим отцом. До нас дошли два древних сообщения, одно из которых от самого Аристотеля. Он утверждает, что новорожденные либо погружались в воды реки, либо выставлялись на воздух полураздетыми, дабы подтвердить их жизнестойкость. Другой источник – анонимный – утверждает, что такое погружение в воду имело смысл как некая ордалия. Для отца это было способом удостовериться в том, что ребенок действительно его. Ребенка клали на щит, а щит – на воду, и если ребенок незаконнорожденный, то он должен был пойти ко дну. В том же тексте говорится о крайне взволнованном состоянии присутствующих при этом матерей. Такие мимолетные свидетельства показывают, что рождение сопровождается множеством ритуалов. Они нужны для того, чтобы ребенка принял отец, чтобы семья приняла нового члена, чтобы ребенка нарекли подходящим именем и т.д.

♦ Детство

По детству в собственном смысле слова – до возраста 13–14 лет – исторических сведений ничуть не больше, так как иностранцы интересовались в основном поведением своих соседей и зачастую противников, каковыми для них были галлы, чем их нравами в самом общем смысле, то есть нравами тех, кто не носит оружие, – детей, женщин и стариков. Представляется вероятным, что в течение всего детства человек жил исключительно около своей матери. Плутарх сообщает одну вещь, которая достаточно свидетельствует об этой близости: «Галльские женщины приносят в баню котелки с кашей, которую они едят вместе со своими детьми и при этом моют-

Отец и дочь. Рельеф галло-римской стелы. II в. н.э.

ся». Цезарь приводит прямое подтверждение такого заточения детей в женском царстве, он записывает то, что кажется ему удивительным и любопытным: «Прочие их обычаи ничуть не отличаются от обычаев других народов кроме одного — они категорически не разрешают своим сыновьям появляться на публике прежде, чем те достигнут возраста, когда им можно будет носить оружие. Они находят предосудительным, если сын — еще ребенок — публично предстанет перед своим отцом». Такой обычай и то верование, которое, как считается, его объясняет, кажутся нам весьма загадочными. В любом случае они свидетельствуют о глубокой пропасти между семейным кругом, где отец мог соприкасаться со своими детьми, и публичной сферой, где он всего лишь один из граждан, воин, чье оружие представляет собой некое табу.

Археология на свой манер подтверждает эти различия. Могилы маленьких детей (младше 8 лет) встречаются крайне редко. Зато скелеты, соответствующие такому возрасту, весьма часто находят в силосных башнях, превращенных в урны. Ясно, что дети в таком возрасте еще не считаются вполне людьми. Захоронения десятилетних детей встречаются немного чаще. Однако то, что они покоятся в небольших некрополях, рядом со взрослыми и с весьма богатыми похоронными принад-

лежностями, указывает на их высокое положение при жизни.

♦ Этапы жизни

Галлы, как и большинство индоевропейцев, различают два периода жизни – детство и взрослую жизнь. Второй отделен от первого инициацией для мальчиков и замужеством для девочек. Для мальчиков подросткового возраста – выходцев из гражданских и воинских семей – существует дополнительное подразделение. Как у римлян, у них существуют понятия «юность» и «взрослый возраст». Последняя из указанных стадий длится до старости. Граница между детством и зрелостью (половой и воинской), видимо, приходится на возраст около 14 лет. Именно таков возраст самых молодых воинов, чьи останки были найдены, например, на поле битвы при Рибемон-сюр-Анкр. Для девочек, как и для мальчиков, это минимальный возраст, при котором над ними производятся некие ритуалы, о которых мы не знаем ничего. Можно предположить, что выдача юноше оружия является важным моментом, так как оружие наделяет его почти сакральным могуществом и является вещью в высшей степени индивидуальной. Возможно также, что этот трудный переход из семейного, материнского, мира в мир публичный и воинский сопровождается целым инициатическим периодом, где большую роль для будущих воинов играет охота.

Различие между *juniores* и *seniors* подтверждается многочисленными отрывками из Тита Ливия, в которых повествуется, как юные ценоманы и бойи, не согласясь с мнением старших, выступили против них с оружием. Эти *juniores* постоянно фигурируют как уже признанные воины, то есть это взрослые молодые люди. *Seniores* же выглядят скорее мудрецами, заседающими в советах, что вовсе не означает,

что это старики, не способные сражаться. «Галльская война», впрочем, рассказывает нам о вождях очень преклонного возраста, неизменно сражающихся верхом на коне. Значит, надо полагать, что водоразделом между двумя группами является их отношение к воинской обязанности, как то имеет место в Риме. *Seniores* должны были от нее освобождаться – либо по возрасту, либо по количеству пройденных кампаний.

♦ Свадьба

Косвенные сведения, которыми мы располагаем, указывают на то, что в Галлии свадьба не является исключительно религиозной церемонией, даже когда сопровождается торжествами типа пиршества или жертвоприношения. Возможно, что с течением времени институт брака эволюционировал и, как в Риме, его религиозные и крайне ритуализированные формы быстро сменились более-менее гражданской процедурой. В начале I века до н.э. супружеские узы выглядят скорее как наилучший способ заключить крепкие союзы между великими родами, но также и между целыми народами. Так, неподражаемый эдуй Думнорикс, «чтобы укрепить свое влияние, выдал замуж мать за одного благородного и властительного битурига, а сам женился на гельветке; его сестра со стороны матери и ряд других родственников его хлопотами вступили в брак в других округах. Благодаря этому союзу он любил и привечал гельветов», – сообщает нам Цезарь. В такой практике не было ничего ни исключительного, ни нового. Так, ремы сообщают на редкость точные сведения о белгских народах – об их численности, их военной мощи и т.д. И они указывают, что располагают ими благодаря союзам (брачным в числе прочих), которые поддерживают со всеми этими народами.

Гибкость и прагматичность супружества хорошо согласуются с денежной самостоятельностью жены, о чем мы поговорим ниже. Очевидно, в Галлии, как и в Риме, существует форма брака, принятая у привилегированных классов, в котором женщина сохраняет свою правовую и денежную независимость. В Риме такой брак называется *sine manu*. Однако среди необеспеченных слоев, где большая часть людей не имеет никакого капитала вообще, положение супруги гораздо менее привлекательно. Муж пользуется своим полновластием, он имеет «право на жизнь и на смерть» своей жены.

На единственном дошедшем до нас описании свадьбы заметно сильное мифологическое влияние. Оно принадлежит Трогу Помпею — галлу по происхождению. В нем по-своему отражено дипломатическое назначение брака, возложенное на него с древнейших времен. Когда фокейцы высаживаются на побережье, где будет основана Массалия, местные жители — сегобриги — готовятся к свадьбе Гиптис, дочери царя Нанния. По обычаю этого народа девушка сама выбирает себе супруга во время пира. На пир приглашают греков. Гиптис направляется к ним и протягивает одному из них, Протису, чашу с водой — жест, означающий, что он — ее избранник.

♦ Смерть

Когда в IV веке до н.э. происходит внезапное вторжение кельтов в греческое сознание, то их образ непосредственно связывается с их своеобразным отношением к смерти. Аристотель пишет: «Кельты не боятся ни подземных толчков, ни бурь». Другой источник, воспроизведенный поздним автором — Элианом, уточняет: «Многие совершенно уверены, что их затопит море. Среди них даже есть те, кто с оружием в руках бросаются в катящиеся валы, размахивая обнаженными мечами и пиками,

как если бы они могли напугать воду или ранить ее». С тех пор эта карикатура будет всюду лепиться к кельтам и галлам — бесстрашным людям, не боящимся смерти, способным идти на штурм, бросая свои обнаженные тела на вражеские пики.

С эпохи Аристотеля философы и историки хорошо поняли, что такую исключительную отвагу возможно объяснить только совершенно ясными религиозными и эсхатологическими воззрениями. Благодаря исследованиям Посидония Апамейского эти воззрения стали, наконец, известны. Цезарь приводит их краткое и суховатое изложение: «Друиды, прежде всего, убеждают, будто души не исчезают бесследно, но после смерти они покидают одни тела, чтобы вселиться потом в другие. Они думают, что такое верование пробуждает крайнюю смелость, поскольку заставляет презирать смерть». Диодор несколько более точен: «Они дерутся на дуэлях без всякого страха расстаться с жизнью. В самом деле, учение Пифагора для них имеет исключительную силу. Согласно ему души людей бессмертны, и по истечении некоторого количества лет каждая душа возрождается к жизни, вселяясь в другое тело». Но наибольшую ясность вносит поэтическое высказывание Лукана: «Согласно вашим хозяевам [он обращается к друидам], ...один и тот же дух оживляет наши тела в другом мире: смерть есть середина долгой жизни... Они счастливы — эти народы под взорами Медведицы. Они счастливы в своих заблуждениях. Они — кого не пронизывает никакой страх, даже самый сильный из возможных — страх смерти. Потому они совершенно естественно бросающиеся на ощетинившиеся копья; отсюда — души, способные заглянуть в лицо смерти». Однако и от Лукана ускользнула квинтэссенция этих верований. Как мы увидим ниже, ее нам передает другой поэт, Силий Италик. Он утверждает, что смерть в бою позволя-

ет воину непосредственно достичь небесного рая, предназначенного богам и героям. Иначе говоря, он также изымает себя из цикла перевоплощений. Отсюда легче понять то невероятное неистовство, охватывающее его во время боя.

Такие верования – продуманные и адаптированные к каждому типу личности и образу жизни – находятся в полном противоречии с почти абсолютным отсутствием всякого умозрения о потустороннем у римлян. Они, разумеется, в немалой степени определяют концепцию галлов касательно смерти и их представления о том, как проводить похороны и обустраивать могилу. Смерть – это, естественно, важное событие, однако не столько по сравнению с только что истекшей жизнью, сколько по сравнению с открывающимся будущим и общением, которое будет доступно умершему со своими предками и, может быть, с некоторыми божествами. Так, Диодор сообщает, что часто (во времена Посидония) «они бросают в огонь погребального костра письма, адресованные уже умершим родственникам, как если бы те могли их прочесть». В этом галльские похороны больше похожи на похороны, принятые в алтайском[1] мире, чем в греко-римском.

♦ Похороны

О похоронах, если понимать под этим совокупность ритуалов, проводимых в течение нескольких дней или недель с момента смерти до закрытия захоронения, известно мало, характер похорон зависит от личности усопшего и от того, как он ушел из жизни. Античными историками описаны два случая. Самый известный – это тот, о котором сообщает Цезарь в своем общем описании галльских

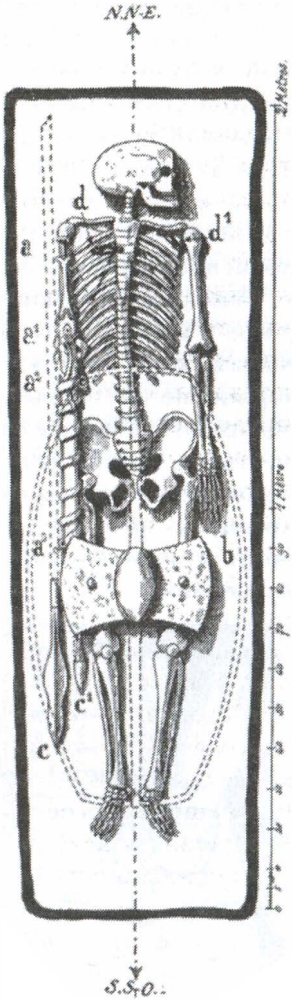
[1] Вероятно, подразумеваются тюркские народы в целом. – *Примеч. пер.*

нравов: «Если высокорожденный отец семейства скоропостижно умирает, то его родственники собираются, и, если его смерть дает повод подозрениям, то женам учиняется допрос с пристрастием, как если бы они допрашивали рабов. Если подозрения подтверждаются, то их казнят огнем и другими самыми лютыми казнями». Подобный подход, который вызывает у нас удивление и должен был иметь место в исключительных случаях, указывает, что смерть всегда являлась предметом пристального изучения. Галлы задавали всегда вопрос: естественна она или, может быть, стала результатом преступления? Или, если речь идет о воине, то погиб ли он в бою, с оружием в руках, или спасаясь бегством? Такие вопросы отнюдь не являются праздными, так как ответы на них напрямую предопределяют характер похоронных обрядов, позволяющих душе усопшего достичь только ей предназначенной обители. Второй тип описанных похорон относится к погибшим воинам на поле чести. Их тела не следует ни погребать, ни сжигать — это было бы кощунством. Наоборот, их трупы надо оставить на поле битвы, чтобы грифы и другие падальщики насытились ими и тем самым позволили бы душам воинов достичь небесных обителей.

Но огонь и стервятники — это всего лишь два способа среди прочих обойтись с телом человека после смерти. В V и IV веках до н.э. самым распространенным способом является погребение в земле. Кремация появляется в III веке, и она заменяет такое погребение почти полностью. Но только здесь мы сталкиваемся с пышными похоронными обрядами для богатых. Бесчисленные раскопки галльских захоронений показывают, что существует значительная разница между количеством захороненных останков и числом жилищ, а также с демографическими данными, содержащимися в труде Цезаря.

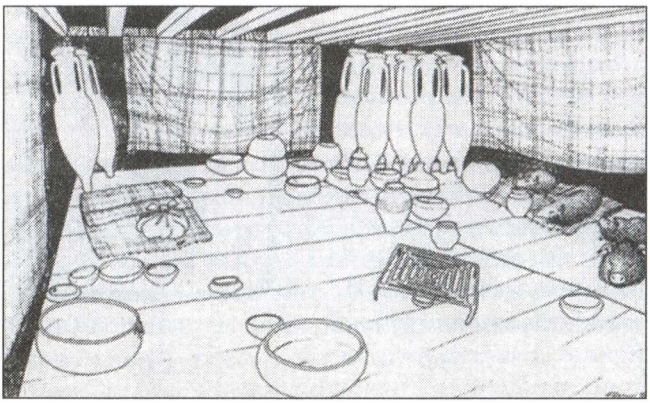
Очевидно, лишь ничтожная часть населения имела право на достойную могилу. Множество трупов просто оставлены, в лучшем случае — зарыты во рвах и в неиспользуемых силосных башнях.

Для тех, кому уровень личного благосостояния это позволяет, «похороны пышные и дорогостоящие; все, что, как полагают, было дорого покойному при жизни, даже одушевленные существа, бросается в огонь погребального костра. Когда-то даже рабы и клиенты, о которых было хорошо известно, что они дороги хозяину, сжигались вместе». Этот известный отрывок из Цезаря крайне интригует археологов, которые редко находят пышные захоронения, в которых, кроме хозяина, нет других покойников. Заключение этих исследователей, которым не откажешь в объективности, таково, что Цезарь, того не ведая, получил странные сведения. Но такое объяснение трудно принять, поскольку источник у Цезаря — не кто иной, как Посидоний, чья добросовестность пре-



Захоронение. II век до н.э. Вевей, Швейцария

красно известна и множество сведений которого подтверждается самыми недавними археологическими раскопками. Более внимательное прочтение текста предлагает ряд других разрешений этих видимых противоречий. Прежде всего, говорится, что данный обычай соблюдался «еще до того времени, о котором сохранилась хоть какая-то память», то есть примерно за два века до того, как Посидоний это написал, – где-то в IV–III веках до н.э. С другой стороны, в тексте постоянно указывается, что добро покойного бросается «в огонь», что не означает непременно «в погребальный костер» и еще менее – «в захоронение». Наконец, касательно сжигаемых рабов и клиентов точно указывается, что они сжигаются, когда похороны закончены и, значит, захоронение уже закрыто. Значит, не стоит ожидать обнаружить в могиле следы этого добра или этих существ. То, что там чаще всего находят – это горстка человеческого пепла и совершенно специфические предметы, которые невозможно сжечь: керамика, ножи, кухонная утварь, связанная с поминальным угощением.



Реконструкция кремационного погребения в Клеманси (Люксембург). I век до н.э.

Обычай поминального угощения, видимо, распространился в то же время, что и практика кремации. По всей северной половине Галлии сотнями встречаются маленькие квадратные участки с длиной стороны от 5 до 20 м, посредине которых находится могила. Предполагается, что такие участки, в миниатюре воспроизводящие места для отправления культа, так задуманы, чтобы устраивать на них небольшие поминки, в которых принимала участие не только семья покойного, но, как считалось, и сам покойный и, может быть, его изображение, а также некое божество, связанное с миром мертвых. Представляется также, что в течение последнего столетия, предшествующего римскому завоеванию, распространилась новая практика. Возможно, она инспирирована римлянами и заключается в том, чтобы устраивать вблизи могилы поминки, на которых мертвому делаются подношения.

VI

РЕЛИГИЯ

«Весь народ галлов без исключения неумеренно предается всяким религиозным церемониям». Эта краткая формулировка открывает главу книги Цезаря, посвященную галльской религии. Если даже предположить, что она достоверно отражает реальность, то тем не менее и она содержит существенные проблемы, которыми следует озаботиться, когда речь идет о набожности галлов и об их верованиях. Что за этническая сущность скрывается за этим «народом» галлов? Что понимать под «религиозными церемониями»? Наконец, к какой эпохе следует отнести данную констатацию?

Здесь мы находимся в невыгодном положении из-за полного отсутствия местных письменных документов по данной сфере галльской цивилизации. Ни мифа, в котором проявилась бы фигура какого-нибудь божества, ни сакрального уложения, даже ни одной посвятительной надписи! К отсутствию письменных источников прибавляется отсутствие изображений. Галлы вплоть до достаточно позднего времени не изображали своих богов в человеческом облике. И желание увидеть их в каких-то фигурах животных на монетах или на барельефах галло-римской эпохи напрасно.

При всем при том — и это один из парадоксов противоречивого образа, который у нас сложился об этой цивилизации. Религия нам неплохо известна, потому что как раз Цезарь посвящает ей больше

всего страниц и сюда также добавляются известные страницы из Плиния Старшего, Лукана и многочисленные, более краткие, отрывки из трудов других историков по галлам. Однако эти ценные сведения не способствовали формированию у широкой публики ясного и аргументированного мнения. Все как раз наоборот. Нескольких вырванных из контекста красочных описаний различных ритуалов хватило для создания новых мифов (то, что античные историки называют *topos*). Это мифы о непрерывных человеческих жертвоприношениях, о религии, еще не вышедшей из своей натурфилософской стадии и по этой причине исповедовавшейся в лесных чащобах, на берегах рек или где-нибудь на скалистой вершине. Такие выдумки очень живучи. И на сегодня основная трудность состоит в том, как с ними порвать, чтобы подойти к исследованию религиозного мира галлов без предубеждения.

Для этого нужно вернуться к истокам – во всей их целостности и со всеми трудностями, которые непременно будут сопровождать этот процесс. С основными мы уже сталкивались: они, с одной стороны, связаны с оценкой подлинности сведений, сообщаемых древними авторами и как следствие проверкой датировки; а с другой стороны – с выявлением подлинности исторических лиц. Решение этих вопросов поможет нам судить о применении полученных сведений. Можно ли соотнести их со всеми галльскими народами, и к какому периоду их истории они относятся? Теперь мы знаем, что своим этнографическим описанием галлов Цезарь в огромной степени обязан древнему (примерно 100 года до н.э.) писателю Посидонию Апамейскому. Видимо, и данные по религии он брал у него. Во время своих кампаний Цезарь не мог видеть исполнения обрядов и не встречался со жрецами. Археологические факты позволяют утверждать, что и сам

Посидоний не посещал описываемые им культовые места и не присутствовал при обрядах. Описания оружия и воинских занятий, а также факты, относящиеся к религии, на самом деле исходят от какого-то одного или нескольких более древних этнографов. Они свидетельствуют о предметах, традициях и событиях примерно III века до н.э. и происходивших в центре или на севере Галлии.

Теперь к письменным источникам примыкают данные археологии. Хотя напрямую они касаются только культа и мест, где его отправляли, и ритуальных предметов, которые для него требовались, но вклад этих открытий в галльскую религию более объемный. Они подтверждают письменные сведения и позволяют распределить их во времени. Но самое главное — они позволяют сопоставить эти культы и их обряды с теми, которые были в Греции и Риме. В некотором роде археологические открытия стирают налет экзотики, которым древние авторы чрезмерно приукрасили галльскую религию.

Материальные следы культовых практик (приношения, жертвенные останки, остатки инвентаря и т.д.), поскольку благодаря прогрессу археологии они поддаются точной датировке, позволяют создать хронологию религиозных верований. Таким образом, вырисовывается общая история галльской религии. Можно достаточно четко выделить в ней три эпохи. Самая древняя — что-то вроде предыстории, темная эпоха, в которой сосуществуют две формы религиозности. Это магически-религиозные народные практики, которые встречаются во всех традиционных сельских местностях (боготворение природных сил, культ плодородия и т.д.), и форма организованного культа под началом политических вождей (князья, царьки, вожди сообществ), который превозносит добродетели династий. Второй период можно разместить между V и началом II века

до н.э. Он отмечен развитием, а затем и господством друидизма, который унифицирует культы, морализирует их и придает им публичное выражение. Последняя эпоха начинается со II века и продолжается до первых десятилетий романизации с большим или меньшим запаздыванием в зависимости от географического положения разных народов. С одной стороны, она является свидетельницей упадка друидизма, с другой — влияния римской религии и ее пантеона. Тогда предпринимаются первые попытки внедрения антропоморфного представления богов, — открываются мест культа для широких слоев населения. За несколько десятилетий до римского завоевания галльские округа уже готовятся принять римских богов.

ЖРЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ И ДРУИДЫ

Вопреки комментариям Цезаря к текстам Посидония друиды не были единственными священнослужителями. Диодор Сицилийский, Страбон и Аммиан Марцеллин, также являющиеся компиляторами Посидония, упоминают и о других служителях культа. То, что известно об этой части жреческого сословия, выглядит более сложным явлением, чем предстает нам под пером Цезаря. Речь можно вести о расслоении сословия, что является отражением истории галльской религии.

Главным виновником того, что на друидов обращается такое внимание, является Цезарь. Волюнтаристски упрощая картину жреческого сословия, он приписывает им прерогативы, причитавшиеся другим, и делает из них великих жрецов — всемогущих и всеведающих. Три других автора дают несколько иную версию. Вкратце ее можно озвучить словами Страбона: «У всех галльских народов исключительным уважением пользуются три категории людей:

барды, ваты и друиды». Три этих автора настаивают именно на таком порядке перечисления. Таким он должен был быть и у Посидония. Они не только ставят две других категории перед друидами, но и указывают на присущие им функции. Вслед за Цезарем большинство современных историков о бардах и vates забыли. В лучшем случае бардов считали кем-то вроде трубадуров, а ватов — вульгарными колдунами и прорицателями. Наши древние историки оставили совершенно другие свидетельства.

Так, барды наравне с друидами вызвали пристальный интерес поэтов-романтиков — они почитали их своими далекими предшественниками. На самом деле барды являются подлинными певцами-пророками. Всегда лаконичный Страбон указывает, что это «панегиристы и поэты». Аммиан Марцеллин упоминает только одну из функций бардов: «[Они] под нежные звуки лиры воспевают наиболее известные деяния прославленных людей, слагая про них героические стихи». Диодор более точен: «У них есть лирические поэты, которых они называют “бардами”. Последние играют на инструментах, схожих с лирами. Кого-то они славословят, кого-то высмеивают». Из этих сообщений можно заключить, что почти единственной задачей бардов

Друид. Гравюра Эйлетта Саммса. 1676 г.

было упоминание в песнях выдающихся личностей, чтобы воздать им либо панегирик, либо сатиру. Слово бардов священно. Именно через их восприятие поступки людей остаются в коллективной памяти. Именно их слово придает этим поступкам положительный или отрицательный смысл, которому внимают не только ныне живущие, но и сами боги. Лукан привел пример их всемогущества: «Своими славословиями вы [барды] выбираете из погибших на войне доблестные души, чтобы препроводить их в обитель бессмертных». В действительности место бардов в обществе сравнимо с тем, что занимают друиды. Жорж Дюмезиль пишет об этом следующим образом: «Основатели школ, хранители и настоятели эпической традиции, ...судьи достоинств и пороков живых и мертвых, которые они запечатлевают в своих песнях, искусные маги, могущие расточать благословения и проклятия — рядом с друидами они формируют корпорацию не менее уважаемую и зачастую конкурирующую». Барды, превозносящие воинскую добродетель и воспевающие героические ценности, с очень давних пор укоренились в кельтском обществе, если не появились на свет одновременно с ним, так как были его необходимой составляющей. Они должны были быть прежде всего теми, кого Марсель Детьенн называет «служащими верховной власти» — посредники между жрецами и народом, единственные, могущие легитимизировать чью-либо власть.

Vate — «итало-кельтское» слово, общее в латинском и галльском — означает прорицатель, происхождение которых столь же древнее, как и бардов. Их функции, видимо, весьма созвучны тем, которые Цезарь приписывает друидам, и можно предположить, что между теми и другими существовал конфликт. Страбон указывает, что «*vates* проводят религиозные церемонии и занимаются науками о

природе». Как всегда, более словоохотлив Диодор, который сообщает более точные факты: «[Галлы] также прибегают к услугам прорицателей [*vates*], которые у них в большом почете. Последние предсказывают будущее по наблюдениям за птицами и принося освященные жертвы; вся чернь безоговорочно подчиняется своим оракулам». Такое свидетельство говорит о том, что *vates* являются одновременно и кудесниками, и теми, кто совершает жертвоприношения. Даже кажется, что их практика жертвопри́ношений как раз и нужна для прорицания. Чуть ниже мы увидим, насколько удивительные формы могут принимать такие пророчества. Например, исследование внутренностей животных и людей, и внимание, уделяемое природным и небесным явлениям. Страбон и Аммиан Марцеллин пишут, что *vates* сведущи в науках о природе. Но у них при этом определенно есть склонность к божественному вдохновению, к пророчествам, что не удастся пресечь друидам и что вновь даст о себе знать в первые десятилетия после римского завоевания. По всей вероятности, *vates* являются потомками первых, лучше сказать, первородных жрецов, которые священнодействовали при царях, когда последние, уже в очень раннюю эпоху, утратили свои прерогативы служителей культа.

Благодаря Цезарю мы располагаем по друидам сведениями более обстоятельными, но иногда их следует проверять, не относятся ли они скорее к бардам и *vates*. Если верить завоевателю Галлий, то в обязанности друидов должны были бы входить не только совершение обрядов, но и все сферы интеллектуальной деятельности. Мы только что видели, что изначально сообщение Посидония имело несколько иной смысл. То есть религиозные дела не были исключительно в компетенции друидов. Если они их и контролировали или пытались это делать,

то, очевидно, гадание ускользает из-под их контроля. Также сами они не совершают жертвоприношений, так как пролитие крови при этом действии, вероятно, противоречит их мировоззрению. Они за ними надзирают и их узаконивают своим присутствием, которое они сделали обязательным. Зато их эксклюзивной сферой являются право и правосудие. Здесь они проявляют свою прославленную мудрость и заботятся о справедливости, к которой галлы столь чувствительны. Именно они привнесли строгие законы морали в практику человеческих жертвоприношений – они настояли на том, что невинные жертвы должны заменяться преступниками, совершившими тяжкие преступления. Диодор сообщает, что такие преступники содержатся в заключении в ожидании великого жертвоприношения, которое совершается во время религиозного праздника, отмечающегося раз в пять лет. Их удел – это также знания общего порядка и, в частности, науки и математики. Но они оспаривают у бардов контроль над историческими знаниями, знаниями о народах и людях, ставших персонажами обширных устных эпопей. Впрочем, у них было преимущество над бардами в том, что они владели письменностью, которую они себе присвоили и отказывались сделать ее всеобщим достоянием. Письменность служит им при составлении календарей, при архивировании достопамятных событий. Вероятно, они в письменной форме сохраняли конституции государств, дипломатические договора, общественные и частные контракты. Такой широкий спектр знаний также позволял им держать под контролем образование юношества, что некогда являлось исключительной компетенцией бардов.

Посидоний также дал чрезвычайно точные сведения об образе жизни друидов, что наводит на мысль, будто он сам или человек, сообщавший ему

сведения о галлах, мог напрямую беседовать с кем-то из их представителей. Цезарь указывает, что обучение будущих друидов проходит возле старших коллег и длится двадцать лет — период, за который ученики заучивают огромное количество стихов. Когда они становятся признанными мастерами, они пользуются исключительными привилегиями — не платят налогов, освобождаются от воинской службы и от прочих обязанностей гражданина. Очевидно, что они не занимаются производительным трудом, и общество поддерживает им бесхлопотное существование. Формы такой поддержки нам неизвестны. Подобно тибетским ламам, у себя они признают единственного наставника, который служит им теологическим и моральным авторитетом. Обычно таковой избирается посредством кооптации. Но бывает, что достойных претендентов несколько. В таком случае друиды вопрошают волю богов.

Друиды образуют великое братство, представители которого есть в любом уголке огромной галльской территории. Место их собраний находится у карнутов — в стране, которая считается географическим центром Галлии. Именно здесь они каждый год в определенную дату собираются на совет, у которого две задачи — решить религиозные вопросы в собственном смысле и вынести суждение по спорным вопросам в пользу одной из противостоящих в споре сторон. Со всей Галлии стекаются на совет те, кто верит в мудрость друидов и готов принять любое их решение.

Таким образом, барды, *vates* и друиды во многих областях конкурируют друг с другом. Однако именно последние дают галлам веру нового образца, вскоре становящуюся господствующей. В то время как барды воспевают сверхисторический порядок, установленный великими личностями, *vates* пророчат о неотвратимых событиях, друиды предлагают

людям будущее не столь фатальное. Для них, как мы увидим, души бессмертны и призваны возродиться в новых телах. Но главным образом они привносят мораль в религию, в которой люди выступали всего лишь игрушкой в руках богов или их представителей на земле. Теперь человек может достичь рая лишь благодаря безупречному поведению и ревности к благочестию.

ОБРЯДЫ

Заявление Посидония весьма категорично: главным выражением набожности является жертвоприношение. Единственным в данном случае является вопрос о его характере. Не должно удивлять повсеместное осуществление жертвоприношений в Галлии III и II веков до н.э. Также обстоит дело и в основных религиях средиземноморского бассейна. Эта практика представляется древней и глубоко укорененной, на которую преданный всецело уповает. Особенностью жертвоприношений у галлов является разнообразие целей, которых, как считается, оно должно достичь. Известно, что жертвоприношение «работает» по принципу «do ut des», и то, чего намереваются достичь, может совершенно отличаться от того, что дают. Галлы не являются исключением в этих договорных отношениях, которые должны дать им богатый урожай, тучные стада, а также победу в сражении или судебной тяжбе. Правда, в отличие от большинства соседних народов, у галлов спектр задач жертвоприношения гораздо более широкий. Очень часто они используют его при гадании. Иногда достаточно обеспеченные галлы приносят человеческие жертвы, чтобы исцелиться или избежать смерти в бою. В таком случае это не является более традиционным жертвоприношением, при котором считается, что символический дар или

дар, не состоящий в прямой связи с искомой целью, имеет ценность сам по себе. Но это уже выглядит скорее как обмен, или, лучше сказать, предлагаемая богам заместительная жертва.

Очевидно, такое положение вещей является не следствием деятельности друидов, а результатом сосуществования традиций различного происхождения. У Посидония описание различных форм жертвоприношения относится к древней эпохе (конец IV – начало III века до н.э.), когда влияние *ватов* было еще очень велико. Несомненно, это они развивают практики жертвоприношений в гадательных и магико-медицинских целях. Хорошо заметно противоречие между жертвоприношением, совершаемым ради того, чтобы воин избежал смерти и верой в то, что для воина, павшего на поле чести, открыт путь в рай. Первое верование, несомненно, более древнее, а второе – без всякого сомнения, может быть приписано друидам. Чуть выше мы видели, что как раз в эту эпоху они начинают неукоснительно контролировать практику, до того носившую анархический характер, которой могли заниматься и невесть какой вождь, и какой-нибудь достаточно богатый индивид. Навязав на этих церемониях свое присутствие, они тем самым их легитимизируют. Но сами они занимают положение жрецов, так как непосредственно совершающий жертвоприношение – теперь не более чем дипломированный мясник. Отныне они являются подлинными посредниками между верующими и почитаемыми таким образом богами.

Недавние раскопки подтверждают широчайшее распространение данной культовой практики. Археологи распознают культовые места прежде всего по жертвенным останкам – это тысячи или даже десятки тысяч костей. В подавляющем большинстве случаев это кости животных (человеческие кости

Галло-римский храмовый комплекс в Ле-Мане

редки и интерпретировать их нахождение здесь затруднительно) и среди них значительную часть составляют кости домашних животных. В основном это рогатый скот, овцы, свиньи, в меньшем количестве собаки и иногда домашняя птица. На примере святилища Гурне-сюр-Аронд (департамент Уаза) археологи и зоологи смогли восстановить картину этих жертвоприношений животных. Они четко делятся на два типа. Первый — наиболее зрелищный — происходит от культа, подобного тому, что в Греции называется хтоническим, так как он адресуется подземным богам и происходит в большой яме, вырытой в земле. В рамках этого культа в жертву приносится только рогатый скот. Жертва отдается божеству целиком — убитое животное оставляют в яме гнить в течение шести или восьми месяцев. Для этого жертвоприношения животные отбираются почти в равных долях из трех полов (коровы, быки и волы), и все они очень возрастные — до такой степени, что для людей они несъедобны, но считается, что богам еще сгодятся. Более привычным является второй тип жертвоприношения. В нем жи-

вотное разделяется на две части, одна – для людей, которую поедают прямо на месте, на большом пиру, а другую оставляют богам. Ее обычно сжигают на месте. В данном случае куски, предназначенные людям, – лучшего качества, они берутся от молодняка (ягнят, поросят). Сезон таких жертвоприношений приходится на июль или август, в соответствии с возрастом ягнят. Подобные жертвоприношения – как рогатого скота, так и те, что сопровождались пирами, – происходили регулярно, в определенные дни года, в течение полутора столетий.

Насколько часто практика человеческих жертвоприношений в Галлии упоминается в античной литературе, настолько редки ее археологические следы. Надо сказать, что данный вопрос носит прежде всего идеологическую окраску, и, прежде чем взволновать французских историков, он стал ксенофобским штампом римлян. Чемпионом здесь является не кто иной, как один из величайших писателей в латинской литературе – Цицерон. Часто он обзывает галлов «ужасными варварами, которые без колебаний оскверняют свои алтари кровью человеческих жертв». Эти рассчитанные на простаков выдумки оставили почти неизгладимый отпечаток на образе галлов. То, что в Галлии приняты были человеческие жертвоприношения, нет никакого сомнения, но вопрос в том, насколько часто и по какому поводу. Полностью подтверждено наличие двух типов жертв. Их существование не может быть поставлено под сомнение, поскольку они встречаются и во многих других древних цивилизациях и описание галльских примеров вполне убедительно. Первый тип – жертвоприношение, совершаемое для гадания; мы рассмотрим его ниже. Второй тип – жертва приносится с благодарственным молитвенным обращением, обычно это происходило непосредственно после битвы.

Согласно Диодору Сицилийскому, действия во время этого приношения точны и торжественны, что отличает его от обычного истребления пленных. Одна из редких археологических находок, могущая свидетельствовать о человеческих жертвоприношениях, в святилище Гурне, возможно, свидетельствует о жертвоприношении этого вида. Останки дюжины мужчин и женщин здесь соприкасаются с воинскими доспехами, вероятно, вынесенными с поля боя. Прочие формы человеческих жертвоприношений представляются более сомнительными, особенно – заместительная жертва, которую будто бы приносили ради исцеления или во избежание смерти на поле сражения. Подобная заместительная жертва в большей степени, чем другие виды человеческих жертвоприношений, противоречит идеям, исповедуемым друидами. Возможно, Цезарь по чисто политическим мотивам преувеличил ее значение, заставив верить, будто ее еще практиковали в I веке до н.э.

Другим способом почтить богов является приношение материальных благ. Оно столь же древнее, как и человеческие жертвоприношения. Оно широко было распространено и имело самые разные формы. Такое приношение стало одним из самых распространенных актов как при частном отправлении культа, так и при публичном. В древней литературе упоминаются только два вида приношений – оружия и изделий из золота. Посидоний указывает, что «у верхних галлов» (то есть у галлов «севера»: вероятно, Кельтии и современной Бельгии) сакральные места ломились от золотых приношений, к которым, несмотря на тягу галлов к этому драгоценному металлу, никто не притрагивался – из страха как перед богами, так и перед ужасными карами, предусмотренными для совершающих святотатство.

Археология отчасти подтверждает эти факты. Сакральные участки были найдены во множестве, но золота там нет и в помине, что не должно вызывать удивления. Однако некоторые признаки указывают на то, что оно там было. У белгов острова Британия, в Снеттисхэме, на похожем сакральном наделе были найдены бесчисленные залежи браслетов и колье из золота и серебра. В Рибемоне-сюр-Анкр было вырыто массивное ожерелье из золота, которое, по всей видимости, было позабыто при собирании всех даров во время окончательного закрытия культового места. Но археология свидетельствует также, что галлы своим богам приносят и иные дары: пищу, питье, украшения и, начиная с конца II века до н.э., — монеты. Неизвестно, кому адресовались дары, какие при этом совершались ритуалы. Впрочем, констатируется, что такая практика распространяется в большем масштабе, а спектр подношений богам расширяется довольно поздно и в тех культовых местах, которые, видимо, открываются для большего количества верующих.

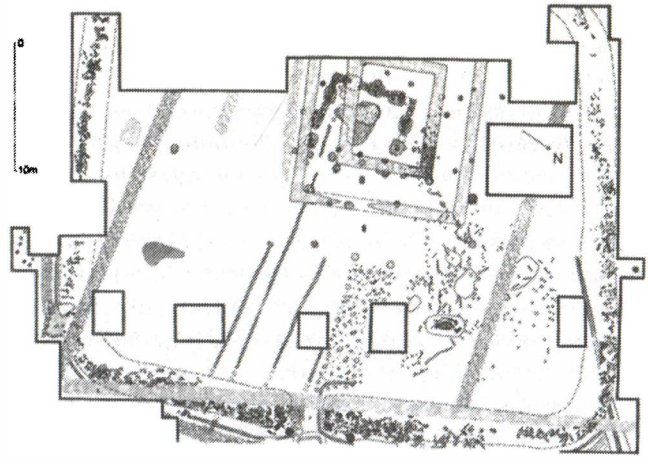
Об обрядах, называемых словесными — таких, как молитвы, — письменные источники ничего не сообщают. Мы лишь знаем, что галлы совершают присущие только им ритуалы, чтобы почтить своих богов. Вместо земного поклона они обходят кругом божества, точнее, вокруг его символа или даже вокруг всего сакрального места, двигаясь слева направо. В точности, как индуисты обходят свои храмы, то есть оставляя святыню по правую сторону от себя.

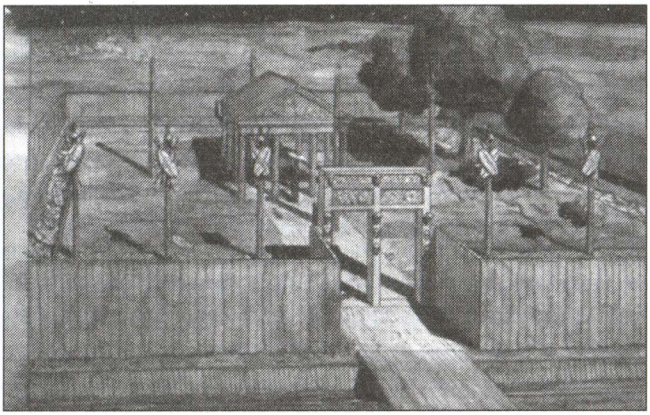
МЕСТА ОТПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТА

Для обозначения мест, где галлы отправляют свои культы, греческие и латинские историки употребляют лишь четыре термина — два греческих

(*hiéron* и *téménos*) и два латинских (*locus consecratus* и *lucus*). *Hiéron*, как и *locus consecratus*, означает «священное место» без дальнейших уточнений. *Téménos*, как и иногда используемое латинское слово *templum*, имеет более точное значение. Это участок земли, как правило, четырехугольный, обнесенный оградой. Наконец, *lucus* — слово, очень специфическое в применении, так же как и греческое слово *alsos* (тоже иногда употребляемое, когда речь идет о галльских культовых местах), обозначающее «священный лес» — культовое место, основной отличительной чертой которого является наличие рощи, выступающей в качестве символа или проявления божества. Выбор таких слов, разумеется, не случаен, и особо стоит отметить, что никогда не встречаются латинские термины *aedes* или *fanum* и греческое *abaton*, которые все три обозначают присутствие сакрального здания, что на французском передавалось бы словом «храм». Значит, античные авторы были хорошо осведомлены об особенностях галльского культа и о местах его отправления. Наши предшественники XVIII и XIX веков не потрудились уяснить эти речевые нюансы, слишком часто полагаясь на слово *lucus*, которое они неадекватно переводили как «лес», «роща» и делали из этого вывод, что у галлов не было специальных мест отправления культа и что они почитали своих богов в лесных чащобах. Археологические находки за последние тридцать лет выявляют их неправоту и воздают должное античным историкам, столь тщательно описавшим такие места с помощью специальных терминов.

Однако археологические данные есть лишь по одному периоду (с III века до н.э. и до римского завоевания) и лишь по одному типу культа — тому, который можно охарактеризовать как «общественный». Где проводились религиозные церемонии в





План и реконструкция святилища Гурнэ-сюр-Аронд. Уаза, Франция

первую эпоху железа? На данный момент нет ответа на этот вопрос. Допускаем только, что, начиная с VI века до н.э., возле княжеских курганов могли появляться небольшие церемониальные участки. Например, в Виксе похоронный обряд, совершаемый по самым знатным людям сообщества, мог принять публичную форму и вдохновить на обустройство

похожих, но более внушительных мест. Их количество будет особенно сильно расти в IV–III веках. Их и называют святилищами.

Слово «святилище» более уместно, чем все остальные, поскольку оно, с одной стороны, ясно обозначает место для культа, обустроенное достаточно многочисленным сообществом, а с другой – совсем не обязательно предполагает наличие храма, представление о котором галлы получают очень поздно. Святилище такого рода, о котором дают представление порядка тридцати раскопок в Галлии, обладает двумя характерными особенностями, подразумевающими наличие соответствующих им названий в античном вокабулярии. Это большие четырехугольные участки земли, на которых часто имелись деревья – настоящие, либо искусственные (изображения деревьев, как, например, те, что были найдены в оппидуме Манчинг в Баварии).

Ментальная и символическая концепция таких мест – того же свойства, что *temenos* в Греции или *templum* в Риме. Это в первую очередь огороженный кусок земли, посвященный богам и отделенный от профанного мира. Повсюду оставляемый открытым ров отмечает это разделение. Оно также продублировано стеной, которая отделяет тех, кто может общаться с богами (жрецы и люди, допущенные к участию в культе), от тех, кто не имеет туда доступа и не должны даже знать, что происходит внутри (рабы, изгнанники и животные). Так же, как и в больших греческих святилищах, доступ в его сакральное пространство осуществлялся через отдельную постройку, что-то вроде шлюзовой камеры. Это чаще всего было самое значимое сооружение в святилище, по крайней мере самое приметное. Оно представляло собой закрытый портик, иногда с надстройкой, похожий на ворота *оппидумов*. Самый известный портик в святилище Гурне был декорирован воинскими

доспехами и человеческими черепами. В надстройке должны были складироваться все военные трофеи, которые были найдены по обеим сторонам от здания — где-то две тысячи единиц оружия и остатки воинских колесниц.

Центр сакрального места представляет собой относительно пустое пространство: там находятся лишь жертвенник и священный лес. Последний, как мы уже сказали, носит символический характер — так же как в Италии или в Греции. Он может быть представлен тщательно ухоженной рощей или просто несколькими деревьями или даже жердями, на которых развешаны металлические листья. Это не изображение божества, но скорее его эманация, так как считается, что само божество обитает под землей. Такой лес может быть также его временным пристанищем — на момент совершения жертвоприношения или на время пира, к примеру.

Во всех отрытых на данный момент святилищах жертвенник находится точно в центре. Обычно это вырытая в земле яма, более-менее цилиндрическая и более-менее обширная (от 1 до 3 м в диаметре и глубиной около 2 м). По греческой религиозной терминологии такой жертвенник можно было бы охарактеризовать как «хтонический», то есть обращенный к подземным богам, с помощью которого пытаются приблизиться к ним. В некоторых святилищах при этом полом жертвеннике присутствует очаг, находящийся в земле, на его краю. Но нельзя утверждать, что такое устройство было повсеместно. В любом случае жертвенник позволял совершать жертвоприношения двух типов, указанных выше. Яма принимала кровь жертв, стекавшую по ее стенкам к подземным божествам. Но в исключительных случаях (к примеру, в Гурнэ, где в жертву приносили рогатый скот) в яме могли оставлять целиком шкуру животного. Очаг давал возможность

приготовить мясо, предназначенное для людей, но также и менее лакомые куски — потроха — для божеств, обитавших на небесах.

Жертвенник — это центральное место святилища, к которому прикованы все взгляды и на котором свершаются все ритуалы. Долгое время (с первой эпохи железа до конца раннего периода латенской культуры IV века) он представлял собой простую яму, вырытую в земле, и иногда укрепленную в случае. Такое элементарное приспособление, однако, не позволяло отправлять культ в любое время. Вот почему полые жертвенники в достаточно раннюю эпоху стали прикрывать крышей, опирающейся на столбы, поставленные по краям ямы. Такие строения с фасадом на восток и иногда с тремя стенами в качестве защиты от ветра и дождя по внешнему виду похожи на греко-римского храмы. Галлы, как кельты в целом и многие другие древние народы, не изображают богов в антропоморфном виде, и статуи божеств появляются лишь к концу периода независимости, под римским влиянием. Другое существенное отличие между крытым жертвенником галлов и храмом греков и римлян состоит в том, что у последних жертвенник находится вне храма, в то время как у галлов жертвенник расположен внутри и отождествляется с самим божеством, которое пребывает под ним. Во внутреннем пространстве, кроме жертвенника и рощи, символизирующей священный лес, больше ничего нет. Это делает возможным проведение ритуалов, связанных с жертвоприношением и главным образом пиршеств, которые его сопровождают. Но в этом пространстве, весьма узком, от 1000 до 1500 квадратных метров, могли поместиться лишь от ста до двухсот человек.

Своеобразно топографическое положение святилищ. Они располагаются непременно вдали от жилищ, изолированно, чаще всего на возвышении,

на котором их видно издалека. Некоторые находятся в центре гораздо более обширных участков, площадью около десятка гектаров, окруженных оборонительными или, наоборот, символическими рвами. В таких местах можно было проводить многолюдные политические и законоведческие собрания, проходившие под руководством друидов. Самый замечательный пример – это Феск в Сен-Маритим. Святилище площадью двенадцать гектаров находится на вершине холма. Оно окружено неглубоким рвом. На проводимых здесь собраниях, по-видимому, судили преступников, останки тридцати человек были найдены за оградой, в положении, указывающем, что были повешены или распяты, головой к святилищу.

Есть также более скромные культовые места – в жилищах. Но до настоящего времени в археологическом аспекте они изучены плохо. Они встречаются посреди сельских аристократических резиденций, примером чего служит Монмартен (Уаза), посреди небольших скоплений домишек (Эстре-Сен-Дени в Уазе, Сомере в Эр-и-Луар, к примеру) или даже внутри *оппидумов* (Тительберг в Люксембурге). Во всех случаях остатки архитектуры и следы жертвоприношений гораздо более скромные, чем в упомянутых святилищах, поскольку культовой деятельности должна была препятствовать домашняя обстановка, ремесленные или сельскохозяйственные работы. Невозможно узнать, были ли обустроены эти культовые места одновременно с постройкой жилища, или же они стали центром притяжения для жилищного строительства и дома строили на их периферии.

Наконец, во вторую эпоху железа, в галльский период в собственном смысле слова, существуют культовые сооружения, принадлежащие к гораздо более давней традиции, в отдельных случаях вос-

ходящей к неолиту. Это гроты, карстовые провалы, сдвиги горных пород, куда закладывались священные сокровища. Часто среди остатков предыдущих эпох (неолит и эпоха бронзы) встречается керамика, иногда — оружие, украшения или человеческие черепа, датируемые последними тремя веками до н.э. Самое замечательное из открытий подобного рода — шлем из грота Агри в Шаранте, полностью покрытый золотом и инкрустированный кораллами. Нелегко узнать, кому из божеств посвящались эти сокровища, в культе какого типа они использовались и, главное, кем.

ВОИНСКИЕ РИТУАЛЫ

Цицерон, выражаясь кратко и насмешливо («Галлы облачаются в доспехи и идут пожинать урожай с полей соседей»), признает: галлы — прежде всего воины. Так как при этом они являются одним из самых набожных народов древности, то неудивительно, что лучшие из своих познаний в области религии они относят к своему основному роду деятельности. Обряды, привязанные к различным моментам войны, многочисленны и театральны. Так как они произвели впечатление на их греческих и латинских соседей, то некоторым посчастливилось быть подробно описанными и дойти до нас.

Наличие воинской инициации подростка лишь неявно подтверждается некой странной ремаркой Цезаря, в которой утверждается, что «постыдно, если сын, не достигший еще возраста, в котором можно носить оружие, появляется на публике вместе со своим отцом». Ритуалы, обязательно сопровождающие данный, необычайно важный, переход из состояния ребенка в состояние воина, нам неизвестны. Но они непременно связаны с производством доспехов, с их украшением, наконец, с перво-

начальным облачением в них юноши. Эти доспехи наделяются сакральной значимостью, что проявляется в той привязанности, которую к ним питает воин, и в том, что противник пытается их заполучить, чтобы предложить их своим богам. Фигурки животных (ворон, например), венчающие некоторые шлемы, а также нарисованные на плоской части щитов и скрывающиеся в замысловатых узорах, выгравированных на ножнах, как бы призывают на помощь божеств войны. Изображения должны магически укрепить воина, уведомить его о присутствии божества-покровителя.

Но и сам воин в момент, когда он облачается в доспехи, становится кем-то вроде полубога. Он охвачен тем, что Жорж Дюмезиль назвал *furor* — латинское слово, означающее воинское неистовство, которое возвышает воина, заставляет терять страх и удесятеряет силы. Это нечто вроде божественного безумия, охватывающего целые отряды кельтов и германцев. При этом некоторые воины, сражающиеся в первом ряду, не колеблясь, бьются обнаженными, без страха бросая свои обнаженные торсы на вражеские пики. Насколько ужасающим должен был быть марш этих людей — без лат, с выставленными напоказ мускулистыми телами, сопровождаемый боевыми выкриками и звуками труб! Это приводит врага в замешательство зачастую еще до самого столкновения.

Обнаженные воины первых рядов надевали на шеи знак божественного отличия — золотые ожерелья. Эти драгоценные украшения хранятся в сакральных огороженных местах, иногда на стволах деревьев. Воины надевают их только перед боем и, вероятно, после их смерти ожерелья не кладут в их могилу. Очевидно, украшения наделялись магическими свойствами. В любом случае они напоминали воину, что в минуту наивысшей опасности боги ря-

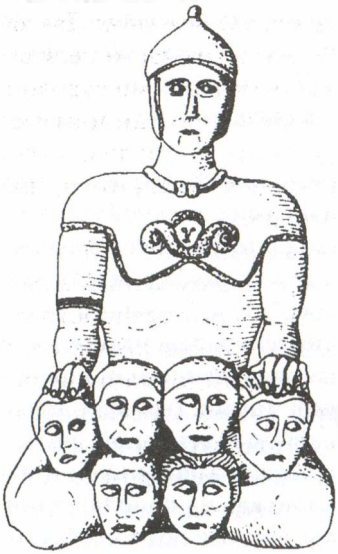
дом и участвуют в битве, как мы это видим в батальных сценах «Илиады».

Благосклонность богов не освобождала воинов от обетов, которые они должны были выполнить при любом исходе сражения. Как правило, богам жертвовалось оружие и вся или только часть военной добычи. В историографии сохранился эпизод, когда вожди инсубров, Ариовист и Виридомар, в 223–222 годах до н.э. дали своим богам торжественные обеты перед походом на Рим. Ариовист обязался пожертвовать галльскому Марсу вместе с трофеями золотое ожерелье. Виридомар обещал посвятить оружие противников галльскому Вулкану. Такая практика обетов, как видно, ничуть не отличается от той, что известна в Риме – в республиканскую и имперскую эпоху. Впрочем, она принимает более экзальтированные формы, так как речь идет не только о трофейных доспехах, но часто об оружии и прочей добыче целиком. Так говорит Цезарь, вторя Посидонию, и это подтверждается археологическими открытиями.

Значит, нет ничего удивительного, что подобный ритуал, исполняемый римлянами с древнейших времен, был тоже известен в Галлии. Это ритуал *devotio*, в котором вождь, чтобы стяжать победу и милость богов, обещает им самого себя и в бою ищет смерти. Именно в таком смысле некоторые историки, в частности, основываясь на очень точном описании Плутарха, интерпретируют торжественную сдачу Верцингеторикса, совершенно очевидной целью которого было сохранить жизнь защитников и населения Алезии. Галльский вождь на коне исполняет нечто похожее на ритуал земного поклона богам. Облаченный в лучшие доспехи и украсив своего коня лучшей сбруей, он подходит к Цезарю, который ждет его, сидя в кресле. Он на коне обходит вокруг Цезаря, потом сходит с коня, снимает с него

украшения, бросает их к ногам римского полководца, затем то же самое делает со своими доспехами и затем, не говоря ни слова, припадает к стопам римского военачальника.

Но самый знаменитый воинский ритуал — это, конечно, взятие головы врага. В греко-латинской литературе это клише, которое, впрочем, подтверждается недавними археологическими открытиями. Так, на месте битвы при Рибемон-сюр-Анкре (Сомма) эта практика, видимо, носила систематический характер, и подобным образом поступили с несколькими сотнями трупов. Надлежит уточнить, что речь не идет о настоящем обезглавливании, как можно было бы подумать, учитывая расхожее значение термина — декапитация. Это педантичная операция, проделываемая с помощью ножа над мертвым врагом, распростертым на земле, для которой требуется время от нескольких минут до нескольких десятков минут. Античные историки уточняют, что взятие головы производится непосредственно после смерти врага, когда бой в самом разгаре, и что победитель спешит прицепить этот трофей к своей лошади. Нам известно также, что отрезанные головы после боя приносят домой, выставляют и после про-



Реконструкция статуи из Энтремонта, изображает галльского воина с головами врагов

цедуры консервации (утверждают, что с помощью кедрового масла) аккуратно хранят в шкафу. То, что речь идет о ритуале, подтверждается тем, что он привычно выполняется в течение многих веков. Однако невозможно утверждать, является ли он всецело или отчасти религиозным. Если речь идет о трофее, то он имеет ту же ценность, что охотничья добыча — она свидетельствует о доблести охотника. В данном случае количество отрубленных голов определяет положение воина в определенном иерархическом порядке, который имеет у галлов громадное значение и проявляется, в частности, в том, кому какое место следует занимать на пиру. Но, возможно, отрубленная вражеская голова также выполняет функцию единицы счета при распределении добычи или вознаграждения, выплачиваемого не за факт службы, а за конечный результат. Так как остаток трофеев (трупы и доспехи) часто целиком посвящается богам, то важно, чтобы воин сохранил свидетельства своей храбрости. Ничто не доказывает, что такая практика у кельтов и у галлов, в частности, имела магический смысл — например, присвоить себе душу убитого врага.

Взятие трофеев на первый взгляд не кажется ритуалом. Однако Посидоний, а вслед за ним Цезарь однозначно свидетельствуют о его распространении: «Марс правит войной. Когда они решают дать битву, то большую часть времени именно ему они обещают добычу, которую возьмут. Если победили, они приносят ему в жертву живых существ, а останки сваливают в одном месте. Во множестве округов в священных местах можно видеть холмики из подобных трофеев». Греческий энциклопедист позднеимперского периода, Элиен, уточняет смысл подобных подношений и то, как они выглядели: «Кельты воздвигают свои трофеи на манер греков как для того, чтобы отпраздновать свои вы-

сокие воинские достижения, так и для того, чтобы оставить после себя памятники своей воинской доблести». Ряд недавних археологических находок подтверждает эти слова. Доспехи, вырытые в огромном количестве в святилищах — таких, как Гурне-сюр-Аронд, — доказывают, что самые ценные из них оставлялись в святилищах богов. Но раскопки, проводимые в Рибемон-сюр-Анкре, доказывают также, что трофеи могли выставлять «на манер греков», то есть прямо на поле битвы — там, где враг признавал себя побежденным.

Эти раскопки свидетельствуют о том, что после битвы галлы ритуально обходили все поле битвы. В Рибемон-сюр-Анкре останки людей, животных и вещей собирали и относили в специальное место (около двух гектаров площади), поделенное на три зоны. По форме это был квадрат, обнесенный обширным рвом. По-видимому, это было культовое место. Туда приносили тела врагов, их вооружение, а также колесницы и трупы лошадей. Обезглавленные тела врагов после консервации выставляли, видимо, в особых священных помещениях, похожих на крытые рынки. Позже, когда останки истлевали, кости мелко дробили, сжигали, и их пепел использовался во время жертвенных церемоний в особых жертвенниках. Они представляли собой колодцы глубиной в метр, по краям которых были сложены человеческие и лошадиные кости. В центре участка сохранялся лесок, у которого была та же роль, что и у священных рощ в святилищах. К юго-востоку располагалась другая зона — большое пространство, на этот раз обнесенное палисадом. Предполагается, что на нем пировали воины-победители в честь богов и павших в бою товарищей. Для погибших галлов был оставлен другой участок — круглой формы, занимавший центральное пространство, то есть третью зону всего ансамбля. Здесь тела героев

оставляли на корм птицам. Галлы почитали священным расхищение птицами тел погибших в бою; таким образом, по их понятиям, души освобождались от новых перерождений и попадали в рай. Описанное место считалось у галлов памятным, оно было устроено в честь битвы, состоявшейся примерно в 260 году до н.э., и активно посещалось галлами вплоть до римского завоевания. В начале нашей эры здесь был возведен храм, затем — святилище, одно из самых больших в римской Галлии.

Таким образом, надо полагать, галлы почитали память о великих событиях своей истории и своих победоносных предков.

ГАДАНИЯ

Невероятно набожный дух галла без конца побуждает его к познанию божественной воли. В этом его поведение весьма схоже с поведением греков и этрусков. И он, подобно им, без конца придумывает новые средства, позволяющие предсказывать будущее или получать помощь богов в каком-либо опасном предприятии. Этот религиозный интерес имеет очень давнюю историю, и его невозможно просто упразднить. Мы видели, что особая категория жрецов, *ваты*, специализировалась на гадании. Диодор приводит запись Посидония, которую тот делает по данному вопросу: «Они [галлы] также прибегают к услугам прорицателей, которые у них в большом почете. Эти прорицатели предсказывают будущее по наблюдениям за полетом птиц и совершая жертвоприношения. Вся чернь беспрекословно подчиняется своим оракулам». Легко представить, какую власть прорицатели могли получить благодаря своему дару и главным образом благодаря мантическим ритуалам, достоверность которых трудно проверить. Друидам — защитникам более

гуманной версии религии — не удается полностью справиться с *ватами*. Поэтому они, наверно, должны были предложить ряд других предсказательных техник: гадание на числах и, возможно, что-нибудь еще, основанное на наблюдениях за природными явлениями и особенно за звездами. Индивидуальным толкованиям и пророчествам ватов они противопоставляют квазинаучное прочтение вселенной, которая является одновременно и образом, и самой сущностью божества. Наилучший пример астрономических наблюдений, применяемых к повседневной жизни людей, нам дает «Календарь из Колиньи», в котором на очень долгий период со знанием дела указываются дни счастливые и несчастливые.

Притом, что техники предсказания будущего очень похожи на те, что мы видим в Греции или Риме, в положении прорицателей в обществе обнаруживаются огромные различия. Так, древний автор, сведения которого почерпнул Павсаний, чтобы описать экспедицию кельтов в Грецию в начале III века, на полном серьезе задавался вопросом, владеют ли кельты искусством предсказания, поскольку было замечено, что непосредственно перед боем они не занимались гаданием по внутренностям жертвы. На самом деле такое наблюдение просто доказывает, что кельты спрашивали мнения богов задолго до военного столкновения и что они не боялись внезапной перемены божественной воли. Диодор сообщает, что до формирования священнического сословия под эгидой друидов предсказатели, вероятно, действовали частным образом — некоторые при царях и знати, другие — в народных массах.

Как и все древние народы, галлы, относившиеся к природным явлениям со священным трепетом, тщательно наблюдают за ними. Гроза, землетрясение, морской шторм, затмение считались у них

предзнаменованиями, которые боги посылают людям. Так, Полибий сообщает, что галаты-эгосаги, сопровождавшие Аттала в Эолиду, внезапно прервали свой поход, поскольку увидели лунное затмение. Фронтин сообщает об одной военной хитрости Цезаря, который сыграл на вере галлов во всевозможные приметы. У кадурков Цезарь перекрыл биение одного источника. Феномен был незамедлительно истолкован как знак недовольства богов. Зато не существует никаких свидетельств веры галлов в чудеса, так свойственной этрускам и римлянам. Нет упоминаний о каких-то исключительных случаях, происходивших с людьми и животными, — о рождении монстров, врожденных уродствах, необъяснимых исцелениях и т.д. Но отсутствие упоминаний в письменных источниках вовсе не означает, что галлы не верили в то, что современные легковерные люди сходу объявляют чудом.

Самую существенную роль в области гадания и, шире говоря, в области отношений между людьми и богами играют птицы. В этом определенно надо видеть влияние средиземноморских соседей, у которых считается, что птицы при полете несут послания и алтайских народов,[1] у которых птица является переносчиком души. Так, поэт Силий Италик разъясняет, что гриф, после того как обглодает плоть убитого галльского воина, уносит его душу на небо к богам. В мифологии кельтов Ирландии ворон переносит душу убитого воина на луну.

Но у галлов развивается настоящее искусство прорицания, основанное на наблюдениях за всеми движениями и повадками птиц, а не только за их полетом. Диодор называет это *oïnoskopia*. Артемидор Эфесский сообщает, что на атлантическом побере-

[1] Возможно, имеются в виду тюркские народы. — *Примеч. пер.*

жье Галлии существовал «порт двух воронов». Там находилось святилище, где прорицали два ворона. Туда отправлялись все, у кого имелись взаимные разногласия, и вороны рассуживали их таким образом: на два края доски клали по кучке галет – своя для каждой из спорящих сторон; затем выпускали двух воронов. Тот, чьи галеты оказывались только разбросанными птицами, но не съеденными, признавался выигравшим. Видимо, ворон являлся птицей-авгуром. Так, Псевдо-Плутарх растолковывает легендарную историю основания города Лиона и происхождение его названия, *Lugdunum* («холм воронов»). Знамение было дано через птиц: в момент, когда два знатных галла – Атепомар и Момор, основатели города – готовились определить границы будущего поселения на неком холме, неизвестно откуда слетелись во множестве вороны и расселись на ветвях деревьев. Момор, бывший авгуром, назвал это счастливым предзнаменованием.

Другая давняя форма мантики основывается на снах – либо естественных, либо намеренно вызванных. Сон рассматривается как проявление души, которая отделяется от тела в двух случаях: во время сновидений и в момент смерти. Историк Трог-Помпей описывает один из таких вещих снов, который увидел царь Катуманд. Последний командовал галльскими войсками, осаждавшими Массалию, и ему приснился сон: грозная женщина предстает перед ним, как богиня, вселяет в него ужас и приказывает заключить мир с массалийцами. На следующий день Катуманд просит у жителей Массалии разрешения войти в город, чтобы почтить их богов. В храме Минервы он узнает богиню, явившуюся ему во сне, и незамедлительно заключает с греками мир, оставляя в дар храму золотое ожерелье. Наряду с верой в сновидения – естественные и спонтанные – галлы верят в сны, вызванные различными способами.

Изображение ворона на галло-римской монете. I в. н.э.

Один из греческих авторов, Никандр из Колофона, сообщает, что кельты, подобно грекам, занимаются «инкубацией пророчеств». Речь идет о том, что вопрошающий засыпает на могиле предка, которому особенно доверяет. Предполагалось, что в этом месте человек в сновидении получит важные советы от умершего. Также важны были сны в храме, где человек мог получить не житейские советы, а наставления в божественной мудрости.

Под воздействием настоев и сока растений с галлюциногенными свойствам сны могли принимать форму священного экстаза. Один из средневековых комментаторов поэмы Лукана «Фарсалия» отмечает, что друиды имеют обычай заниматься гаданием, поедая желуди. Такая информация могла бы показаться подозрительной, если бы она не была подтверждена двумя другими фактами. С одной стороны, такая практика имеет много общего со скифской. О скифах известно, что они были в тесном общении с кельтами. А сама скифская практика между тем состояла в том, что их шаманы вдыхали пары и дым от семян конопли. С другой стороны, у Плиния Старшего есть упоминание о том, что галлы в гадательных целях используют вербену. К сожалению, в данном случае не уточняется, в какой форме употреблялось или использовалось это растение. В любом случае достоверно установлено, что галлы, и особенно друиды, использовали все известные свойства растений не только в лечебных целях, но

и для того, чтобы заставить душу на время покинуть телесную оболочку и отправиться в обители духов и богов.

Друиды обладали исключительным правом на еще одну мантическую форму, достоверно подтверждаемую античными источниками, — это гадание на числах. Святой Ипполит сообщает, что друиды пророчествуют и занимаются гаданием на числах пифагорейским способом. Естественно, мы не знаем, в чем конкретно он заключался. Именно его подразумевает латинское слово *conjectura*, которое тоже обозначает гадание, совершаемое авгурами, о котором, по словам Цицерона, ему стало известно от друида, эдуя Дивициака.

Такие методы, основывающиеся на энциклопедических познаниях, радикально противостоят более жестоким формам древнего происхождения, но от которых, по-видимому, окончательно отказались весьма поздно. Самый известный из таких способов основывается на жертвоприношении человека. Он практикуется ватами. Диодор Сицилийский воспроизводит очень точное описание, которое по этому поводу дал Посидоний Апамейский: «Когда им приходит время высказаться по важным вопросам, следует странный, невероятный ритуал. Ритуально посвятив человека богам, они священным ножом наносят ему удар выше диафрагмы; когда пораженная жертва падает, они ищут знаки в том, как она упала, в том, как содрогаются члены, как истекает кровь. Это очень древняя форма исследования, давным-давно используемая, и они в нее безоговорочно верят». В финальной ремарке совершенно отчетливо указывается, что в эпоху редактирования трудов Посидония, то есть в 100-х годах, человеческое жертвоприношение в гадательных целях уже вышло из употребления. Прибегали к нему даже в ранние времена, видимо,

в исключительных случаях. В 277 г. до н.э. галаты готовились выступить против войск Антигона Гонота. Чтобы получить предзнаменования, они прибегают к жертвоприношениям животных, у которых исследуются внутренности. Так как им было предсказано сокрушительное поражение, они прибегли к исключительному ритуалу — настоящей бойне своих жен и детей, дабы умилостивить богов. Эти ужасные факты подсказывают, что обычно галлы, даже перед лицом военной опасности, прибегают к предсказаниям, которые делают, исследуя внутренности жертвенных животных.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

В античных источниках в явном виде не упоминается о наличии у галлов религиозных празднеств. Однако следует иметь в виду, что в Галлии они играют столь же важную роль, как в Греции или Риме. Все великие жертвоприношения, как регулярно совершаемые, так и приуроченные к определенной дате, как раз и являются такими праздниками, на которые собирается масса народа и происходят другие значимые торжества, среди которых главную роль, конечно же, играет пиршество. На подобных праздниках в жертву приносятся явные злодеи, о чем упоминает Диодор Сицилийский. Они, как мы видели, содержатся в заточении, пока раз в пять лет не наступает время казни. Собрания друидов, каждый год проводимые в стране карнутов, есть не что иное, как религиозный праздник. Во время него заседает трибунал, выносятся приговоры, совершаются жертвоприношения и устраиваются пиры. Археологические раскопки последних десятилетий с избытком подтверждают проведение таких празднеств смешанного характера — религиозных и светских в виде пиров, во время которых съедается не-

мыслимое количество мяса и выпивается столь же немыслимое количество напитков (вино, мед, пиво и т.д.). Наилучшим примером в этом смысле является местность Феск, в Сен-Маритим. В святилище Гурне-сюр-Аронд в нагромождении скелетов закланных животных наблюдается некое единообразие, тогда как останки поедаемых ягнят указывают на фиксированную дату забоя – всегда одну и ту же: конец августа – начало сентября.

Для доказательства существования таких праздников обычно выдвигается другой аргумент – упоминание в «Календаре из Колиньи» месяца под названием Samonios, что похоже на кельтский праздник Самайн в Ирландии. Таким образом, четыре великих кельтских праздника, открывающих каждый из четырех сезонов, видимо, находят свой эквивалент в галльском календаре.

БОГИ

Совершенно парадоксальным образом, начиная с эпохи Ренессанса, галльские божества порождают на свет избыток вдохновенной литературы. Притом что античные сведения о галльских божествах одновременно бедны и противоречивы. Что до эпиграфических данных и скульптурных изображений, они мало того что поздние, но зачастую явно отмечены римским духом. Изучение галльских богов наталкивается на две основных трудности. Первая состоит в почти полном отсутствии любых местных сведений до римского завоевания. Вторая есть прямое следствие важного недостатка, присущего любой античной информации о чужеземных религиях. Он заключается в том, что имени, а, следовательно, и сущности местного божества ищется аналог греко-римского пантеона. Так, Цезарь рассуждает о каком-то галльском Марсе, Меркурии, Юпитере,

как если бы речь шла о копиях, в той или иной мере воспроизводящих черты великих греческих богов, усвоенных римлянами. Реальное положение вещей должно быть совсем иным — мысль, на которую наводит то смешение, которое царит в галло-римском пантеоне, в котором один и тот же римский бог имеет несколько галльских эквивалентов. Очевидно, что каждое галльское божество обладает собственной идентичностью, которая видоизменяется у каждого из народов. Римские литераторы, а затем правители усвоили из этого лишь то обстоятельство, что можно их уподоблять Аполлону, Минерве и т.д. Это то, что сами римские историки называют *interpretatio romana.*

Придется напомнить об одной вещи, которую недооценивали и даже игнорировали как античные, так и более поздние историки кельтов. Речь идет о крайне своеобразном изображении кельтами своих богов. В противоположность грекам и римлянам республиканской и имперской эпохи кельты и галлы не изображают богов антропоморфно. Долгое время галлам статуи богов в человеческом обличье были неизвестны. Лучшую иллюстрацию этого мы находим в том удивительном и показательном поведении вождя кельтов Бренна. Трог-Помпей рассказывает, что Бренн внезапно решает напасть на святилище в Дельфах, поскольку «у богов нет нужды в сокровищах, так как они раздают их людям». Но, войдя в святилище, сообщает на этот раз Диодор, он даже не интересуется сокровищами храма, но разглядывает статуи богов, поминутно разражаясь смехом, потому что «боги выставлены в человеческом облике и их там вытесали из дерева или из камня». Такое удивление, смешанное с определенным интересом, показывает, до какой степени кельтской концепции божественного могущества чужда была любая персонификация.

Трехликое божество. Рельеф на галльской терракотовой вазе. II в. до н.э.

А также то, какой импульс подобное открытие божественного антропоморфизма придаст галльскому миру. Однако только после римского завоевания можно наблюдать появление первых статуй различных размеров в культовых местах галлов. Цезарь, касаясь периода, предшествовавшего его прибытию в Галлию, сообщает лишь о *simulacra* бога Меркурия. Можно догадаться, что речь идет о каменных или деревянных столбах, более-менее бесформенных, изображающих божество.

В святилищах до II века до н.э., по понятиям галлов, о присутствии божества или о его возможном появлении свидетельствует священный лес, роща или даже просто пластическое изображение дерева. Дело в том, что большинство почитавшихся у галлов божеств были хтонической природы. Это были обитатели подземного мира. Таким образом, вероятно, верующий не создавал себе какого-то пространного представления о них, но нуждался в толкователях, которые могли описать ему природу богов, их атрибуты или функции. Как и во всех прочих областях религиозной жизни, обычный человек не имел прямого доступа в божественный мир – он нуждался в помощниках. Таинственность, окружавшая божество, скрывала не только его черты, но и его отношения с другими богами, его имя, которое не должно было произноситься, но заменялось эвфемизмом, не способствующим усвоению образа бога широкими слоями народа. Так что не сто-

ит удивляться тому, что галло-римские скульпторы затруднялись наделить эти божества внешностью и атрибутами римских богов.

Существуют сомнения по поводу наличия в Галлии, или по крайней мере у огромного множества ее народов, подлинного пантеона — чего-то вроде семьи богов, в которой каждый выполняет определенные обязанности по отношению к людям и в которой все боги друг с другом связаны. Единственные сведения общего порядка есть у Цезаря, который сам заимствовал их у Посидония. Они не обладают универсальной ценностью, в них нет гармоничного целого, которое можно было бы выделить: «Самым почитаемым богом у галлов является Меркурий: его образы (*simulacra*) наиболее многочисленны. Они считают его открывателем всех видов искусств, проводником и покровителем путешествующих. Еще они думают, будто он имеет власть над деньгами и коммерцией. Затем они чтут Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих богах у галлов примерно то же представление, что и у других народов: Аполлон исцеляет от болезней, Минерва дает основы искусств и ремесел, Юпитер — верховный бог на небе, Марс бог войны». Иерархический порядок, который придается этой небольшой группе божеств, не таков, как в Риме. Цезаря издавна подозревают, что он волюнтаристски преувеличил важность Меркурия — бога, покровительствующего торговле, — чтобы упрочить положение будущих римских колонистов, которые должны были отправиться в Галлию. Также удивляют несоответствия между этими богами и их латинскими эквивалентами: почему первоочередной чертой Меркурия является та, что он основатель искусств, тогда как это также роль Минервы? Почему Юпитер — верховный бог — находится лишь на четвертом месте? Очевидно, Посидоний должен был только назвать

пять встречающихся у некоторых народов в Галлии великих богов, отнюдь не обязательно объединенных таким образом, а Цезарь взял и сфабриковал из них этот псевдопантеон – ограниченный и бессвязный.

Из текстов Посидония Цезарь собрал сведения о другом божестве, которое не смог поместить в предыдущую группу и которое у него совершенно не переведено римским теонимом. Для нас это шанс, так как сохранилось наиболее аутентичное описание галльского бога. Речь идет о Дис Патере (Dis Pater). Цезарь пишет: «Все галлы гордятся тем, что являются потомками Дис Патера, и они утверждают, что эта вера привнесена друидами. Вот почему они измеряют любые расстояния не числом дней, а числом ночей». Значит, это божество инфернальной природы, того же типа, что греческий Плутон, который правит царством мертвых. Также он в точности соответствует подземным божествам, почитаемым во множестве культовых мест, под которыми, как считается, он обитает. Но самая драгоценная информация о галльских верованиях и, в частности, о метафизике, о которой будет сказано ниже, – это представление о том, что все люди являются прямыми потомками некого бога.

Поэт Лукан – единственный, кто в своей поэме «Фарсалия» раскрывает нам галльские имена некоторых богов: «...и те, кто поклоняются жестокому Тевтатесу, в чьих жилах ужасная кровь, жуткому Езусу в диких святилищах и Таранису у жертвенников не менее кровавых, чем жертвенники скифской Дианы...» Эти стихи с IX века н.э. – времени, когда они были переписаны монахами, – породили множество комментариев самих переписчиков, которые пытались сопоставить этим трем галльским именам трех галльских персонажей, упомянутых Цезарем: «Тевтатес, так называют Меркурия,

который почитается у галлов человеческими жертвами... Езус-Марс почитается таким образом: человека вешают на дереве, пока у него не откажут все члены... Таранис-Юпитер у них почитается так: несколько человек сжигается в деревянном чане». К сожалению, подобные комментарии зачастую противоречивы. Так, в одном из них Езус уподобляется Меркурию. Но, главное, спрашивается, на какой фактической базе они основываются? Или это просто желание совместить описание Цезаря со стихом Лукана?

К счастью, кельтская лингвистика поставляет более достоверные сведения. Имя Тевтатес образовано на основе слова *teuta* – хорошо известного в кельтских языках, которое означает «племя». Значит, Тевтатес должен был бы быть богом-покровителем племени – эквивалентом божества полиса в Греции. Подобное божество, естественным образом присутствующее у каждого народа, может принимать различные облики, иметь различные функции в зависимости от степени мягкосердечия, от исторического пути каждого из народов. Таранис тоже происходит от хорошо известного галльского слова *taranus* (гроза, гром). То есть речь идет о божестве грозового неба, которое галлы могут интерпретировать по-разному – либо как некую разновидность Юпитера, вооруженного громом и молнией, либо как бога войны, громыхание которого напоминает бряцание оружия. Езус – это менее известное слово, но оно могло бы соответствовать греческому префиксу *eu-* и могло бы означать «благо» – однозначно антифраза, которой можно называть ужасного бога, чье истинное имя даже не должно произноситься. Точно так же греки, избегая называть истинными именами ужасных Фурий, прибегали к иносказанию – эвфемизму, называя богинь мщения эвменидами, то есть «благожелающими».

Изображение Езуса (ESVS) на «Колонне лодочников». 14 год н.э. Музей Клюни. Франция

Эти разные элементы показывают, что ни один пантеон не смог навязать себя по всей совокупности галльских территорий. Представление, которое народ имеет о божественном мире, в большой степени зависит от его образа жизни и фазы развития общества. Ведь в течение пяти веков, предшествующих римскому завоеванию, вариации в нравах, политике и экономике различных народов Галлии иногда достигают колоссальной амплитуды. *Civitates* Центральной и Юго-Восточной Галлии, образованные еще в гальштатскую эпоху, в состоянии были выдвинуть идею о некой семье богов, в которой каждый бог отвечал за определенный аспект повседневной жизни. Наоборот, народы, прибывшие на поселение поздно и жестоко оккупировавшие север и восток Галлии, нуждались лишь в воинском божестве. Именно такое божество впоследствии будет доминировать в группе новых богов, если народ окончательно обоснуется на своей новой территории. Поскольку они постоянно перемещаются и лишь достаточно поздно выбирают себе территорию проживания, кельты и в меньшей степени галлы не лелеют свою территорию как святую землю, которая была бы микрокосмическим воспроизведением вселенной, населенной богами. Они в большей мере, чем их средиземноморские

соседи, остаются восприимчивыми ко всем природным явлениям, ко всем туземным культам, с которыми они сталкиваются. Типично галльские имена богов накладываются на имена богов более древнего происхождения – к примеру, лигурийского, иберийского. Позже эти божества будут поверхностно прикрыты римскими именами. Они были всегда смутно узнаваемы и плохо уловимы.

ВЕРОВАНИЯ

Наверно, одной из самых удивительных особенностей духовной вселенной галлов является наличие разработанной системы верований – очевидно, древних и известных подавляющей части населения. Такая духовность, выглядящая парадоксальной для обществ, считающихся варварскими, определенно является могущественнейшим вектором распространения кельтской цивилизации в направлении ее соседей – иберов, островных британцев, германцев и лигуров Альп. Это действительно религиозные, метафизические и мифологические верования, скрытые за художественными мотивами, непонятными сегодня для нас. Но эти мотивы были благодарно приняты другими народами, вместе с изделиями, принявшими и то послание, которое в них заключено. Тем не менее суть этого учения, хотя и может быть выражена посредством различных форм искусства, передается устно. Уход владык, культурная революция, сопровождающая римскую колонизацию, способствовали почти полному его исчезновению. Однако немногочисленные обрывки, которые смогли избежать катастрофы благодаря прозорливости некоторых древних авторов, дают неплохое представление об его содержании и о тонкости метафизических размышлений, которые это учение скрепляют.

Несмотря на отсутствие священных книг или обычных заметок, данная система верований в течение трех последних столетий перед римским завоеванием принимает догматическую форму. В этом следует видеть творчество друидов — единственной духовной силы, способной ее навязать устными проповедями. Определенно именно элементы этого завершенного и органичного теоретического ансамбля были сохранены некоторыми иностранными историками и путешественниками. Но нет никаких сомнений, что учение друидов сформировалось на более древней основе и что оно являет собой лишь рационализацию богатого кельтского воображения.

В противоположность своим римским соседям галл не ограничивает свое видение мира непосредственным окружением — земными пределами, которые можно обойти, и временем своей жизни. Он помещает себя в космос, состоящий из трех частей — временное земное пристанище людей, небо, населенное богами, героями и звездами, подземный мир, в котором инфернальные божества правят мертвыми. Таким образом, земная жизнь — всего лишь промежуточный этап между небом и преисподней. Каждый человек появляется из мира мертвых. Следовательно, он есть результат других прошлых жизней и не является творением из ничего. Земная жизнь не есть окончание само по себе, а новый этап, в результате которого происходит либо возвращение в преисподнюю, либо восхождение на небеса для вечного пребывания там. Эти теории сравнивают с метемпсихозом. Вот различные версии по этому вопросу, которые мы находим у уже привычных бытописателей Галлии. Цезарь: «Души не умирают, но после смерти они переходят из одного тела в другое, и галлы полагают, что такая доктрина лучше всего стимулирует смелость, так как страха смерти

больше не существует». Диодор: «Души людей бессмертны и, по прошествии нескольких лет, каждая душа возвращается к жизни, войдя в новое тело». Лукан: «...в ином мире тот же дух оживляет наши тела: смерть – это середина долгой жизни, если вы [друиды] воспеваете истину».

Таким образом, мир видится как пирамидальное сооружение. Земля зиждется на инфернальных пучинах, кишащих душами мертвых. Сама она поддерживает небо, рассматриваемое как свод, над которым – вселенская бесконечность.

Вера в конец мира, разделяемая с IV века галлами представляется уже весьма широко распространившейся по кельтскому миру. Известно, что германцы – кузены кельтов, сами весьма «кельтизированные» – имеют то же представление о небе как о хрупком своде, но на этот раз поддерживаемом неким божеством, преобразившимся в гигантское дерево. Именно такие верования являются верованиями широких народных масс, и в них еще чувствуются самые примитивные страхи. Друиды борются с ними своим обычным способом, то есть, не подвергая их полному разгрому, но вытесняя более научными доводами. Страбон сохранил друидическую версию конца света: «Души и вселенная неразрушимы, но однажды огонь и вода поглотят их». Вот менее парадоксальная формула, в которой ощущается интерес оттянуть этот конец мира как можно дальше. Эта точка одновременно является наиболее близкой к его творению. Итак, когда вселенная распадется на свои первоэлементы, она будет в состоянии вновь себя воссоздать. Один цикл будет завершен, и одновременно начнется новый. Такая циклическая концепция жизни в частности и вселенной вообще является наряду с концепцией переселения душ одной из тех, что заставили говорить о друидах как последователях Пифагора. Рас-

пад всего сущего на первоэлементы (вода, огонь и, вероятно, воздух) говорит и о влиянии Милетской школы. Но ни о той, ни о другой было бы невозможно сказать, каким образом они вошли в состав друидической доктрины.

Тот же путь проходит и вера в потусторонний мир. Она глубоко укоренена у древних кельтов. Их захоронения могли бы рассматриваться как ее отражение. Умерший со своими драгоценностями и оружием положен так, как будто готовится вступить в тусклое бытие инфернального мира. Верой в потусторонний мир друиды, вероятно, подменяют веру в бессмертие души, которая претерпевает разные судьбы — в награду за благочестивую или в наказание за порицаемую земную жизнь. Душа может низвергнуться в этот изначальный котел, представляющий собой адовы круги, чтобы спустя некоторое время вернуться на землю в другом теле; но она также может и достичь небес. При этом с IV века до н.э., знаменующего начало апогея влияния друидов, видоизменяются захоронения на тех территориях, где друиды процветают: тело сжигается, и телесная оболочка исчезает в дыме, в могиле остается лишь символическая горстка пепла. В конечном счете душа могла бы остаться лишь просто принципом жизни, чем-то вроде первоэлемента и не вносила бы смущения в научные доктрины общего порядка.

МИФОЛОГИЯ

Мифология не избежала общей участи реформирования, проводившегося друидами. Мифы, легенды, псевдоисторические рассказы, народные эпопеи и генеалогии должны были служить опорой всем формам знания — как элементарного, даваемого плебсу, так и научного, сберегаемого для

учеников и будущих наставников. Галльская мифология, сохраняемая ради облегчения запоминания в длинных стихотворных поэмах, не могла быть воспроизведена греческими историками и географами и поэтому почти полностью ушла в небытие. А ведь она была богатой и разнообразной – настолько, что философ Луций Аней Корнут в начале нашей эры, не колеблясь, поставил ее на один уровень с греческой.

От нее остались ощутимые, но загадочные следы в произведениях изобразительного искусства, большая часть которых, к сожалению, принадлежит поздней эпохе. Один из самых древних сюжетов мы находим на плоской части ножен из Гальштата, где изображена военная экспедиция, а на краю композиции мы видим двух персонажей, вращающих колесо, диаметр которого равен их росту. Ряд других ножен – например, из Сернон-сюр-Кооле, украшений из Эрштфельда в Швейцарии, несут изображения фантастических животных или

Мифологический рельеф котла из Гундеструпа. II–I вв. до н.э.

получеловеческих гримасничающих существ, одни из которых зачастую пожирают других. При этом они выглядят как-будто скрывающимися в плетеном узоре из растений, а потом возникающими из него вновь. Поздние произведения, поскольку являются более реалистичными, в большей степени обнаруживают свою связь с мифологическими сюжетами, ключевые сцены которых они могли бы изображать. Самым знаменитым из этих произведений, разумеется, является котел из Гундеструпа, сложенный из тринадцати пластин, украшенных узорами. Пять пластин, образующих внутреннюю кромку, представляют собой целые сюжеты, хотя и загадочные, но среди них мы обнаруживаем элементы, характерные для кельтского символизма: человек, сидящий на корточках, оленьи рога, ожерелье, змея. Многие сюжеты представляются напрямую связанными с историями или легендами: человек, стоя, сражается с птицей вроде грифона; человек, сидящий на корточках, с оленьими рогами на голове держит в руке змею; другой человек сидит верхом на дельфине.

«Колонна лодочников», блоки которой были найдены в хорах собора Парижской Богоматери, хотя и датируется началом нашей эры, демонстрирует по крайней мере два сюжета из галльской мифологии. На сей раз связь с божествами четко установлена, так как на каждом из ликов на этих блоках указано имя божества из соответствующего сюжета. На первом из блоков написано имя Езус. На нем мы видим человека в профиль, занимающегося подрезкой дерева. Этот сюжет мог быть лейтмотивом, поскольку мы вновь его обнаруживаем – почти в неизменном виде – на похожем блоке из Трира. Второй сюжет с галльской надписью Тарвос Тригаранус (TARVOS TRIGARANVS), то есть «телец с тремя журавлями», изображает дерево, за которым виден

Изображение Тарвоса Тригарануса (TARVOS TRIGARANVS) на «Колонне лодочников»

телец, в профиль, на нем сидят три журавля, скрывающиеся в листве дерева. То есть скульптурное изображение как-будто пытается объяснить, почему у божества такое имя.

Кое-какие другие следы галльской мифологии недавно были обнаружены там, где их обнаружить никто не ожидал, — в римской мифологии. Благодаря Жоржу Дюмезилю известно, что римский историк Тит Ливий поведал о темной истории первых веков с помощью преданий, которые на самом деле являлись настоящими мифами. Под ними иногда скрываются типично галльские темы, которые подверглись реинтерпретации. Примером служит рассказ о битве при Сентинуме, когда, непосредственно перед боем, между двумя вражескими когортами появляется лань, а вскоре — преследующий ее волк. Лань скрывается в галльском лагере, где ее убивают, а волк, целый и невредимый, пробирается через римские боевые порядки. В волке мы без труда распознаем римскую волчицу, а в лани, так же легко, одно из священных животных галлов. Другой эпизод — еще более известный — показывает не только влияние мифа на историю, но и служение галльских мифических героев римскому делу: ворон, прилетевший спасти молодого трибуна Валерия, атаковал ударом клюва галльского гиганта, с которым тот сражался, — одна из самых священных птиц у гал-

Прорисовка стелы, изображающей бой между Валерием Корвом и неким галльским великаном

лов, олицетворяющая победу. Наконец, последний пример – фантастический рассказ о столкновении между полководцем Постумием и галлами-бойями, которые скрывались в лесу Литана. Полководец и его 25 000 человек продвигаются по узкой тропинке, когда внезапно все окружающие тропу деревья обрушиваются на воинов и хоронят их под собой. В более-менее реалистичных деталях этого незаурядного столкновения мы распознаем мифический сюжет о сражающемся лесе, любимый у островных кельтов.

Верно и обратное: галльская мифология заимствует или делит со своими соседями героев, которые, как считается, совершали путешествия в Галлию. Диодор сообщает, что считалось, будто бы Геракл основал город Алезию. Этому греческому герою приписывают все, что послужило смягчению нравов варваров, отмену человеческих жертвоприношений, закладку дорог, уважение к иностранцам и т.д. Тот же Диодор еще указывает, что аргонавты должны были бы побывать на берегах океана и должны были бы ввести там культы в честь Диоскуров.

Такие несколько причудливые примеры подтверждают догадки Корнута о богатстве галльской мифологии. Но лучшее доказательство ее богатства можно еще сегодня найти в ирландских легендах,

непосредственно связанных с древнекельтскими. Эти рассказы – удивительно разнообразные – напоминают не только героические эпопеи греческого образца, как поэма о Кухулине, но также затрагивают все аспекты повседневной жизни, верования, историю народов и царств. Это колоссальная область знаний.

МАГИЯ

В Галлии, как и в Риме или в других великих древних цивилизациях, магию нелегко отделить как от гадания, так и от медицины. Определить, что есть магия, – уже достаточно трудное дело. Поэтому не стоит удивляться, что в начале XXX книги «Естественная история», посвященной магии, Плиний за обильными цитатами галльских фактов упоминает как человеческие жертвоприношения, так и астрологию: «Галлы, вплоть до наших дней, были одержимы магией», – пишет он. Нет никаких сомнений, что в доисторической Галлии процветает подобного рода деятельность, тесно связанная с официальной религией, но тяготеющая к ее периферии. И письменные свидетельства намекают, что ей занимаются главным образом те самые vates, которые, видимо, практикуют ее наравне с гаданием. Плиний, который, разумеется, не утруждает себя вниканием в подобные тонкости, приписывает широкое распространение магии влиянию друидов. Конечно же, он ошибается, ибо последние стараются, наоборот, свести к минимуму жертвоприношения, особенно человеческие, и обращают магию на службу медицине. Как раз почти полное исчезновение друидов после римского завоевания вновь придает вес магам и претендующим быть таковыми, которые чувствуют себя в религиозном хаосе как рыбы в воде.

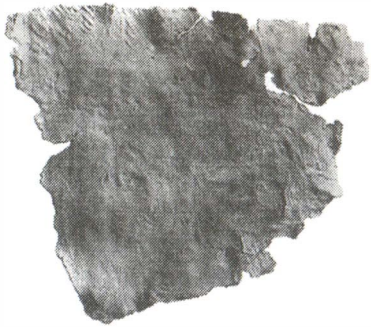
Но Плинию нужно отдать должное в том, что он сохранил для нас кое-что из этих практик. Внимательное прочтение описаний говорит о том, что его информатор видел ритуалы друидов. Значит, надо полагать, секрет темных манипуляций уступил место неким вполне религиозным ритуалам. Самый знаменитый пример – это сбор омелы. Данное растение является лучшим противоядием, а также является средством от бесплодия. Галльское слово, которым оно названо, означает «та, что исцеляет все». Друиды долго разыскивают тот редкий вид омелы, который произрастает на каменном дубе. Когда жрец находит растение, они торжественно припадает к подножию дуба. Облаченный в белое, он срезает омелу кривым золотым ножом и заворачивает растение в белое сукно. В тот же момент у подножия дуба приносят в жертву двух молодых тельцов.

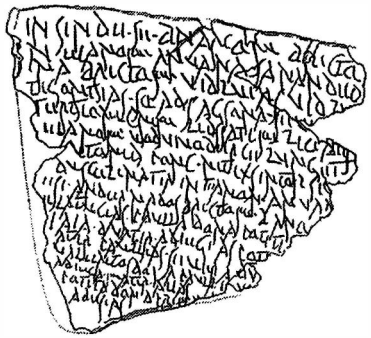
Действительно, омела обладает целебными свойствами, которые даже сегодня используются в гомеопатии. Таковы и другие растения, которые ищут друиды, – вербена, *selago* (разновидность можжевельника казацкого), болотное растение *samolus*. Впрочем, они, видимо, всякий раз наделяются двойной силой – терапевтической и магической. Всегда, чтобы сохранить свои благие свойства, растение должно быть собрано самими друидами, которые для каждого из них совершают особый ритуал. С обнаженными, чисто вымытыми стопами они делают приношение хлеба и вина, растение берется правой рукой без использования ножа. Правая рука просовывается через левое отверстие в тунике, как это делают воры. Либо, наоборот, совершают действия только левой рукой, натощак, не глядя на растение, и т.д. То, что сбором занимаются исключительно друиды, с обязательным совершением жертвоприношения, указывает, что все подобные

растения рассматриваются как священные. А к людям они попадают через привычных посредников — друидов, которые при этом должны блюсти свою чистоту. Значит, речь идет о белой магии, в которой задействованы свойства растений — реальные или вымышленные. Притом что используются терапевтические свойства растений, их вредоносные свойства тем не менее не игнорируются. Один из древнейших текстов, в котором упоминаются галлы, восходящий к IV веку до н.э. и скомпилированный Страбоном, сообщает, что галлы вытягивают из некого дерева смертоносный яд, которым смазывают свои стрелы. Ботаникам удалось идентифицировать данное растение: речь идет о *Datura Stramonium*, ядовитость которого хорошо известна.

Существует и другая форма белой магии, но в данном случае она основывается на символах. Плиний приводит любопытный ее пример: сбор змеиных яиц. Такое яйцо, которое на самом деле должно представлять собой скорлупу ископаемого морского ежа, считается произведенным переплетающимися змеями. Яйцо, получившееся из их слизи и слюны, внезапно выбрасывается в воздух одной лишь силой шипения рептилий. Желающий его заполучить должен сделать это во время определенной лунной фазы, поймав яйцо, не дав ему упасть на землю и тут же должен ускакать на лошади. Полученная таким способом драгоценная вещь становится талисманом, который помогает выиграть тяжбу и облегчает доступ к власть имущим.

Естественно, параллельно, скрыто существовала и черная магия. Ей занимаются индивиды-маргиналы. Расцвет она переживает лишь в течение нескольких десятилетий после римского завоевания, когда обрушилась вся галльская религиозная структура и полностью исчезло жреческое сословие. Называющие себя ватами или друидами люди,





Свинцовая пластина из Ларзака

более-менее образованные, чтобы справиться с переводом галльского на латынь и наоборот, составляют различные колдовские формулы. Самый известный документ подобного рода — это «свинец из Ларзака» — свинцовая плитка, на которой записан самый длинный галльский текст из всех известных. Там написано то, что латины называют *defixio* — то есть колдовская формула, направленная в адрес целой группы колдунов, подозреваемых в том, что оказывают влияние на ход судебного дела с помощью магии. Подобные таблички с *defixio*, как правило из свинца, нередко встречаются в Галлии. Очевидно, они несут сильное влияние Рима. На самом деле письменность до завоевания Цезарем никогда в религиозных делах не использовалась. Однако факт нахождения подобных вещей в местах культа и то, что в них содержатся мольбы к галльским богам о помощи, позволяют предположить, что практики чародейства издавна существовали в традиции галлов.

VII

СЛОВЕСНОСТЬ И УЧЕНОСТЬ

Отсутствие каких-либо документов, записанных до римского завоевания, и существование с древних времен мифа о невежестве галлов — все это мало-помалу способствовало утверждению мнения будто бы духовная деятельность, литературное творчество и занятия науками для галлов были невозможны. Однако вот что пишут древние историки. «Это люди необычайно сообразительные, обладающие потрясающей способностью перенимать и воспроизводить все, что им показали», — говорит Цезарь, который припоминает рассуждения Посидония касательно галльского искусства и технологий, когда видит, что его противники создают защитные сооружения, необычайно эффективные в противостоянии с легендарными римскими осадными машинами. Страбон и Диодор Сицилийский кратко воспроизводят длинный отрывок того же Посидония, посвященный научным занятиям галлов. Страбон: «Они предаются изучению духовной культуры и риторики». Диодор: «У них проницательный ум, не лишенный естественной склонности к наукам». Эти ясно выраженные и единогласные мнения доказывают, что галлы обладали открытым пытливым умом, отлично усваивающим новые знания, будь то в философии, гражданских и военных искусствах, а также в политике и законоведении. Археологиче-

ские находки, касающиеся орудий труда и методов строительства, подтверждают не только упомянутую Цезарем изобретательность и высокое техническое мастерство, но также главным образом необычайное стремление ко всему новому, проявляющееся как в идеях, так и в их практическом применении. Так что надлежит восполнить, тем более что это возможно, наши представления об обширности и глубине познаний галлов.

ГАЛЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Читая «Галльскую войну», можно видеть, как главные герои этой книги перемещаются от Рейна до Пиренеев, от Арморики до Альп. Они совещаются, выступают перед собраниями, созывают свои войска. При всем при этом никаких языковых трудностей не возникает. Когда же Цезарь обращается к местному жителю, он подзывает переводчика с галльского, а, скажем, не с тревирского или эдуйского. Если эти факты и не позволяют говорить о существовании единого галльского языка, на котором одинаково говорят все жители Галлии, то они хотя бы доказывают наличие языка, общего для многих народов, но могущего содержать разные диалекты. Античные авторы указывают, что подобное общение на одном языке упирается в некие пределы. Цезарь, в частности, говорит, что германец Ариовист, благодаря долгой практике, хорошо изучил галльский. Страбон напоминает, что античные географы и историки отделяют аквитанцев от прочих галлов по той причине, что у них несколько другой язык. Наконец, Тацит разъясняет нам, что кельты Паннонии, видимо, говорят не на галльском языке. Галльский, таким образом, представляется чем-то вроде старорежимного французского, пока он не был приведен к общему знаменателю едиными законами и

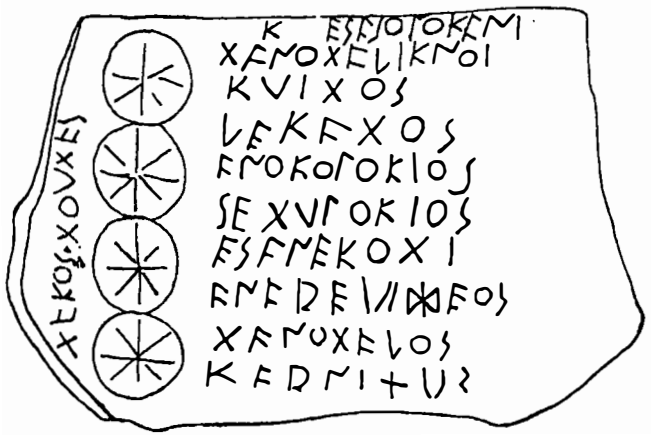
единой системой образования. В нем есть случаи разного произношения, в нем разнится словарный запас, но он понятен всем жителям Центральной, Западной и Северной Галлии.

Изучение этого языка в большей степени, чем других аспектов галльской цивилизации, должно было бы страдать от отсутствия письменных документов, составленных либо местными жителями, либо скопированных их соседями. Но как ни парадоксально, это не так – с эпохи Ренессанса гуманисты им живо интересовались, они стремились собрать о нем все сведения. Эта работа никогда не прерывалась. В 1918 году Жорж Доттен написал первый большой труд «Галльский язык». Еще одна работа, другого автора (Lambert P.-Y.), под тем же названием появилась в 1994 году (она написана на основе самых недавних открытий в лингвистике). Наконец, на данный момент мы располагаем «Словарем галльского языка» – свыше 950 слов. Но при всем блеске этих работ не нужно забывать о бедности источников, на которых они основаны. Действительно, мы не располагаем ни одним письменным текстом, переведенным на греческие или латинские литеры самими галлами или иностранными путешественниками. Не существует никакого философского камня, который дал бы подстрочный перевод хотя бы короткого текста. Используемые документы – это прежде всего погребальные или исполненные по обету надписи на камнях на галло-этрусском, относящиеся к Цизальпинской Галлии, и на галло-греческом, относящиеся к юго-востоку Франции. Это также надписи на различных предметах или свинцовых пластинах на галло-латинском языке, найденные в Центральной Галлии. Первые восходят ко II веку до н.э., вторые – датируются III–I веками до н.э., причем самые поздние датировки относятся к первым десятилетиям, после-

довавшим после римского завоевания. Документы второго типа включают в себя имена и этнонимы, определяемые античными авторами как галльские, а также которые можно отнести к таковым, поскольку они представляют собой слова с теми же корнями. Наконец, это галльские слова, позаимствованные латинским и греческим, либо сохранившиеся в романских языках. В целом античные, а потом и средневековые толкования отмечают и объясняют такие заимствования.

Характер подобных документов обусловливает и характер нашего знакомства с языком. У нас имеются обширные сведения по словарному запасу, фонологии и морфологии. Зато синтаксис представляется областью почти неисследованной. Начинают раскрывать свои тайны склонения. Также намечается просвет в спряжениях. Они позволяют прочтение, пока ненадежное, первых галльских текстов, открытых в последние десятилетия, — например, свинцовых табличек из Ларзака и из Шамальер.

В работах по галльскому языку используются значительные открытия в лингвистике, сделанные в течение двух последних столетий. Издавна известно, что галльский является индоевропейским языком. Но теперь хорошо известно и его положение относительно других языков этой семьи. Он принадлежит к кельтской группе, разные языки в которой можно расположить на чем-то вроде генеалогического древа. Предком будет «общекельтский», который мог сформироваться до первой эпохи железа и из которого берут начало пять языков-побратимов: кельтиберский, на котором говорили в Испании с 300 по 100 год до н.э.; лепонтийский, распространенный в регионе италийских озер между 700 и 400 годами до н.э.; галльский — в долине По, в современных Франции, Бельгии и Швейцарии с 300 года до н.э. примерно по 200 год н.э.;



Кельтская надпись, сделанная лепонтийскими буквами. Сан-Бернардино, Италия

бриттоник (породивший бриттские языки) в Великобритании в начале нашей эры; гойдельский (от него произошли гойдельские языки) Шотландии и Ирландии в неустановленную эпоху. Вопреки тому, во что долгое время верили, бретонский – язык, на котором еще и сейчас говорят в Бретани, – произошел не от галльского, а из бриттоника, который также породил гэльский и корнуэльский (корнский). Открытие такого родства является весьма важным событием, так как оно, естественно, обусловливает дальнейшее изучение эволюции языка. Отвергнуто представление о галльском как об этапе в становлении протобриттоника, что делало бы его весьма схожим с бретонским и гэльским. Наоборот, его теперь рассматривают как один из компонентов «континентального старокельтского», близкого к лепонтийскому и кельтиберскому, в дешифровке которых также произошел значительный прогресс. Таким образом, есть смысл считать, что благодаря археологическим открытиям новых текстов изучение галльского языка будет успешно идти и впредь.

Больше всего открытий в ономастике. Она включает в себя четыре области: антропонимы, теонимы или имена богов, названия племен и названия мест. У всех названий, входящих в данные категории, один и тот же способ формирования, основывающийся на словопроизводстве (деривации) и на сложении.

В антропонимах используются собственные патронимические суффиксы. Это *-io, -icno, -aco.* Например, Тарбейсониос (сын Тарбейсона), Трутикни (сын Друтоса). Либо генитив, указывающий на родство, – например, Марциалис Даннотали (Марциал, сын Данноталоса). В антропонимах также используется, без удержания, сложение префикса с существительным (анде-камулос, «главный слуга»), существительного с прилагательным (даго-литус, «обладающий немалой силой»), существительного, глагольного предмета и суффикса агенса (намантобог-иос, «тот, кто поражает врагов»), или просто существительного с другим существительным (думнорикс, «царь мира»).

В названиях племен используются собственные деривативные суффиксы на *-on* (редоны «ездовые колесниц» – здесь основа *reid-*, «ездить на повозке»), на *-eto-, -et-* (калеты, «доблестные»), на *-âko-, iko-* (примеры: *Aremorici, Bellouaci, Latobici* и т.д.), на *-ati (Atrebati, Tolosates).* Элементы, входящие в сложения, содержат числительные (*Petrocorii, Tricorii,* «из четырех войск», «из трех войск»), глаголы (*Tectosages,* «те, кто ищет крышу», *Eburovices* «те, кто побеждает вепрей»), предлоги – такие, как *are-* (перед), *ambi-* (по обеим сторонам), *au-* (далеко от) и т.д. и другие элементы – существительные и прилагательные.

Топонимы чаще всего являются составными, в которых используются те же элементы, которые только что упоминались, – это главным образом существительные и прилагательные. Наиболее часто

употребляемыми составными элементами являются следующие:

benna, «острие»,
-bona, «источник»,
brîva, «мост, брод»,
briga, «возвышенное место, холм»,
dûno- и *-dunum*, «сильный»,
duro- и *-durum*, «форум, рынок»,
ialo- и *-ialum*, «поляна»,
lano- и *-lanim*, «ровный»,
mago- и *-magus*, «плоский»,
nemeto- и *-nemetum*, «священный лес или участок»,
randa, «граница»,
rito-, «брод».

Некоторые названия рек — такие, как *Axona* (Эна), *Avantia* (Ванс), *Vârus* (Вар), *Isara* (Уаза, Изера), — являются более древними, или до-кельтскими, и возможно, что их составляющие не принадлежат к вокабулярию галльского языка, находящегося в употреблении.

ЛИТЕРАТУРА

По уже указанным выше причинам галльская литература не являлась письменной. Впрочем, от этого она не переставала быть подлинной литературой — богатой, разнообразной и впечатляющей. Тому есть одно объяснение: она была уделом профессионалов — друидов и бардов. Это то, о чем говорят многие античные авторы, даже из числа самых древних. Так, анонимный автор «Описания» (*«Periegesis»*), которое было написано до 110 года до н.э. и посвящено царю Никомеду из Вифинии, пишет: «У кельтов обычаи и нравы эллинские, и это благодаря частым связям с Элладой и радушию, с которым они принимают иноземцев из этой страны». Страбон, основываясь на свидетельстве Посидония, подтверждает преобладание греческой культуры в Галлии до римского

завоевания. «Массалия, — пишет он — еще совсем недавно для варваров была школой, она делала из галлов эллинофилов, и они даже свои договоры составляли на греческом языке». Некоторая близость двух языков — галльского и греческого — располагала галлов к эллинской культуре.

Латины, со своей стороны, говорят то же самое. Самыми древними сведениями касательно галлов они обязаны тому, кто был в Италии их лучшим знатоком — Катону Критику. Эта информация, записанная где-то в конце первой половины II века до н.э., гласит, что «большая часть Галлии в совершенстве овладела двумя искусствами — войны и риторики». Иначе говоря, в Галлии с начала II века уже существовала настоящая риторика, которая изучалась в школах и навыки которой применялись в собраниях. В своей утраченной работе Посидоний должен был реалистично обрисовать этих ораторов, так как у Диодора мы находим такое описание: «Их голос низкий, а интонации крайне резкие. Их слово кратко, энигматично, преисполнено аллюзий и намеков. Иногда, чтобы возвысить себя и принизить кого-то, применяются гиперболы. Их тон угрожающий, высокомерный и трагический». У этого ораторского искусства тем более есть причины развиваться, что оно применяется во многих обстоятельствах — на политических, военных и судебных собраниях, в любых ситуациях, где требуется некий церемониал, но также на пирах и в словесных перепалках, предшествующих кулачному бою и дуэли.

Кроме регулярных импровизированных упражнений, в которых мастерство владения языком основывается на формулах, на повторяющихся образах, огромное место занимает поэзия, передающая тексты различного содержания в стихотворной форме. Только она обеспечивает долговечность любому тексту, какой бы природы он ни был. По не-

обходимости поэзия носит в первую очередь поучительный характер. Суть передаваемого знания включается в обширные поэмы, которые ученики, выучивают наизусть. Использование мнемотехники и рифмованных каталогов позволяет выучивать тысячи стихов. Поэзия является делом друидов, которые через нее передают исторические, географические и научные знания.

Барды практикуют свое искусство не только в школах и собраниях, но в любой среде и при любых обстоятельствах. Они, подобно греческим аэдам, являются, согласно определению Марселя Детьенна, «служащими верховной власти». Их задача – прославлять доблестного воина и того, кто добился власти благодаря своим добродетелям. Первого они сопровождают на поле брани, второго – в собраниях и посольствах. Им не претит и самая ядовитая сатира, поскольку хвала добродетельных питается, в частности, за счет осуждения трусов и негодяев. Барды и их поэзия не только являются хранителями и певцами воинской доблести и героизма. Позже, когда воин-победитель уступил место жадному до влияния политику, у бардов возникли некоторые трудности с тем, чтобы сохранить за собой нишу в таком, столь прозрачно структурированном, обществе. Их поэмы теряют всякую сакральность, торжественность, становятся слишком выспренними и нравоучительными. Посидоний сохранил для нас воспоминание об одном из таких несчастных поэтов: «Однажды, когда Луэрн (отец царя Битуита) давал большой пир в день, что был заранее установлен, один поэт у этих варваров прибыл слишком поздно. Он предстал перед Луэрном с песней, в которой воспевалось его величие, но, при этом, жалуясь на свое опоздание, вину за которое он остро чувствовал. Правитель, которого позабавили эти стихи, потребовал кошелек с золотом и бросил его барду, поместившемуся сбоку

его повозки. Бард подобрал его, и пришлось прослушать его новую песню, в которой были слова о том, что следы, оставляемые на земле повозкой правителя, — это борозды, расточающие людям золото и благодеяния». Продажность до некоторой степени возместила отсутствие цензуры, но она не искоренила полностью находчивость и образность.

Населением лучше всего усваивается такой род литературы, как эпическая поэзия, большую часть своих сюжетов черпающая в военных событиях. «Под сладостные звуки лиры барды воспевали подвиги великих людей в героических стихах», — пишет Аммиан Марцеллин. Элиэн уточняет: «Сюжетом своих песен они выбирали тех, кто нашел красивую смерть на поле брани». Это указывает, до какой степени — по тематике, по распространенности во всех слоях населения, по личностному складу авторов и исполнителей — эти галльские эпопеи были близки двум длинным поэмам Гомера, которые для греков являлись не только квинтэссенцией всей их литературы, но и чем-то вроде Библии.

В античных источниках нет ни единого упоминания о существовании более популярного и живого литературного жанра — драмы. Впрочем, ее присутствие в протоисторической Галлии весьма вероятно, поскольку она необходима для не столь возвышенных умов, которые не в состоянии за одно прослушивание усвоить очень длинные и зачастую трудные тексты. Без нее было бы трудно объяснить значительный успех сельских театров в начале галло-римской эпохи.

ФИЛОСОФИЯ

Если для кого-то еще неочевиден высокий уровень развития галльской цивилизации, то последним аргументом станет наличие у галлов филосо-

фии, о чем свидетельствуют греческие авторы, начиная III века до н.э. Некоторые из них, такие как Антисфен Родосский, – без колебаний относили вообще зарождение философии к варварам, в частности к кельтам и галлам. Это мнение, конечно, являлось крайним и преувеличенным, но оно ценно тем, что породило влиятельных оппонентов, которые уже в очень раннюю эпоху вынуждены были упоминать о мудрости негреческих народов. Именно в связи с этим вопросом друиды и «семнотеи» впервые упоминаются в античной литературе. О вторых, чье имя соотносили с греческим термином, обозначающим шаманов, нам не известно ничего, кроме того, что, как указано в одном источнике, они были связаны и даже отождествлялись с друидами. До эпохи Цезаря авторы, упоминавшие о философии в Галлии, единогласно считали друидов главными творцами ее. Без них галльской философии не было бы, как не было бы персидской философии без магов.

С античной эпохи происхождение друидов и их мудрости является предметом споров. Некоторые писатели представляют друидов как наставников Пифагора, ряд других, наоборот, называют их его учениками. Первая гипотеза неприемлема по причине хронологии, так как расцвет друидов приходится на IV и III вв. до н.э., – намного позже смерти Пифагора. Вторая гипотеза тоже не внушает доверия, поскольку невозможно представить, что кельты со второй половины VI века могли иметь доступ к очень замкнутому кружку Пифагора. Зато вполне возможно, что галлы, захватившие всю Италию и, в частности, Великую Грецию, в V веке до н.э. вступали в контакт с последователями Пифагора, и это в немалой степени на них повлияло. Идеи, исповедуемые друидами относительно существования души, ее бессмертия, метемпсихоза, нравственной чистоты, находят не просто отголоски, но подлинные па-

раллели в пифагорейских теориях. В середине I века до н.э. галлы сообщают Цезарю, что учение друидов зародилось в Британии, что оттуда оно было принесено в Галлию, и потому все желающие усвоить его в совершенстве отправляются на Британские острова. Данная информация – по крайней мере первая ее часть, – совершенно ложная, поскольку по соображениям хронологии белгские кельты прибыли на остров Британия в середине III века до н.э., то есть тогда, когда слава друидов была уже столь велика, что достигла Аристотеля и автора трактата «Магия». Значит, к тому времени философия друидов уже несколько десятилетий образовывала стройный свод доктрин. На самом деле такое народное поверье просто пыталось объяснить, почему те, кто хотели стать друидами, без колебаний пересекали Ла-Манш, чтобы получить в Британии необходимое образование. В Британии действительно доктрины, благодаря преимуществам островного бытия, могли сохранять свою первоначальную чистоту. Это народное поверье дает нам дополнительную любопытную информацию. Оно подразумевает, что среди кельтских переселенцев Британии были и друиды, исповедовавшие учение, которое позднее в их среде будет считаться наиболее чистым.

Философия друидов, как и философия досократиков, имеет форму универсального знания, куда входят этика, метафизика, математика, астрономия, а также столь различные отрасли знания, как география, ботаника, зоология и т.д. Эти разные области знания еще не отделены друг от друга, но остаются тесно друг с другом связаны, поскольку ни одна в этот исторический период не получила статус независимой науки. Это были тропинки и пути, которые пробивала человеческая мысль, начинавшая отстаивать свое право на разумность. Разумность, рациональность мысли провоцировала глубинный

разлом в системе мышления, унаследованной от доисторических времен, большую часть в которой занимали суеверия и представления о каких-то сумрачных деяниях неблагосклонных к людям божеств. Вера в сверхъестественные силы, господствующие над материальным миром, оставляла место лишь фатализму для обездоленных людей и религиозным обрядам (жертвоприношения) для богатых. Друиды же, наоборот, настойчиво добиваются точного описания мира, чтобы лучше постичь его и вывести отсюда его первопричины. Такие всесторонние поиски знания, которые предлагаются мышлению, вовсе не отвлеченны. Они имеют цель – сделать человека совершеннее. И вернейшее средство для этого – обеспечить ему благоприятные условия жизни. Подобные взгляды выводят друидов за пределы отвлеченных философских знаний. Они становятся защитниками и проповедниками морали, столь высокой, которой могли бы позавидовать греческие и восточные мудрецы. Но прежде они обращаются к юношеству, которое должно применить на практике их знания, а также становятся учителями простого народа – единственной силы, которая может защитить стоительство лучшего мира от алчности властей предержащих. Друиды обращаются к правосудию, и общество верит в их правоту, поскольку они – «справедливейшие среди людей». Логическим завершением их деятельности является политика. Друиды способствуют тому, что в Галлии, где власть опирается только на силу, законы регламентируют ее применение. Они участвуют в разработке политических институтов и следят за тем, чтобы они исправно работали. Своим греческим соседям Галлия под владычеством друидов представляется воплощением рая. Однако эта духовная власть, столь могущественная в приложении к повседневной жизни, опаляет крылья кое-кому из своих держателей.

Показателен пример Дивициака, верховного судьи эдуев: сенатор, военачальник, лидер проримской партии — он лишь в частной беседе с Цицероном вспоминает, что он еще и друид. Для Цезаря же он всегда был просто невесть каким политиком, со своими достоинствами и недостатками.

Среди своего народа и своих учеников друиды проповедуют учения о природе вселенной, о ее строении, о бессмертии души, ином мире. По их представлениям материя состоит из первоэлементов, основными из которых являются огонь и вода. Вселенная не является ни незыблемой, ни постоянной, она живет в циклическом ритме. Однажды наступит ее конец, и воцарятся огонь и вода. Душа бессмертна, но не в качестве части вселенной. Она индивидуальна, и ее судьба зависит от того, какую жизнь ведет человек. Добродетельная жизнь и героическая смерть могут способствовать достижению душой небесного рая, населенного богами. В другом случае ей обещан долгий круг воплощений. Подобные учения в определенный момент могли сформировать цельный и структурированный

Пилигрим. Галло-римский рельеф. I–III вв. н.э.

свод доктрин, с которым были согласны большая часть друидов и последователей.

Доктрины сопровождаются предписаниями или правилами, соблюдение которых должно позволить человеку достичь рая. Диоген Лаэрций указывает, что такие сентенции друидами формулируются энигматически – это еще одна черта, сближающая их с пифагорейцами. Если поразмыслить над мистериальными жестами, совершаемыми друидами во время сбора лечебных или священных растений, то можно составить верное представление об этих формулах. Они могли походить на некоторые пифагорейские символы – такие, как «не разжигай огонь с ножом» или «не носи кольцо». В любом случае показательно, что единственными друидическими предписаниями, сохраненными античными авторами, являются как раз моральные – совершенно прозрачные и понятные, такие, как: «следует почитать богов», «не следует творить зло», наконец, «следует быть мужественным». Эти три формулы уже сами по себе достаточно явно резюмируют учение друидов и указывают на то, какое место друиды занимают в обществе. Приоритет отдан религии, что выражается в почитании богов и, следовательно, тех, кто представляет их в людском мире. Впрочем, человек сам должен найти свой путь, выбор которого должен определяться стремлением к добру. Но данная моральная цель не заменяет древние героические добродетели.

НАУЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Вычисления, геометрия, наблюдения за звездами с доисторических времен являлись занятиями почти повседневными. Познания в этих областях были скудными и целиком эмпирическими, передача этих знаний не имела определенной системы. Здесь дру-

иды, как и во многих других областях, совершают переворот. Наблюдения за природой, за вселенной и обаяние мира чисел напрямую связаны с их философией и их религиозной концепцией. Их признаваемая всеми ученость является основой их завидного положения в обществе. Потому эта ученость ревниво оберегается – она не разглашается через письменность, она дозированно выдается ученикам. Именно она обеспечивает друидам господство во всех тех сферах жизни, которые мало-мальски отличаются от повседневности – реализация больших проектов в сфере обустройства или архитектуры, дипломатические сношения, дела правосудия и законодательства, то есть все, требующее интеллектуальных способностей выше среднего. Однако это не является тем капиталом, на котором друиды могут существовать бесконечно. Обычный галл, человек из простонародья, вероятно, непросвещенный, – любознателен, всегда рад встретить иностранца, от которого ждет рассказов о путешествиях, описаний дальних стран. Он по-своему мудр, однако мудрость его практического, житейского свойства, проявляющаяся в сфере технической сноровки. Он искусен и переимчив в ремеслах, все новое схватывает на лету. Галл очень наблюдателен в повседневной жизни. Греческие и римские путешественники вполне категоричны в данном отношении. То есть галл, даже если его умственные способности мало развиты, весьма требователен к тем, кто представляется ему учеными людьми.

Галлы и, в частности, друиды страстно увлекаются числами. Это выражается прежде всего в их навыках в счетоводстве, применяемых в различных областях, в религиозном календаре, при переписи населения, в пересчете денег. В отличие от других областей знания данная сфера имеет то преимущество, что в ней может использоваться

письменность. Сакральные календари, чье место в святилищах, вырезаны на подпорках, и с помощью подвижных рисок они становятся вечными, примером чего служит «Календарь из Колиньи». Результаты переписи населения записываются на регулярно подытоживаемых табличках. При переписи тщательно разделяются мужчины, женщины, старики и уточняется денежное положение каждого. Денежные отношения семей также являются постоянным предметом тщательных уточнений и выверок. Такие записи имеют ценность юридических документов. Известно также, что признание долгов делается в письменной форме. Все эти документы пишутся греческими буквами, и это означает, что они находятся в употреблении задолго до римского завоевания. Но числа полезны и с другой точки зрения — они являются выражением сакрального и даже образом вселенской гармонии. Мы уже видели, что друиды пользуются ими при особо мудреных формах гадания.

Геометрия, известная своим громадным влиянием на зарождающуюся западную науку и рациональный образ мыслей, постоянно используется галлами в строительстве, при выделении наделов и участков. Но главным образом ею пользуются ремесленники, создающие вещи и механизмы по планам и стандартным формам. Как правило, используются простые фигуры (прямоугольник, квадрат, круг, правильный многоугольник), но их применение при строительстве больших зданий требует инструментов, более сложных, чем угломер, бечева или простейшие системы наведения. Требуются математические инструменты — такие, как «золотой треугольник», описанный Витрувием, с длиной сторон 3, 4 и 5 единиц соответственно. Неизвестно, стоит ли приписывать подобные знания влиянию пифагорейцев, то есть контактам галлов

с интеллектуалами Великой Греции, так как подобные инструменты уже были известны египтянам и жителям Месопотамии.

Вероятно, самой широко практикуемой наукой в Галлии является астрономия. Свидетельство Цезаря категорично: «Друиды много рассуждают о звездах и их движении, о величии вселенной и земного мира... и они передают свои познания юношеству». Разумеется, невозможно составить верное представление о результатах, которых достигли эти наблюдения и работы. Известно только, что Посидоний, который сам был сведущ в астрономии и математике и у которого Цезарь черпает эти сведения, признает их высокий уровень. Археология предоставляет примеры применения этой науки при строительстве некоторых сооружений. Так, положение культовых мест и их планировка соответствуют требованиям астрономического свойства. Четыре стороны святилища в Гурнэ ориентированы на четыре кардинальных точки — вход обращен в сторону восходящего солнца, а ось, которая соединяет вход с полым жертвенником, точно указывает на место восхода солнца в день летнего солнцестояния. Но самым любопытным приложением галльской астрономической практики является составление календарей.

Медицина не является наукой в собственном смысле, но скорее практикой, утоляющей жажду научных познаний. В Галлии она практикуется при рационалистическом влиянии друидов; наблюдение за телом и за воздействием растений заменяется эмпиризмом, а исследование причин и стремление к полноценному выздоровлению — магическими обрядами. Хирургией издавна занимаются компаньоны воинов, чьи зачастую ужасающие раны требуют ампутации, надрезов скальпелем, даже трепанации и наложения швов — операций рискованных, но не-

обходимых. Часто приходится заниматься вправлением переломов. Разумеется, за счет военной медицины пополнялись анатомические познания. Но она также является привилегией совершающих жертвоприношения, тех, кто в редких случаях приносит в жертву людей. Они вскрывают их тела и изучают внутренности, чтобы обнаружить при этом какие-то божественные знаки. В анатомии используется также опыт тех, кто практикует танатопраксию и любые формы консервации человеческих останков. Друиды вводят еще одну медицинскую дисциплину — растительную терапию. Притом что сбор ими растений происходит при неукоснительном соблюдении ритуалов, сами по себе свойства растений не должны ставиться под сомнение. Омела, вербена, можжевельник казацкий — растения, которые упоминаются Плинием как собираемые друидами, — обладают медицинскими свойствами, признанными современной наукой.

Физика и химия, разумеется, еще неведомы как независимые отрасли, но их принципы и законы уже наблюдаются и ставятся на службу зарождающимися технологиями, каковыми являются кузнечное дело и ковка металлов, ювелирное дело, эмалировка. Сооружение низкошахтных печей, контроль температуры, овладение искусством плавки, восстановления руды, пайка и т.д. являются тонкими техниками, медленно подготавливающими появление этих наук.

VIII

ИСКУССТВА

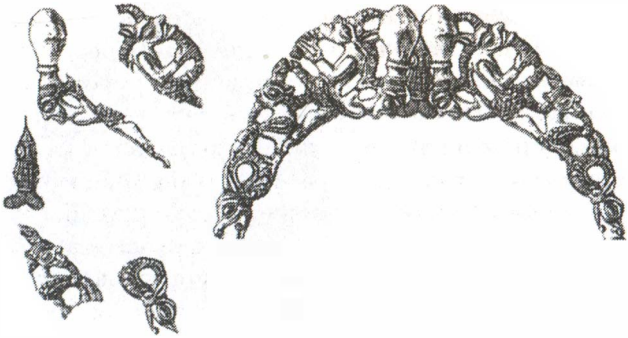
Долгое время о галльском искусстве ничего не знали или не считали нужным о нем упоминать. Рядом с греческими скульптурными и архитектурными шедеврами редкие находки в Галлии представлялись самим примером отсутствия у варваров художественного вкуса. Еще в 1920 году в знаменитой «Истории Галлии» Камилю Жюлиану претит употребление слова «искусство» и он говорит лишь об «этой любви галлов к красивым вещам». Лишь несколькими годами позже, когда на Западе открывают местные искусства, к которым ныне употребляют термин «первичные», кельтское искусство получает полноценное право гражданства и занимает место рядом с другими основными эстетическими произведениями античности. Во многом этой запоздалой реабилитации содействуют сюрреалисты и Жорж Батайль.

На самом деле в Галлии с толку сбивает множество и разнообразие произведений, истоком имеющих кельтское искусство. Оно ни в коей мере не укладывается в современную концепцию искусства, напрямую наследующую греко-римской культуре. Изобразительные формы и их основы фундаментально отличны, так же, как и семиотическое содержание произведений. Галл не стремится воспроизводить реальность, еще меньше — ее превозносить. Надо сказать, что он следовал другим путем, нежели тем, который в высшей степени присущ грекам, —

Шлем из Агри, покрытый золотом и кораллами. IV век до н.э. Шаранта, Франция

необходимостью наделять богов человеческими чертами и, следовательно, тем видом совершенства, который они могли найти в формах человеческого тела. Вопреки тому, что утверждает Жюлиан, если галлы и любят красивые вещи, от художника они ждут чего-то иного, нежели просто услаждающей взор красоты. Замечательно, что человек, любующийся сегодня или созерцавший двадцать столетий назад галльские золотые или серебряные ювелирные изделия, убранство воинских доспехов, рисунки на ножнах мечей или изображения на монетах, чувствует, но не может до конца понять, какое, кроме внешней красоты, заключено в них послание. Изобразительный язык кельтского искусства — это настоящая образная речь, передающая наставления «владеющих истиной» друидов и бардов. Предметы повседневного обихода всегда были рядом с галлом, их он даже носил на теле, они составляли часть его жизни. Они действовали как побудительная мечта — заставляли человека обращаться к тому, что ныне называют «бессознательное», а в древности — «эманация божественного». Вызываемые ими эмоции целостны, интегральны. Современного зрителя восхищают их необычная красота и ускользающее невыразимое содержание, чуждые ценителям традиционного искусства.

В произведениях галльского искусства можно выделить три периода. Они более-менее соответ-



Ожерелье из Эрштфельда. Начало III века до н.э. Швейцария

ствуют хронологическому делению второй эпохи железа. Самый древний (с V по IV век до н.э.), который можно назвать «декоративный стиль», продолжает, глубинным образом видоизменяя при этом иконографические темы, искусство первой эпохи железа, или гальштатское, в котором в изобилии были задействованы геометрические мотивы. Разнообразные изделия заимствуют многие мотивы из соседних или более-менее далеких культур (греческой, этрусской, скифской и фракийской). Это пальметта, цветок лотоса, вязь. Все эти сюжеты не фигурируют по отдельности, но вплетены в линейные композиции (стиль под названием «непрерывный растительный»), в которых итоговая, зачастую крайне замысловатая, композиция заставляет почти исчезнуть первичные сюжеты, ее слагающие. Также появляются более образные темы, птицы, монструозные или мифические персонажи (грифон, змея, получеловеческое-полуживотное существо и т.д.). За этим стилем, который пока еще пребывает в поиске самого себя, следует расцвет (середина IV – начало II века до н.э.), отмечающий апогей кельтского искусства в Галлии. Теперь художник свободен от всяких стесняющих рамок ритма и

фигуративной логики. Он более не озабочен тем, насколько практичен материал, но, наоборот, обыгрывает все сложности, предлагаемые формами предметов, обычно считающихся непригодными к декорации, — части амуниции, составленные из колец[1], ножны, луки, фибулы и т.д. В рисунке и пластике равным образом присутствует виртуозность. Данный период скорее характеризуется «стилем мечей» (рисунки, нанесенные с помощью штампа), чем «пластическим стилем», характерная черта которого — смелая лепка, выполненная в технике растаявшего воска. В обоих случаях самым примечательным элементом является присутствие более-менее реалистичных образов, которые ведут игру с нашим взором: в рисунках они теряются в завитках разной кривизны, в скульптурных произведениях они разные в зависимости от угла рассмотрения (гримасничающая маска человека под другим углом зрения становится двумя бутонами на концах растений). Третий период (со II века до начала нашей эры) отмечен оскудением этого буйного воображения, на протяжении предыдущего периода казавшегося неистощимым. На предметах существенно сокращается площадь декорированной поверхности, украшения становятся стандартными, мотивы возвращаются к своим изначальным формам (крюки S, трискели с новыми геометрическими формами). Очевидно, бедность сюжетов, часто встречающаяся неумелость при исполнении, отсутствие фантазии отражают перемены в статусе и в индивидуальности художника. Однако этот период интересен двумя новшествами — необычайным развитием искусства гравировки на монетах при беспрецедентном увеличении количества изображений и растущем разнообразии материалов (золото, серебро, бронза

[1] Вероятно, речь о кольчуге. – *Примеч. пер.*

чеканная, бронза плавленая) и техническими инновациями в эмали. Эмаль применяется с IV века, но на этот раз она получает необычайное распространение, и в последнюю эпоху в ней будут применяться новые цвета (к красному добавятся белый, желтый, зеленый и синий).

АРХИТЕКТУРА

Скудость археологических следов в данной области никак не позволяет составить ясное представление об архитектурной деятельности. Кроме нескольких сохранившихся каменных стен *оппидумов* и нескольких муниципальных зданий, а также цоколей домов на юго-востоке Галлии, все конструкции деревянные. Конечно, дерево не позволяет строить столь же монументально, как в классическом мире. Для деревянных строений неуместна декорация скульптурой и живописью. Однако планы строений, о которых можно судить по отверстиям от стояков и оттискам леженей, свидетельствуют о том, что строения были вместительные, вероятно, очень высокие, что предполагали многие археологи. Находки нескольких осколков деревянных скульптур (один, в скважине Фельбах-Шмиден в Германии, представляет собой великолепного оленя), фрагментов облицовки самана, несущих на себе следы украшений (например, в аристократической вилле Монмартен), тоже доказывают, что о внешнем облике домов и культовых зданий, даже при том, что срок их службы был недолгим, галлы могли проявлять неподдельную заботу.

Обнаружение бесчисленного множества фрагментов железной сборки говорит о том, что эта деревянная архитектура гораздо более сложна, чем представляли до сих пор, и что она предполагает наряду с архитектурой каменной наличие множества

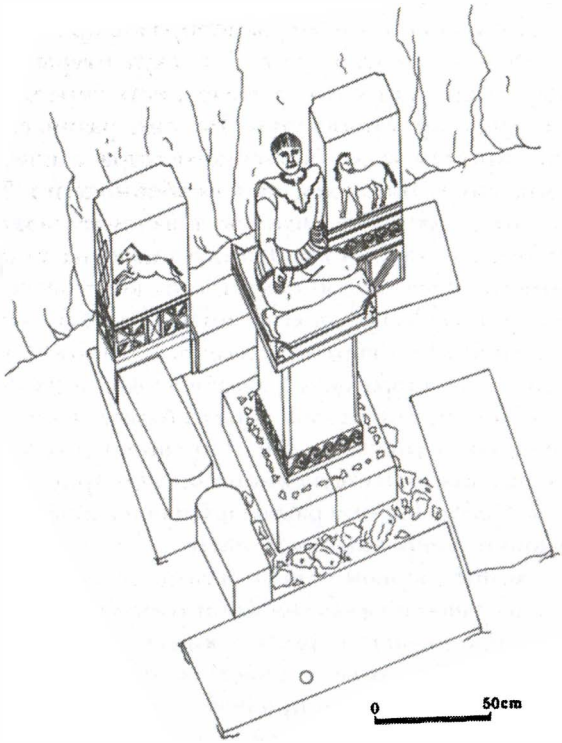
профессиональных гильдий. Требование предварительного изучения, составления геометрических планов, учитывающих рельеф местности, а, следовательно, — записей и чертежей, заставляет думать, что роль архитекторов при сооружении зданий, мало-мальски отличающихся от обычных, выполняют друиды. Подобная эксклюзивность и является причиной слабого развития данной отрасли.

СКУЛЬПТУРА

Равнодушие к человеческим изображениям не способствовало развитию данного вида творчества, которое у ближайших соседей галлов — греков и в первую очередь римлян, а также у этрусков и иберов имеет широкое распространение. Как уже было сказано, этот путь их не увлекает из-за нежелания изображать своих богов как совершеннейших из смертных. Подобное представление о богах им кажется нелепым и в то же время порождает удивление и, возможно, даже восхищение, как о том свидетельствует история о поведении Бренна в Дельфах, высмеивающего богов, но озаботившегося тем, чтобы забрать их статуи. Поэтому судьба данного вида искусства в кельтском мире определяется двумя факторами: престижными образцами, предлагаемыми ближними цивилизациями, и стеснениями всевластной религиозной идеологии; оно развивается не гладким путем эволюции, а неровными скачками.

В конце первой эпохи железа тесные связи между гальштатскими князьями и греко-этрусским миром приобщают первых к видам искусства, доселе им неизвестным, — в частности, к живописи и скульптуре. Их власть проявляется в превозношении собственной личности, и статуя натуральной величины играет здесь первостепенную роль, так как подавляющее большинство населения никогда

не видело подобных творений рук человеческих. Княжеские курганы Германии поставляют такие статуи в иератических позах, повторяющие греческие куросы. Во Франции, в Виксе, недавно были обнаружены две статуи – воин и женщина с ожерельями, похожими на те из золота, что были найдены в знаменитом захоронении. Их особенность в том, что оба покойника, несомненно, княжеского рода и изображены сидящими, как будто бы они лично принимают участие в собственных поминках, проходящих на небольшом огороженном участке, где



Реконструкция ансамбля, в который входят статуя и стелы. IV век до н. э. Глан. Сен-Реми-де-Прованс. Франция

эти статуи и были найдены. Эти вполне объемные произведения, впрочем, не обладают той выразительностью, что присутствует в современных им аналогах италийского мира. Лики не несут никаких запоминающихся черт — видимо, художник не ставил целью точно воспроизвести образы покойных. Индивидуальность их как будто проявлялась через эксклюзивность, свойственную пластическому творчеству данного скульптора.

В ту же эпоху на юге Франции, по обоим берегам Роны, большой популярностью пользуется каменная скульптура. Изделий много, они очень разного качества, но наибольшее разнообразие проявляется в способах изготовления. Есть скульптуры большого размера округлого рельефа, есть барельефы и элементы архитектоники. Но они разнятся от других произведений кельтского мира в изображениях животных, лошадей и особенно птиц. Еще нужно отметить, что люди часто запечатлеваются в менее застывших позах (самые знаменитые произведения — это люди, сидящие на корточках, из Рокепертюза, Антремона, Гланума и т.д.) и с большим реализмом. Одежда, элементы амуниции, драгоценности изображены старательно и подробно, но это не относится к чертам облика, которые, хотя изображены и в менее архаичной манере, продолжают подчиняться концепциям простоты и единообразия. Окраска использовалась не для цвета самого по себе, а для выразительности материалов (известняк, песчаник). Многие эти творения, как и на севере, должны воспроизводить черты покойника, но непохоже, чтобы они оставлялись исключительно в местах захоронений. Они могли размещаться в домах или в общественных местах. Вот почему некоторые археологи предлагают считать эти статуи изображениями предков или членов семьи. Эта гипотеза пока ничем не подтверж-

дена, но она могла бы помочь взглянуть по-новому на галльскую семью.

По всем галльским землям каменная скульптура исчезает с начала IV века и вновь появляется лишь после римского завоевания. Ее резкое исчезновение на пике развития – особенно на юго-востоке Галлии, – невозможно объяснить иначе как религиозным запретом того же рода, что прерывает распространение письменности. В этом следует видеть отпечаток друидических концепций, которые в то время переживают необычайный расцвет. Запрет настолько строгий, что он относится не только к изготовлению новых статуй, но производится выбраковка уже готовых, часть из которых сделаны столетие или два назад. Нельзя быть уверенным в том, что тогда, как предполагают некоторые историки, дерево полностью заменяет камень. Гипотеза еще и потому не заслуживает доверия, что два этих материала требуют совершенно разных техник обработки. Непонятно, почему умение резчиков по камню должно было бы быть заброшено, тогда как первые деревянные изделия (датируемые I веком до н.э.) далеко не свидетельствуют о длительной традиции этого дела. Появляющиеся в Галлии, особенно после римского завоевания, вытесанные стволы деревьев – к примеру, в верховьях Сены или в Шамальере – не обнаруживают никакой преемственности изделиям VI–V вв. до н.э. Деревья грубо обтесаны, и изображаемые индивиды вынуждены пребывать в строго определенных позах, диктуемых продольной формой бревен. Таким образом, второй период галльской скульптуры – от начала IV до I века до н.э. – характеризуется почти полным исчезновением оной, что в истории искусств является исключительным случаем.

Третий, поздний, период является скорее введением в галло-римское искусство, чем завершени-

ем кельтской экспрессии. Нельзя быть уверенным даже в том, что он начинается до римского завоевания. Единственным аргументом в пользу данной версии являются стихи Лукана, где описывается священный лес, который Цезарь приказал срубить: «Зловещие, безыскусные, бесформенные симулякры божеств возвышаются на пнях». Лукан, родом из Испании, пишет примерно в 50 году н.э.; вероятно, он впечатлен изобилующей продукцией подобного рода, которая сопровождает первые десятилетия романизации. Скульптура, на которой лежит сильный отпечаток римских образцов, в то время практикуется как неимущими ремесленниками, обосновавшимися при храмах, так и скульпторами, вероятно, римского происхождения, которые в совершенстве осваивают работу с бронзой. Творения, инспирированные кельтским духом, – такие, как божество из Эффине, – насколько бы занятными они ни были, не обнаруживают никакого прогресса по сравнению со своими дальними предшественниками конца первой эпохи железа.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Убранство самых разных предметов – от ювелирных уборов до фрагментов колесниц – было той областью, где творческое воображение кельтов проявлялось наиболее успешно и в течение долгого времени. Истоки этого занятия следует искать в первых веках эры металлов. Сохраняя особенности и традиции, его продолжают практиковать до времен Римской империи.

Причины такого увлечения искусством, кажущимся второстепенным оттого, что произведения умещаются на небольших площадях, весьма просты. Долгое время кельты были кочевым или полукочевым народом. Потому им не было смыс-

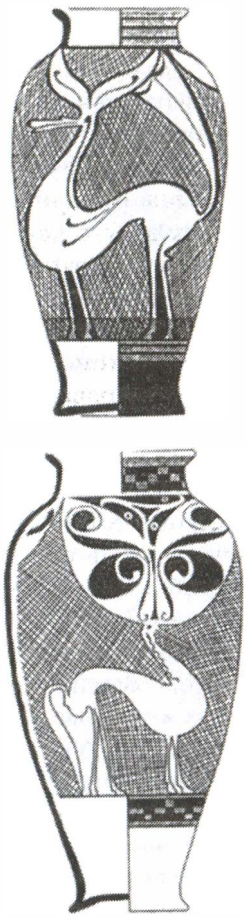
ла создавать какие-то произведения, которые невозможно взять с собой. Но в первую очередь они брали с собой то, что считалось тогда предметами роскоши, которые были признаком богатства и власти, – золото и скот. Обретя большую степень оседлости, галлы сохраняют эту привычку. У них она даже получает значительное распростране-

Украшения на ножнах.
А: Гурнэ-сюр-Аронд. В: Сернон-сюр-Кооле. Франция

ние — галлы уже не довольствуются тем, что носят украшения на себе, но стараются привнести их во все сферы повседневной жизни. Искусство украшения, с некоторыми разночтениями, происходящими из-за того, что обрабатываемые материалы разные, можно подразделить на три больших периода, совпадающих с периодами кельтского искусства в Галлии в целом.

Декоративным искусством занимаются как квалифицированные ремесленники, так и настоящие художники. Именно в ювелирном деле в широком смысле (украшения из золота, серебра и бронзы) заняты самые искусные мастера. Методы остаются довольно простыми (плавка методом расплавленного воска, листы золота, чеканка, паяние), но благодаря вдохновению, качеству исполнения и изысканности мотивов создаются подлинные шедевры. Одним из лучших примеров является набор из четырех золотых ожерелий и браслетов, найденный в Эрштфельде в Швейцарии. Декор этих вещей, датируемых концом V века до н.э., носит образный характер. Видны изображения животных и людей, они смешаны с привычными кельтскими мотивами (пальметты, вязь и бутоны). Все это невероятным образом переплетено и вызывает множество толкований. В два последующих столетия искусство выделки бронзовых браслетов, колец, фрагментов повозок, выполненных в технике расплавленного воска, достигает апогея. В это время украшения в противоположность драгоценностям из Эрштфельда, на которых изображение еще плоское, играют и со своей формой — часто кольцеобразной, и со зрением наблюдателя, предлагая ему различные интерпретации своего сюжета в зависимости от угла падения взгляда. Чередующиеся выпуклости и вогнутости, сферические утолщения со складками и насечками, переплетающиеся

на изображениях растения, животные и люди то скрываются, то появляются вновь. Никогда так кстати не были самые распространенные названия подобных произведений — «пластический стиль» из-за рельефа, где глазу как будто открывается четвертое измерение, и «стиль Чеширского кота» из-за композиций, где персонажи как будто играют в прятки.



Раскрашенная керамика из центра и востока Галлии

Как правило, гончары сами более-менее умело декорируют свои изделия. Потому везде присутствуют геометрические мотивы, не требующие никакого творческого воображения. Однако есть и замечательные исключения — керамика, украшенная сюжетами, обычно приберегаемыми для металла. Это вазы из Сен-Поль-де-Леон и из Келуэр Плуинек, на которых изображены большие пальметты и замысловато соединенные между собой завитки, по форме напоминающие букву «S». Это вазы из Шампани (Прюне, Пюизье), на которых те же сюжеты выполнены с помощью красной краски, приглушенные оттенки которой заставляют проявиться светло-желтый цвет и цвет жженой земли. Пластические украшения крайне редки. Однако известен один экземпляр,

ни в чем не уступающий бронзовым изделиям. Это большая плошка, найденная в Букеваль (Вальд'Уаз), полностью покрытая большими соединяющимися завитками в форме «S». Начиная со II века изобразительная экспрессия затрагивает и керамику. В центре и на востоке Галлии в изобилии производятся полностью выкрашенные вазы с зооморфными изображениями, обладающими высокой степенью графического совершенства (Ольна). Они еще несут на себе сильное влияние пластического стиля. От него они сохраняют крайне своеобразное строение фигур. Отталкиваясь от привычных сюжетов, тонко соединенных друг с другом (завитки, образующие фигуры лошадей, птицы и монстры, изображенные с совершенно неведомым ранее изяществом), они образуют переходную стадию к монетному искусству, где те же темы будут обыграны более просто, посредством гравировки на лицевой и оборотной сторонах монеты.

Изобразительное искусство переносится и на предметы повседневной жизни – будь они из качественного материала или просто из железа или глины. Больше всего это затрагивает печные принадлежности. Подставки для дров из обожженной земли имеют форму овнов с очень длинными шеями, украшенными завитками, имитирующими шерсть. Железные таганы принимают форму бычьих голов с присоединенными к верхнему краю рогами. У ведер декорированы медные или железные бандажи. Но стоит отметить, что эти предметы домашнего обихода – единственные, оставившие заметные следы. Столы, кровати, мебель и прочие деревянные предметы без следа исчезли. Но на примере изображений великолепного оленя и двух баранов в Фельбах-Шмидене мы видели, что элементы из дерева могут быть декорированы в стиле, весьма близком к фигуркам животных из Ольна.

ЧЕКАНКА МОНЕТ

Чеканка монет предоставляет галльскому искусству превосходную возможность эмансипироваться от своего кельтского корня. В Галлии типов и экземпляров монет огромное количество, и именно в данной области расцветает совершенная форма экспрессии, нигде более не встречающаяся. Парадоксальным образом малый размер основы и ограничения, накладываемые функциональным назначением, порождают свободу при выборе формы и содержания, ни в какой другой сфере невиданную. В III веке до н.э., когда в Галлии царят пластический стиль и стиль «кота Чешира», появляются первые монеты из Македонии и Великой Греции. У галльских художников обнаруживается полное отсутствие вкуса при их воспроизведении, но они проявляют безграничную фантазию при разрушении существующих образов и их приведении к канонам своего искусства. Так возникают удивительные образы. Профиль Филиппа Македонского сведен к простейшей форме — схематичные нос, глаза, подбородок на краях монеты исчезают, тогда как пышная шевелюра покрывает всю поверхность монетного круга.

Или же такая шевелюра украшается посторонними элементами — флагом с вепрем, отрубленными головами в переплетении с ветвями, покрытыми листвой, и т.д. Те же метаморфозы можно встретить и на оборотной стороне: величественная римская колесница заменяется стилизованной лошадью, от самой колесницы может оставаться только символизирующее ее одно колесо, либо она вовсе исчезает — тогда возничий сажается прямо на коня, он часто принимает облик птицы; сам конь может становиться кентавром, в то время как периферическая область загромождается причудливыми

Разменные монеты (медная и серебряная) у кориозолитов

сюжетами и предметами (котел, меч, лира, молот, корабль и т.д.). Такие композиции, при всей своей абсурдности, притягивают и задерживают взгляд. Они скорее вопрошают, чем информируют.

Монетных дел мастера изобретают даже новую трактовку образов, смешивая профиль и фас, что вновь будет воспроизведено лишь многими веками позже художниками-сюрреалистами вроде Пикассо. Обращение к более трудно обрабатываемым металлам (золото, бронза чеканная, бронза плавленая) уже не оставляет места такому изобилию деталей и тонкости их изображения, характеризующих первые монеты. В этот период гравер вынужден сократить число значимых элементов и изображать их с большей толщиной. Полученные изделия ни в чем не теряют в энигматичности и каждый раз свидетельствуют о безграничной свободе их создателя. Увеличивается репертуар изображений: птицы и монстры просто кишат, но также появляются стандартные портреты реально существующих галлов, опознаваемых по ономастической надписи. Силуэты могут быть и более реалистическими (идущие, бегущие, сидящие персонажи). Они снабжены тщательно вырисованными аксессуарами — кираса, шлем, меч, флаг. Однако характеризующий подобные предметы минимализм в методах ведет экс-

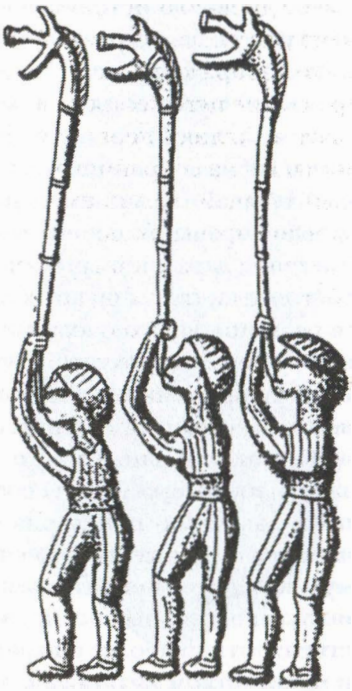
прессию на путь, неизвестный в античности — путь абстракции. Профили людей и богов на глаз едва различимы и представляют простой овал. Стилизованный локон волос или просто повязка, напоминающая венок. Треугольник вместо носа. Как будто игра в прятки художников III века продолжается.

МУЗЫКА

В Галлии это единственный вид искусства, ставший народным. Слышать музыку могут почти все, и музыка звучит на религиозных праздниках, в военных походах, на всевозможных собраниях. Музыка имеет древнюю историю, она широко распространена уже у кельтов ранней эпохи железа. На их керамике изображены люди, играющие на лирах. Когда греческие путешественники в IV веке до н.э. проникают в Галлию, первое, что их удивляет — музыка, звучащая на собраниях галлов. Они объясняют данный обычай желанием галлов смягчить свои варварские нравы. Впрочем, записей об этом немного. Сведения о различных видах музыки, о песнях, об обстоятельствах, при которых музицируют, являются редкими. И археология почти бессильна помочь в этом деле: есть только несколько иконографических изображений и обломки музыкальных инструментов — в частности фрагменты карникса.

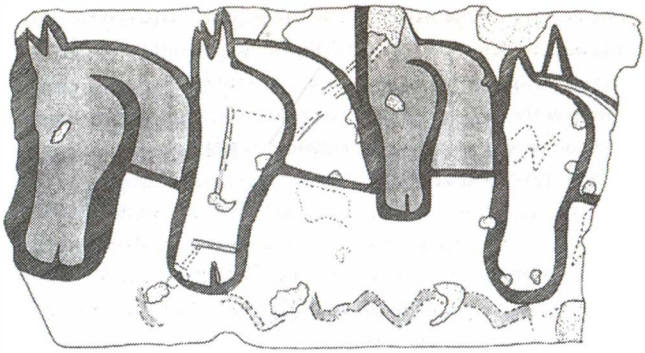
При том уровне, на котором находятся наши познания и который может совершенно не отображать того, насколько популярна была в Галлии музыка, насколько разные формы она могла принимать (от простейших, к примеру, песен до весьма сложных, требующих нотных записей), мы можем разделить галльскую музыку на два типа. Первый — рудиментарный, при котором главное не мелодичность, а громкость. Это военная музыка, звучащая во время военных походов и во время боя. Для такого музи-

цирования используются духовые инструменты. Самым типичным из них является большая медная вертикальная труба, раструб которой чаще всего делается в форме головы вепря. Благодаря такой трубе звук разносится над головами воинов. Греки этот инструмент называют *carnyx*, что определенно является его галатским названием. Есть и труба другого вида – более привычного; она сделана в виде рога. Неизвестно, используется ли барабан или другие ударные. Зато у галлов, так же как у германцев, есть привычка греметь доспехами. В бою к мощным и хриплым звукам труб галлы добавляют свои боевые кличи. У врага это вызывает ужас и преувеличенное представление о численности галльского войска. Если одержана победа, то воины возвращаются, распевая песню, которую Посидоний Апамейский называет *péan*. Непонятно, идет ли речь просто о победной песне, или же она имеет форму (с припевом, в котором есть слово «péan») и назначение те же, что греческое пение – воздать хвалу богу Аполлону, которому кельты тоже поклоняются.



Карниксы, изображенные на котле из Гундеструпа. Дания

Есть и музыка более сложная. Как и в греческом мире, она теснейшим образом



Ригель с четырьмя лошадьми. Рокепертюз. Франция

связана с поэзией, произносимой нараспев, и с ней выступают публично, может быть, даже устраивают состязания. Похоже, такой музыкой занимаются исключительно барды, которые свои панегирики облачают в музыкальную форму, распевая их под звуки лиры или даже двух. Посидоний Апамейский разъясняет, что слово «барды» означает ансамбли музыкантов и певцов, сопровождающие воинов в их походах, в которых они дают представления, расточая похвалы своим хозяевам либо перед многочисленными собраниями, либо в более узком кругу. Но известно, что у некоторых бардов более узкая специализация. Она связана исключительно с войной и состоит, как нам сообщает Лукан, в том, чтобы из доблестных душ отбирать те, что призваны достигнуть рая, и сопровождать их на этом пути. Такое занятие, близкое тому, чем занимаются шаманы или поэты-орфики, естественно, требует музыкального сопровождения. Ведь музыка — это искусство, которое в силу своей тонкости и невещественности наиболее близко соприкасается с душой и посредством которого с душой можно общаться. Такое сопоставление с теми, кто причисляет себя к наследникам Орфея, покажется еще более умест-

ным, если мы сравним используемые инструменты. Ведь бардовская лира на самом деле, как о том дает знать прекрасное изображение, найденное в Поль, является цитрой, со всех точек зрения аналогичной греческим образцам и, подобно лире Орфея, снабженной семью струнами.

Хотя ни один автор не говорит об этом открытым текстом, понятно, что музыка и, в частности, обучение игре на цитре являются частью образования, которым ведают друиды. На самом деле лира и поэзия неразделимы, а исполнение некоторых стихотворных отрывков под музыкальный аккомпанемент облегчает их запоминание, в то же время усиливая завораживающий, колдовской эффект.

Ни один письменный или иконографический источник не упоминает о танцах, непосредственно связанных с музыкой. Известно только, что завоевывающие Италию галльские воины перед боем проводят парады, на которых звучат панегирики в их честь, раздается пение и исполняются воинские танцы. Все эти ритуалы хорошо известны и у италийских народов.

Скульптурное изображение музыканта с семиструнной цитрой. II век до н.э.

IX

ДОСУГ

У галлов нет никакого понятия о досуге или о чем-то вроде права на отдых. Тем не менее они не объявляют бойкота мирским удовольствиям. Но до римского завоевания последние остаются жестко привязанными к социальному положению. Поэтому если у нас и есть какое-то представление о досуге в полном смысле слова, и зачастую роскошном у богатых и властительных галлов, то с тем, чтобы представить, как крестьяне и неимущие проводят то малое время, что не посвящено работе, у нас возникают существенные трудности. Страбон, воспроизводя очень логичные и убедительные отрывки из Посидония, указывает, что «в нравах галлы неотесанны и непорочны». Из этого следует заключить, что их удовольствия просты и естественны и радикально отличаются от развлечений римлян, которых греческий философ тоже созерцал в то же время и с той же точки зрения этнолога. Кроме войны, единственным их увлечением является обучение всему, чему возможно, и, в частности, красноречию.

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Единственной приписываемой письменными источниками народу забавой являются всевозможные собрания. Так как галлы более-менее разбросанными многочисленными семьями проживают в деревнях и так как они работают в поле зачастую

в одиночестве или среди стад домашних животных, не имея возможности обучаться с помощью книг, то галлы любят встречаться со своими непосредственными соседями или с иностранцами из более-менее далеких краев. Жрецы и законодатели решают использовать эту радость, которую галлам доставляет чувство общности. Потому это чувство они поддерживают и без конца подпитывают. Религиозные праздники, политические и законодательные сессии являются поводом к массовым сборищам, которые сразу же выходят за пределы своего функционального назначения. Они становятся местами дискуссий, базара, может быть, спектаклей. Последние можно предположить, исходя из той необычайной популярности, которую в первые времена Римской империи обретут театры, обустраиваемые при святилищах.

Какие в точности дополнительные развлечения предлагают подобные собрания институционального свойства, неизвестно. Но можно предположить, что в них участвуют барды, что именно там они декламируют свои панегирики, которые потом распространяются в народные массы, что там они очаровывают публику своей музыкой. Конечно же, здесь упражняются в красноречии, происходят словесные дуэли между ораторами и, возможно, настоящие состязания. Пиры и питие вина тоже занимают важное место — возможно, основное. Нет ни одного места культа, ни одного места проведения легислативного или юридического мероприятия, которые бы не распознали по наличию в культурных слоях объедков от таких вот пантагрюэлических вечеринок. Но самое ходовое развлечение — это борьба, силовые состязания, схватки, дуэли с применением оружия. Единственная цель и награда — получить похвалу публики и почетное место за столом.

Наряду с регулярно проводимыми и привязанными к календарю собраниями существует то, что Цезарь называет сборищами, — неформальные собрания в публичных местах и местах скопления народа. Именно здесь разносятся все новости. Жадные до всевозможных познаний, галлы слетаются на подобные мероприятия, где толпа мгновенно собирается и столь же быстро рассасывается. Вероятно, здесь разносятся слухи, возникают волнения, даже вызревают заговоры. Поэтому в некоторых округах, опасаясь драматических последствий подобной болтовни, запрещают в таких местах обсуждение политических тем, оставляя за теми лишь конституционные собрания. Этого единственного запрета уже достаточно, чтобы убедить нас в том, что подобные спонтанные и, возможно, регулярные собрания являются привычкой, издавна укорененной, с которой крайне трудно бороться. В них что-то есть от вечерних сборищ в публичных местах, столь любимых во многих странах Средиземноморья.

ОХОТА

Народное воображение может внушить мысль, что охота является галльским досугом par excellence, что она является повседневным и широко распространенным видом активности. Письменные же источники, наряду с археологией, свидетельствуют, что она, наоборот, является привилегией «богатых и тех, кто может себе позволить веселое времяпровождение», согласно цитате историка Арриана, посвятившего целый труд охоте в античную эпоху, где значительная часть посвящена охоте у галлов. Этому много причин. Охота требует свободного времени, а большинство населения им не располагает. Она требует инвентаря

(лошади, оружие, собаки), который только знатные могут себе позволить. Но самое главное – она является способом подготовки к войне, видом тренировки, а также ее субститутом во время между военными кампаниями. Для воина охота – это не только удовольствие, но и упражнение.

Археология подтверждает заверения Арриана. Останки диких животных почти не встречаются среди обломков домов, кроме домов аристократии. Они отсутствуют в местах культа и захоронений, лишь иногда встречаются поблизости. Эти кости в подавляющем большинстве случаев заячьи, иногда принадлежат оленям, кабанам и косулям. Текст Арриана позволяет разделить охоту по крайней мере на три вида. Первый – это псовая охота. В основном так охотятся на зайца. Охота происходит на открытой, равнинной местности. Иногда таким способом могут охотиться на оленя в лесистой местности. Второй тип – охота исключительно при помощи собак. Часть псов поднимает дичь и гонит ее в направлении других псов, составляя, таким образом, сеть. Третий тип носит более воинский характер. Здесь от человека требуются хорошие физические данные (быстрота, выносливость) и умение обращаться с оружием. Страбоном упоминается специфическое охотничье оружие – тяжелый дротик с железным наконечником, который галлы метают без помощи силовых установок, которым они могут убивать птиц. Такой способ, хорошо известный у индейцев Амазонии, требует необычайной ловкости, точности и силы.

Таким образом, галльская охота носит коллективный, аристократический характер. Они изобрели псовую охоту. Это страстное увлечение требует значительных средств, а также лошадей и собак. Оба этих вида животных используются на войне и являются престижным объектом разведения, а об-

ращение с ними требует надлежащего обучения. Кроме того, выводятся специальные породы собак, предназначенные для охоты. Это собаки с идеальным нюхом, гончие и борзые, охотящиеся исключительно на зайца.

Дичь, которая относится к диким животным, рассматривается наряду с растениями как собственность богов. Только некоторые из галлов могут заниматься охотой, при особых условиях (может быть, в определенные дни календаря). В любом случае убийство дичи означает появление некоторой задолженности по отношению к богам, которую следует уплатить. Арриан подробно описывает обряды ежегодного жертвоприношения, которое охотники должны совершать в честь галльской богини, аналогичной Артемиде, выступающей кем-то вроде хозяйки диких животных. Каждое убитое животное имеет цену, денежный эквивалент которой учитывается. Заяц стоит два оболя[1]; лисица, поскольку питается зайцами, оценивается в драхму; косуля, поскольку больших размеров, стоит четыре драхмы. Накопившаяся, таким образом, сумма по окончании охотничьего сезона позволяет купить жертву — овцу, козу, даже быка, если хватает денег. Совершается жертвоприношение. Мясо съедают люди и собаки. На собак надевают венки из цветов, поскольку в этот день они удостаиваются почитания.

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА И ТРЕНИРОВКИ

У галлов крайне энергозатратный способ сражаться. В бою они отчасти или почти полностью обнажены. Эти обстоятельства вынуждают их положиться на свое собственное тело как на главный

[1] Старинная монета. — *Примеч. пер.*

гарант их выживания как в бою, так и при еще более изнурительных перемещениях. Им требуется сила для длительных марш-бросков, для того чтобы бегать так же быстро, как их лошади, чтобы совершать на них эквилибристические трюки, ошеломляющие их врагов. Такое геройство возможно лишь при постоянных тренировках и при наличии здоровья. И то, и другое подразумевает тщательную гигиену. Человеческие кости, принадлежащие воинам, тысячами обнаруживаемые на поле битвы при Рибемон-сюр-Анкре, принадлежат индивидам высокого роста, иногда худощавым, иногда настоящим здоровякам, но каждый из них обладал развитой мускулатурой и не страдал никакими дегенеративными заболеваниями типа артроза. Столь великолепное состояние здоровья можно объяснить только отсутствием тяжелой, монотонной работы, хорошим питанием и главным образом постоянными физическими упражнениями. Конечно, знатные воины по возвращении домой не проводят свое время исключительно в пирах и попойках — вывод, который можно было бы сделать, читая некоторых древних историков. Наоборот, они стараются держать себя в форме и быть готовыми к отражению любой агрессии. Такие тренировки, которые похожи на те, что ввели греки, оставили минимум упоминаний в литературе. Однако в одном из самых древних упоминаний о кельтах, принадлежащем Эфору (IV век до н.э.), сообщается о странном обычае (который можно объяснить лишь в контексте того, о чем говорится в данной главе) измерять талию молодым людям (естественно, будущим воинам) с помощью эталонного пояса. Превышение допустимого размера строго каралось.

Военные тренировки в Галлии столь развиты, что порождают настоящее искусство тактики, которое специально изучается. Существует несколько

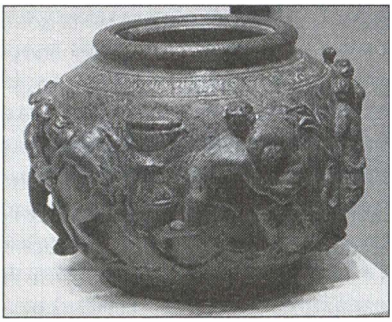
моделей воинских построений, которым даются специальные названия, многие из них перенимаются римской армией. Верховая езда становится кульминацией этого тактического искусства. Арриан спас от забвения несколько сложных фигур, которые делают конные воины. Конник со щитом и тремя дротиками осуществляет невероятно сложные маневры, каждый из которых имеет галльское название, остающееся для нас совершенно непонятным: *petrinos, xynema, tolutegon*. Известно также, что в тренировках и в бою всадники не вполне отделены от пехотинцев. Пехотинец должен уметь бегать столь же быстро, как лошадь и при необходимости оседлать ее на полном ходу. Еще он должен возвращать в строй лошадей, потерявших своего наездника. Такой способ сражаться, греческому или римскому наблюдателю зачастую кажущийся бестолковым, конечно же, не имеет ничего общего с импровизацией и требует многолетнего обучения.

ПИРЫ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Если и существует никем не запатентованный карикатурный образ галлов, то это образ ненасытных чревоугодников. Лучшие письменные источники упоминают об этих грандиозных пирах, которые в наше время подтверждаются археологическими раскопками. Пиры проводятся часто, и на них присутствуют представители всех социальных слоев. Действительно, галлы любят совместные трапезы. Для них это основной вид социальной активности, притом самый почетный. Историки пожелали увековечить лишь эти ломящиеся от еды и питья столы и привычное завершение пиров – бахвальство, споры, иногда драки. Реальность же совсем иная – на таких пирах все ритуально расписано, все имеет свой смысл. Но для галла главный смысл своего

участия в пиршестве — это осознание своей принадлежности к сообществу граждан, каждый из которых обладает в обществе положением, каким бы малым оно ни было.

Пиры сопровождают любые события в жизни сообщества. После жертвоприношения они являются самым важным моментом религиозного празднества. Ими завершаются политические собрания и правоведческие заседания. Но они также призваны скрепить соглашения, достигнутые на муниципальных и корпоративных собраниях. Посидоний Апамейский оставил нам великолепное описание воинского пира, на котором место, занимаемое каждым из сотрапезников, отражает его положение на иерархической лестнице, где учитывается мера добродетели каждого. Это место присваивается лишь при условии всеобщего на то согласия. Если имеются спорные вопросы, то претендент должен предъявить аргументы, должен отстаивать свои права. Если на одно место претендуют двое и сообщество разделено во мнениях по их поводу, то лучшего может определить только дуэль. Во время еды воины садятся в круг, символизирующий групповую солидарность, превалирующую над иерархическим порядком. Оруженосцы — те, что носят копья и щиты, образуют второй круг, позади круга хозяев. Но они тоже находятся в положении сидя, а это привилегия высокоуважаемых людей. Рабы разносят напитки и блюда согласно установ-



Галло-римский бронзовый сосуд с изображением атлетов. 100 г. н.э.

ленному распорядку. Пьют из одного кубка — это обычай, существующий у многих воинских народов древности.

На таких пирах сотрапезники возлегают на подстилках из соломы или из ветвей, расстеленных на земле. У богатых подстилки отделаны кожами и мехами. Едят сидя, при необходимости можно прилечь. То есть пиры могут продолжаться бесконечно. То, что воины образуют круг, заставляет предположить, что его внутреннее пространство оставлено для спектаклей и развлечений — музицирования, пения, чтения стихов. Но апогеем любых пиров, в том числе, может быть, и поминальных, являются игры в греческом смысле слова, то есть поединки, дуэли — все, что любят у древних греков и на средневековых турнирах. Бьются исключительно из удовольствия лицезреть спектакль, даваемый здоровыми мужчинами, дерущимися по правилам, присущим определенному типу боя. Сам поединок является калькой с военных упражнений, заключающихся в построении определенных фигур — вроде тех, описание которых нам оставил Арриан для верховой езды. Посидоний совершенно однозначно указывает на существование подобных героических поединков, которыми заканчивается пир или которые знаменуют его переход в новую фазу, когда он длится несколько дней. То же самое происходит еще у германцев, описываемых Тацитом. Но его описания или, скорее, описания того, кто его информировал (так как сомнительно, что он сам мог присутствовать на подобных собраниях), отражают явное непонимание по-настоящему смертельного характера дуэлей, которыми не только забавляются, но которые могут (в случае, если задета честь воина, если оспаривается превосходство вождя) принимать вид ордалий. То есть напрямую испрашивается мнение небес — в точности, как у средневековых шевалье. «Кель-

ты, — пишет он, — во время пиров иногда устраивают настоящие дуэли. Всегда при оружии на своих собраниях, они понарошку борются друг с другом на руках, но иногда дело доходит до крови. Тогда, озлобленные, они могут поубивать друг друга, если ассистенты их не остановят».

Чаще всего пиры проходят в том же месте, где только что проводились религиозные, политические или судебные заседания, на которых присутствуют будущие сотрапезники. Археологические следы пирушек, иногда в избытке, находят в святилищах и на местах собраний граждан. Но, по-видимому, эта страсть к пирам привела галлов к мысли оборудовать места, специально предназначенные только для этого. Вдали от жилищ или поблизости от культовых мест в них задействуется тот же архитектурный инструментарий, что свойственен большим религиозным или политическим учреждениям, — четырехугольный участок, огороженный рвом.

ОПЬЯНЕНИЕ И ОДУРМАНИВАНИЕ

Обычно думают, что кельты испытывают опьянение на своих грандиозных пирах, но это вовсе не так. В Галлии опьянение является феноменом, распространенным гораздо шире, истоки которого в привычке некоторых народов древности одурманивать себя. Это очень древняя практика, ставшая предметом удивления, а потом и комментариев первых греческих путешественников. Так Платон в своем трактате «Законы» сообщает, что она является общей у карфагенян, кельтов, иберов и фракийцев. Александр Полиистор уточняет, что у всех этих народов, к которым он добавляет еще и скифов, «то, что у нас рассматривается как странность, является красивым и правильным обычаем». Действительно, одурманивание, которое происходит либо вслед-

ствие галлюциногенных свойств некоторых растений, либо потребления алкогольных напитков, является индоевропейским обычаем, связанным с религиозными воззрениями и стремлением к миру неземному. Вырываясь из пут своего тела и разума, индивид может посчитать, что его душа покидает телесную оболочку и что теперь она может общаться с миром богов или миром мертвых. Таким способом галл ищет знамений и даже советов. Представляется, что друидам совершенно не претят такие способы. Плиний говорит, что вербена применяется в качестве средства, способствующего прорицанию. Один из схолиастов Лукана указывает, что в тех же целях применяются желуди. Яды – из разряда тех, что содержатся в дурмане, действие которого знакомо галлам – тоже в малых дозах являются наркотиками.

К опьянению стремятся и по другим причинам. Платон уже отмечал, что оно присуще народам воинского склада. Следует думать, что идущие на бой ищут в питье состояния экзальтации или беспамятства, необходимых, чтобы справиться со страхом. Однако в таких случаях алкоголь не лучший помощник. Он ослабляет, притупляет бдительность и может обернуться смертью. Известно, что воины откладывают употребление алкоголя на время после битвы, что гораздо более логично – нужно снять стресс и забыть о смерти и крови. Пьянство также преимущественное времяпровождение в военных лагерях, когда нужно чем-то заняться в длительные периоды безделья. Часто приходится видеть, как враги галлов беспрепятственно проникают в их укрепления и обнаруживают там сотни спящих под воздействием алкоголя воинов. Пристрастие к алкоголю присуще подавляющему большинству населения, причем с давних пор – по крайней мере задолго до того, как все в Галлии прознали про ита-

лийское вино. Сообщающий об этих фактах Посидоний, по-видимому, представляет их как пример влияния географического положения на внешний облик и поведение народов. Эта теория в античности была необычайно развита и имела огромный успех. По ней, люди, живущие в более северных, более холодных странах, обладают более бледной кожей, более светлыми волосами; их тела более чахлые. Тепла и избавления от меланхолии они ищут в алкогольных напитках, которые сами и изготовляют. Диодор утверждает, что самый популярный напиток изготовляется из ячменя. Плиний сообщает нам его название, *ceruesia*, что в современном французском преобразуется в «ячменное пиво». Другой напиток получается с помощью «медовых лучей, которые разбавляются». По всей видимости, речь идет о медовухе.

Одно из самых поразивших галлов открытий, которое они сделали во время своих первых вторжений в Италию, было вино. Сами римляне уже в очень раннюю эпоху создали миф, согласно которому именно пристрастие к вину стало причиной, по которой галлы обрушились на Италию. В любом случае можно с уверенностью сказать, что уже на заре галльской истории самые влиятельные галльские аристократы при посредничестве Массалии организовали импорт италийского вина в пределах своих личных потребностей. Популярность к нему пришла благодаря грандиозным пирам, тогда как напитки местного производства с тех пор стали только достоянием пирушек для бедных. Диодор, воспроизводя отрывки из Посидония, пишет: «Пристрастившиеся к вину, они сметают все, что импортируют торговцы. В своей неутолимой жажде они пьют вино большими глотками и пьянеют. А потом спят или впадают в состояние, похожее на помешательство». Возможно, прежде всего из-за

вина галлы открывают свои границы и дороги греческим и римским торговцам. Благодаря прогрессу, достигнутому в последние годы археологией, стало известно, что со II века до н.э. эти торговцы образуют по всему югу Галлии постоянные рынки, на которых сбывают продукцию виноградников Этрурии и Кампании.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Так же как и в случае с досугом, у галлов нет понятия о путешествиях как о развлечении, как о каком-то моменте жизни, радикально отличном от работы или войны. Однако они не такие уж оседлые, как то принято считать. Привычки, сохранившиеся от кочевой жизни их предков, частые военные экспедиции, вкус ко всему новому и неизведанному приводят к тому, что они к путешествиям предрасположены в большей степени, чем большинство их современников. В первую очередь следует сказать о перемене мест, необходимой в военных целях. Походы покрывают большие расстояния и нередко длятся долгое время. Но военные цели служат другим интересам — торговым и дипломатическим. Вынужденное путешествие служит интересам краеведения, и за военным походом следуют более мирные визиты. Мотивы разные. В первую очередь это меновая торговля, более-менее регулярная. Но в нее втянуты только торговцы и сопровождающая иностранных негоциантов охрана. Большую часть всех путешествий совершает одна и та же категория населения: богатые и знатные, единственные, у кого есть личные средства передвижения — повозки и лошади. Они отправляются в путь по какому угодно поводу. Политики едут встретиться со своими товарищами по партии из других округов, проводят «международные» совещания, иногда они

вынуждены совершать дипломатические миссии. В таких случаях их сопровождают воинская стража и собаки. Ежегодно друиды проводят свои сессии в местах, считающихся географическими центрами Галлии, таких, как лес во владениях карнутов. Их ученики иногда прибывают из очень далеких мест, чтобы их послушать. Сами друиды часто совершают путешествия по морю на остров Британия к своим островным коллегам, чтобы пополнить свой багаж знаний. Наконец, Цезарь, в своей «Галльской войне» упоминает ряд других типов вояжей. Например, те, которые совершаются в брачных целях. Знатные в целях укрепления господствующего положения своей семьи могут выбирать себе жену из очень далеких мест — у соседних народов или даже не соседних.

Мы видели, что галльские дороги — будь они наземные или водные — позволяют перемещаться относительно легко и быстро. Цезарю с его войсками удается проходить за сутки сорок километров. Это расстояние можно увеличить вдвое, если пользоваться двуколкой с регулярно сменяемыми лошадьми. Тем более что у галлов множество различных телег, повозок и колесниц — прочных и одновременно легких. Если верить Клементу Александрийскому, женщины при путешествиях на небольшие расстояния заказывают носилки, как это делают в Риме. Столь же удобны и переправы через море, через Ла-Манш в частности. Множество судов регулярно курсирует от берегов Британии до берегов Галлии. Переправа совершается быстро, а на обоих берегах обустроены порты.

О связанной со средствами передвижения инфраструктуре известно мало. В наличии портов можно не сомневаться, но неизвестно точно, существуют ли в перевалочных пунктах гостиницы. Совершенно неизвестно, существуют ли придорож-

ные гостиницы, хотя очевидно, что станции для смены лошадей имеются. Очень часто ксенофилам галлам приходится принимать у себя путешественников. Так они поддерживают с теми узы родства или дружбы, либо таким образом они хотят услышать новости из далеких краев, а, может быть, просто получить подарки в благодарность.

Скорее всего галлы, которые слишком поздно совершают переход к городской жизни, не понимают, что такое курортная дачная жизнь. У них нет такой потребности, поскольку они уже живут в сельской местности и во время своих перемещений по другим областям Галлии в любой момент могут найти приют у своих друзей или дальних родственников.

X

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Галл — это ярый индивидуалист, более всего ценящий свою свободу. Даже притом, что он интегрирован в сеть сообществ — воинских, гражданских, религиозных. Его участие в общественной жизни, даже притом, что оно интенсивно и имеет для него фундаментальное значение, в конце концов занимает лишь самую малую часть его времени. По крайней мере в мирное время. Во время же военных кампаний он отдает себя целиком той воинской группировке, к которой принадлежит. Галл совершенно четко разделяет две эти стороны жизни — частную жизнь, на которую он ревниво отстаивает свое право, и жизнь общественную, необходимую не только для его признания в обществе, но и для его выживания. До римского завоевания эти ценности уважаются. Еще в 52 году до н.э. мы видим, что воины Верцингеторикса «самой страшной клятвой обязуются ни разу не возвращаться к себе домой, не подходить ни к своим детям, ни к родителям, ни к жене, пока они дважды не потопчут шеренги вражеской армии». Это похвальное и правильное обязательство, так как раньше мы в той же войне видели, как белловаки покидают коалицию, в которую они входят, и тем самым лишают ее всякой возможности победить римлян, чтобы защитить свои земли и собственность от угрожающих им эдуев, союзных римлянам. Слова клятвы воинов Верцингеторикса тем более ценны, что они раскрывают иерархиче-

ский порядок галльских ценностей в отношении к различным областям частной жизни – сначала дом, затем дети, родители и только потом жена.

Образ жизни является отражением жизненных ценностей. Дом и владения галла формируют пространство независимости, где собственник является абсолютным владыкой. Но у них есть также функция – дать понять членам сообщества, какое место в нем занимает их владелец. Размах владения, большое количество скота свидетельствуют об его богатстве, то есть и о богатстве его предков, и о его личном преуспевании. Отрубленные головы, украшающие его дом или хранящиеся в особом шкафу, напоминают о его воинской доблести. Если собственник является военным вождем, то в своих владениях он может устраивать частные религиозные церемонии и воинские пиры. Ведь статус галла измеряется не только почетом, который ему оказывают, но и наличием у него материальных благ, среди которых были рабы и стада, а также клиенты, которые образовывали вокруг него небольшой двор и которых надо было кормить и содержать.

Тот же индивидуализм очень рано привел галла к отделению от того, что римляне называют *gens*, а греки – *genos*, то есть от большого родового клана, состоящего из потомков одного далекого предка, часто объединенных одним культом. В Галлии родство в основном считается только по прямой линии, и галл почитает своих родителей и предков своего отца. Семья сводится к самому простому своему выражению – ячейка общества, состоящая из родителей и детей и проживающая под одной крышей. Таким образом, галл сильно связан со своими родственниками по восходящей линии, в которых он хотел бы видеть проявленные воинские добродетели, на воплощение которых он сам в свою очередь претендует. Того же он ждет и от сво-

их детей. Значит, жена для него является элементом внешним и не вполне ассимилированным. Она происходит из другого рода, иногда из многочисленной семьи, по крайней мере столь же славной, как и семья ее мужа. Она пользуется определенной независимостью.

Дух независимости, желание приковать к себе внимание, отрицание любых норм находят идеальное выражение в культе тела. Тело – это не только свидетельство воинских качеств, это их наглядное проявление, а также средство действия. Значит, тело стараются поддерживать в порядке гигиеной, развитием мышечной силы, уходом за волосами. Носят красивые наряды и роскошные украшения.

ГАЛЛЬСКИЕ ИМЕНА

Конечно, те особенности, которые только что были названы, максимальным образом раскрывают свою сущность в именах. Галл именуется только одним именем, только ему принадлежащим, которое иногда, но не обязательно связано с именем его отца. Так, Верцингеторикса именуют «сын Целтилла». То же соединение присутствует на многих надписях: Фронту Тарбейсоний (Фронту, сын Тарбейсона), Андекамул Тутиссикнос (Андекамул, сын Тутисса), Марциал Даннотали (Марциал, сын Даннотала) и т.д. Галлы, таким образом, человека именуют его собственным именем и именем его непосредственного предка. Двух этих имен должно хватать, чтобы идентифицировать каждого, по крайней мере, внутри его сообщества. Вне его приходится прослеживать генеалогию и считать от предка, которого знают все. Часто такое можно встретить на поле битвы, где сходятся враги, иногда географически очень далекие друг от друга. Прежде чем начать бой, следует напомнить предстоящему перед тобой

противнику, к какой великой воинской династии принадлежишь.

Возможно, что к собственному имени прилагаются прозвища. Последние могут даже заменять его. Множество прозвищ, носящих описательный характер и зачастую весьма напыщенных, могли даваться лишь взрослым людям, проявившим какие-либо физические или моральные качества. Чаще всего они оканчиваются на субстантив *-rix* (царь): Цингеторикс (царь воинов), Оргеторикс (царь убийц), Бойорикс (царь бойев). Некоторые связаны с эмблематическими животными: Луэрн (лис), Бодуоньят (сын ворона), Матуген (сын медведя). Другие отражают профессии или функции: Гобанницио (маленький кузнец), Дивициак (мститель). Либо же физические особенности: Гальба (очень толстый), Рудий (красный), Крикс (кучерявый).

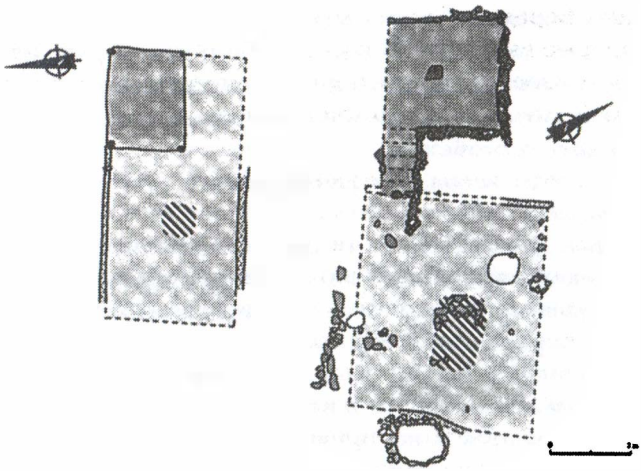
В «Галльской войне» Цезарь спас от забвения шестьдесят имен. Большая их часть должна быть именно такими прозвищами. Оргеторикс, Думнорикс, Верцингеторикс, Эпоредорикс – прозвища, в которые входит символическое имя «царь», все являются военными вождями. Некоторые из них даже пытаются добиться царской власти.

ЖИЛИЩА

Эта «крыша», которую мечтают обрести противостоящие Юлию Цезарю воины, не является фундаментальным элементом кельтского мироздания. Дому кельты предпочитают лошадей, а стада – засеянным полям. Поскольку галлы являются удачным сплавом автохтонного населения и нескольких последовательных волн пришельцев, то у них вилла и поместье получили новое значение – они являются признаком включения семьи в территорию народа, отныне являющегося стабильным. Однако к дому

никогда не относятся как к чему-то священному. Он не становится очагом, как то происходит у греков и римлян. В нем нет никаких следов культового сооружения. Так как его конструкция отнюдь не долговечна, то он не может воплощать в себе ни местопребывания божества, ни местопребывания предков.

В том, что касается жилища, то есть его архитектуры, внутреннего строения и домашних нравов, информации мало. Прежде всего, потому что путешественники видели лишь небольшие различия с тем, что они могли бы увидеть у себя в стране, в сельской местности, то есть скромные строения из местных материалов, чаще всего из дерева и глины. Данный аспект повседневной жизни представляется им малоинтересным. Во всяком случае, недостаточно экзотичным. Но здесь кроется и другое объяснение — очень немногие иностранцы могли проникнуть внутрь галльского дома. Единственным имеющимся у нас описанием галльского дома мы



План галльских домов в оппидуме Безансона. Конец I в. до н.э. Франция

обязаны Страбону. А сам он взял его из труда Посидония. У этого описания из-за стечения неблагоприятных обстоятельств любопытная судьба. Плохо переведенное, оно породило навязчивый миф о том, что дом у галлов круглый. Но ведь Страбон пишет только, что «дома имеют коническую форму». То есть у них тот силуэт, к которому мы привыкли благодаря экспериментальным реконструкциям. Это такой силуэт, который создается наложением соломенной кровли на все здание, которое вполне может быть и квадратной формы, что как раз мы чаще всего и видим в Галлии.

Зато тот же Страбон дает уточнение, на которое не обратили должного внимания: эти «большие дома делаются из досок и ивовой плетенки». Иначе говоря, в них применяется лучшая из технологий при работе с деревом. Чтобы понять, что хотел сказать греческий географ, нужно обратиться к археологии. К счастью, она в этой области в последние тридцать лет демонстрирует впечатляющий прогресс. Хотя она предоставляет только планы строений по элементам их фундамента и некоторые следы элементов конструкции, но все это позволяет домыслить, каков был внешний вид дома и его внутреннее устройство.

В пять веков, предшествующих римскому завоеванию, у галлов существуют три типа жилищ. Самый древний и самый распространенный – это сельскохозяйственное предприятие, представляющее разные формы: от простой лачуги батрака до аристократической виллы. С III века до н.э. появляются робкие намеки на групповые поселения. Археологи называют их деревушками. Во II веке они превращаются в настоящие деревни в несколько десятков домов. За исключением Прованса, городской тип домов появляется чрезвычайно поздно. Они встречаются в *оппидумах* с конца II века. От-

личие между разными формами жилищ состоит скорее в их окружении, а не в самом доме, о котором у галлов весьма убогое понятие. Прежде всего дом — это место отдыха и убежище от непогоды, а также место хранения самых драгоценных вещей (отрубленных голов, украшений, зерна и солений). Нет полной уверенности в том, что пищу принимают только в доме. Дом не является местом общения, местом приема гостей, с которыми трапезничают или просто беседуют. Этим занимаются где-то в другом месте. Даже приготовление пищи по большей части происходит вне дома, часто — перед ним, даже в дверях. Наконец, дом не является символом богатства его владельца, как это имеет место в Риме. В сельской местности, в этом воинском мире богатство и власть проявляются по-другому. Более показательны в этом смысле здесь стада рогатого скота и красивые конюшни.

Деревенский дом

Издавна это самый распространенный тип жилища, так как почти все население является сельским, и в нем могут обитать представители абсолютно всех социальных слоев, за исключением самых богатых, которые строят себе люксверсию такого деревенского дома — аристократическую виллу. Концепция деревенского дома проста. Он представляет собой одну-единственную комнату, как правило, прямоугольную, размеры которой мало изменяются — от трех-четырех до пятнадцати метров в длину и от трех до восьми метров в ширину. Строительство простого помещения таких размеров не представляет никакой технической сложности. Способы строительства и материалы могут быть крайне разнообразными. Самые бедные используют столбы, врытые в землю. Это могут быть просто стволы деревьев, крайне грубо обработанные. Тогда стены делаются из решет-

чато переплетенных ветвей, обмазанных саманом. Крыша кроется тростником или другими растениями, в зависимости от местоположения. Бревна квадратные в сечении и состыкованы друг с другом, иногда с помощью железных оправ. Сруб тщательно отделан, он может быть довольно сложной формы. Присутствуют щипцы крыши и козырек над входом, над которым располагается свес кровли. Проемы снабжены рамами, изготовленными из досок и скрепленными металлическими петлями.

Если размеры строения позволяют, внутреннее убранство может быть отделено от земли, а если здание достаточно высокое, то оно может быть двухэтажным. Конечно, при археологических раскопках эти надстроенные дощатые настилы обнаруживаются с трудом. Также в целом и перегородки, по причине своей легкости не оставляющие после себя никаких следов. Если дом стоит на каменистой почве, то можно наблюдать ряд других приспособлений – каменные скамьи, на которые клались носилки, очаг, в той или иной мере обложенный кирпичом.

Если хлев и курятник не пристроены к дому, то дом окружен закрытым двором, где разгуливают домашние животные. Чтобы крупные животные не разбредались, выстроен палисад. Именно на это место приходится наибольшая доля всей домашней активности. Если ферма насчитывает несколько домов, то двор общий. То же самое и в случае маленького хутора. Такая концепция пространства отражает пока еще общинный образ жизни, где нет никакого понятия о частной собственности.

Аристократическая вилла

От вышеописанных типов жилищ она отличается тем, что занимает господствующее положение на местности, а также качеством конструкции и

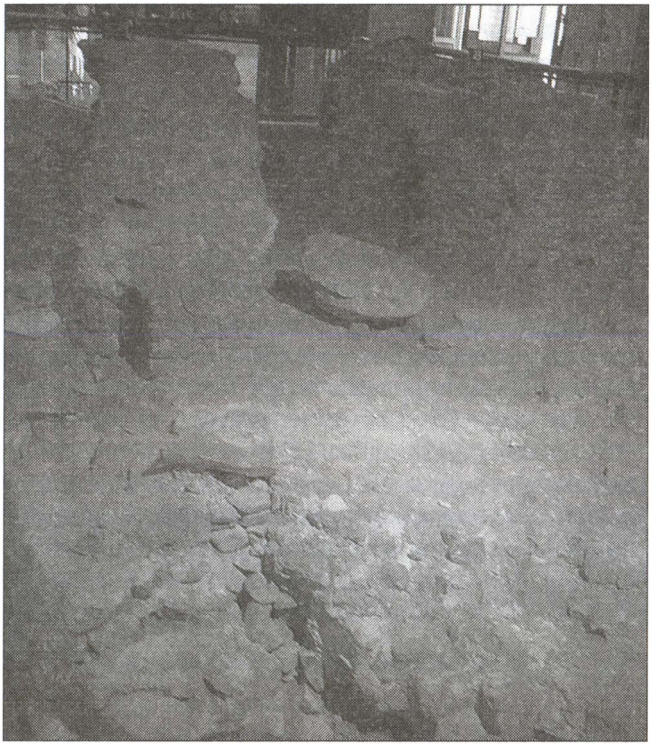
движимого имущества, внутри нее находящегося. В данном случае хозяин дома еще и владелец всех земель, его окружающих. Места разного функционального назначения (парадный двор, задний двор, склад, мастерские, место общения и собраний) четко друг от друга отделены. Деревянные палисадники встречаются там, где пристройки, тогда как центральное пространство – дом хозяина – окружено настоящими стенами из самана и глубокими рвами. В некоторых случаях, самый яркий пример которых представляет Поль, ансамбль принимает вид настоящей крепости.

Таким образом, аристократическая вилла имеет много общего с замками раннего Средневековья. Она является совершенно автономной экономической единицей, располагающей всеми необходимыми средствами для должного функционирования сельскохозяйственного предприятия, находящегося непосредственно в ее ведении, но также и предприятий-сателлитов, от нее зависящих. Здесь хранится металлический инвентарь, здесь он ремонтируется, здесь хранятся семена. Здесь также находятся и конюшни. За пределами центрального участка располагаются другие, более обширные участки, предназначенные для выпаса стад и для ухода за ними. Но основное отличие от скромных ферм состоит в наличии двух типов совершенно особенных сооружений – места отправления культа для семьи или воинского сообщества, к которому принадлежит воин, и места захоронений, вероятно, зарезервированного для членов семьи и расположенного рядом с парадным двором.

Протоурбанистическое жилище

Групповое поселение появляется довольно поздно, во II веке до н.э., и принимает крайне разнообразные формы. Чаще всего это сектора деятельно-

сти ремесленников, приуроченные к местам залегания руд или каких-то материалов, способствующих тому, что прямо на месте возникают деревни, где проживают рабочие и ремесленники. Но наблюдается также и объединение сельскохозяйственных производителей или людей, занимающихся сельским трудом. Вероятно, они оседают на свободных землях или землях, предоставляемых государством. В любом случае характерно, что жителю принадлежит не только дом, но и участок, на котором этот дом стоит, с более-менее обширным двором. Минимальная общественная инфраструктура присут-



Руины галльского дома на острове Ситэ. Париж

ствует, начиная с основания поселения — дороги, площади, места собраний. Общие заботы при явном ограничении частной сферы способствуют появлению архаичных форм урбанизации. Именно в рамках данного явления развивается такой поздний и не везде распространенный феномен, как *oppida* — укрепленные места с различными функциями, которые в конце галльского периода претерпевают урбанизацию, весьма чувствительную к римскому влиянию.

В Провансе урбанизация происходит раньше и продолжает традицию групповых поселений, зародившуюся в конце эпохи бронзы. Но определяющим, конечно, является влияние великих цивилизаций Средиземноморья — греческих торговых фирм и римской коммерции, при посредничестве Массалии. По всему побережью развиваются настоящие урбанистические центры, в которых ни концепция, ни методы строительства не имеют ничего общего со скромными жилищами остальной Галлии. Даже небольшие поселения внутри страны, которые называют еще *oppida*, хотя они очень отличаются от подобных поселений на севере кельтского мира, несут на себе сильное влияние образа жизни и архитектурного стиля, принятых на побережье. Пространства площадью в несколько гектаров, даже меньше, обносятся городскими стенами, за которыми теснится множество маленьких хижин, где полезная площадь составляет несколько квадратных метров. Такое впечатление, что сюда попытались любыми средствами запихнуть как можно больше населения. Однако недостаток места не компенсируется за счет общественной инфраструктуры (дороги, площади, культовые и муниципальные здания и т.д.). Эти объекты вынуждены тоже подчиняться такому стеснению. Они уменьшаются и оптимально, насколько возможно, вплетаются в запутанную сеть кварталов.

Домашняя обстановка

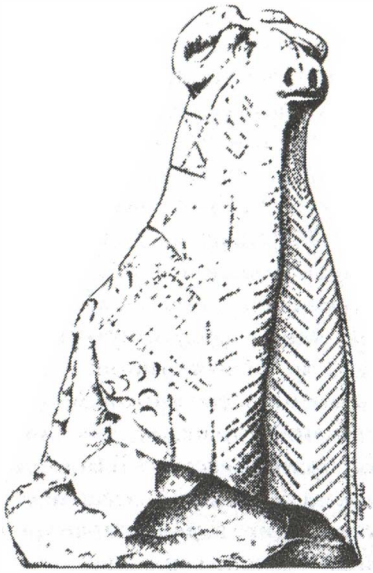
Во всех трех этих типах домов внутренность дома остается на удивление однообразной. Как правило, речь идет об одной комнате, размеры которой мало изменяются (от 3 до 10 м в длину и от 2 до 5 м в ширину). Почти всегда в комнате одна дверь. Она изрядно загромождена. Часто в центре находится очаг, который не снабжен дымоходом – дым уходит через дверь и через крышу. Спальные места, если подобные присутствуют в виде скамеек, располагаются по обеим сторонам. Остальное пространство завалено всевозможными вещами, глиняными кувшинами, горшками. Деревянные шкафы поставлены прямо на землю. В Бретани встречаются врытые в землю бадьи. В Провансе есть большие долии[1], которые тоже зарыты ниже уровня пола и от которых видно только горлышко.

Таким образом, количество движимого имущества приходится ограничивать. Это главным образом мебель и кулинарные принадлежности, небольшие низенькие деревянные столики, аксессуары для очага (подставки для дров или большие таганы, крюк для подвешивания котла над огнем, медный котел, крюк для подвешивания туш и т.д.), посуда и горшки. Одежда и украшения должны распихиваться в шкаф или несколько шкафов. В домах воинов именно в таких деревянных шкафах расставлены отрубленные и загодя мумифицированные головы врагов.

Несмотря на тесноту, эти дома комфортабельны. Стены из дерева и самана, а также растения, используемые при настиле крыш, устраняют влажность и поддерживают весьма ровный температурный режим. Летом свежо, а зимой не холодно – надо лишь

[1] Большие округлые горшки. – *Примеч. пер.*

разжечь огонь в очаге. Такая атмосфера достигается лишь ценой резкого сокращения числа проемов и того, что в помещении часто только одна дверь. Обнаружение во время археологических раскопок дверных петель и шарниров означает, что створки были предметом особо тщательной отделки. Посидоний еще во II веке до н.э. сообщает нам, что галлы никогда не закрывают свои двери на ключ. Запоры и ключи появляются только в более поздних жилищах, эпохи Галльской войны.



Подставка для дров из обожженной глины

ЖЕНЩИНА

У галльской женщины особый статус. Он исключителен даже по сравнению со статусом римлянки, зависимость которой от мужа является не только духовной, но и экономической. Галльская женщина, наоборот, пользуется некоторой денежной самостоятельностью и по смерти мужа становится в какой-то мере свободной. Но такая привилегия, значимость которой не стоит особо преувеличивать, досталась ей немалой ценой — это место в обществе и в домашней экономике достигнуто многими поколениями женщин, которые в целом ра-

ботали больше мужчин. Страбон характеризует эту данность как *topos* — общая черта всех варварских цивилизаций: «Факт, что работа между мужчинами и женщинами распределяется в пропорции, обратной той, что у нас (то есть в Греции и Риме), является общим у многих других варварских народов». Но Посидоний, первым предоставивший эту информацию, сопровождает ее примерами, подтверждающими ее глубокую правдивость. Он лично, когда проживал у одного богатого земельного собственника, видел, как женщины работают в поле. Но общую картину распределения сфер деятельности дает главным образом его целостное описание галльского общества. За мужчинами оставлены война, подготовка к ней, верховая езда, охота, культовые практики, политика, право, образование, некоторые ремесла (связанные с огнем и железом, среди прочего). Женщинам достается большая часть домашних хлопот — то есть большая часть сельскохозяйственных работ, выпас стад, производство некоторых вещей, таких как керамика, одежда, возможно, обувь, шорное, токарное дело. Распределение мужских и женских сфер деятельности в галльском обществе в пять столетий, предшествующих нашей эре, является результатом ситуации, сложившейся еще раньше, когда большая часть мужского населения воевала, возложив на плечи женщин все остальные заботы.

Отсюда лучше понятен странный характер брачного договора, разновидности которого освещает Цезарь, неизменно следуя Посидонию: «Мужчины, когда женятся, вносят в казну сообщества некую долю своего имущества, эквивалентную сумме в серебре, даваемую в качестве приданого невесте. Капитал объединяется и кладется под проценты. Тот, кто переживет своего супруга, получает обе доли, а также накопленную прибыль». Такое управление

Аллегорическое изображение побежденной Галлии. Монета Гостилия Сазерны. 48 год до н.э.

имуществом больше чем что-либо иллюстрирует равенство полов в экономике (в греческом смысле слова, то есть при ведении домашнего хозяйства). Впоследствии Цезарь напрасно утверждал, что мужчина владеет жизнью и смертью своей жены и своих детей. Понятно, что речь идет просто о риторической формуле, имеющей аналогии в римском праве – галл, как и римлянин, является *pater familias*; он имеет власть над всеми членами своей семьи. Цезарь добавляет, что если глава семьи умирает необычной смертью, то его жену подвергают допросу, пока она не признает своей вины. Признанная виновной предается сожжению. Данный обычай представляется крайне архаичным и в десятилетия, предшествующие завоеванию, хождения не имеет. Зато он свидетельствует о том, что в давние времена у женщины было достаточно воз-

можностей, чтобы отравить своего мужа и занять его место.

Роль галльской жены усиливается еще и благодаря тому значению, которое сам брак играет в отношениях между великими патрицианскими или богатыми фамилиями, в политических и даже дипломатических соглашениях между государствами. Случай с Думнориксом весьма показателен в этом отношении. Женщины, равно как и дети, являются наилучшим инструментом долговременных союзов между народами. Они также являются лучшей гарантией их сохранности.

Жены, происходящие из другого народа, представляющие в округе своих мужей его интересы, естественно, занимают высокое общественное и в некоторой мере политическое положение, что ставит их почти на один уровень с мужчинами. Выйдя замуж, они вовсе не теряют личной свободы, но поддерживают тесные связи со своей семьей, куда они, разумеется, возвращаются по смерти мужа. Возможен повторный брак, и в этом случае женщина может вновь представлять интересы своей семьи, что мы видели в случае матери Думнорикса. Такие женщины — реально могущественные, иногда богатые — почитаются наравне с некоторыми мужчинами. Отсюда понятно удивление Клемента Александрийского, который пишет: «У кельтов часто бывает, что женщин поднимают на носилках и несут их на плечах». Плутарх в своем трактате «О женских добродетелях» сообщает, что кельты, когда встает вопрос об объявлении войны или заключении мира, допускают женщин в собрания. Он приводит пример соглашения, заключенного между Ганнибалом и народами, жившими между Пиренеями и побережьем. В соглашении говорится, что если у галлов появятся жалобы на карфагенян, то они должны обращаться к карфагенскому намест-

нику в Испании, а если у карфагенян будет повод жаловаться на галлов, то они должны отнести свои жалобы к галльским женщинам, выступающим в роли арбитров.

ДЕТИ

Относительная независимость жены свидетельствует о том, что галльская семья, в отличие от римской, не являлась какой-то закрытой ячейкой. Это подтверждает и ситуация с детьми. К детям начинают уважительно относиться лишь по достижении ими половой зрелости. При рождении и в детстве им не уделяется особого внимания. Мы видим лишь, что они здоровы и сильны, как положено у галлов. Так, Аристотель выражает удивление по поводу того, что у прирейнских народов принято детей сразу по рождении погружать в Рейн или очень легко одевать, чтобы подтвердить их жизнеспособность. Один анонимный греческий поэт говорит нам, что такая проверка, в несколько менее радикальном виде, является также способом подтверждения законности родившегося ребенка. У галлов высоко ценятся подобные ордалии. Считается, что в них случай и судьба являются проявлением божественной воли.

В первые годы своей жизни дети занимают в семье второстепенное положение. Они зависят исключительно от матери, а отец, видимо, совершенно ими не интересуется. В этом нет ничего удивительного, так как это пока «бесполые» существа. Цезарь, перечисляя любопытные факты, выбранные им из работы Посидония, сообщает, что отцу (если это знатный воин) не подобает появляться на публике со своими детьми. Вероятно, этот обычай указывает на то, что общественные дела обсуждаются лишь среди мужчин, способных носить оружие,

и что возрастные категории очень четко выделены. Археология подтверждает такое исключение детей из общественной сферы. Захоронения маленьких детей крайне редки. Зато их скелеты очень часто встречаются захороненными без должного почтения в заброшенных ямах и рвах. Впрочем, иначе обстоит дело в знатных семьях, где дети с раннего возраста призваны представлять свою семью. В них видят будущих судей, может быть, жрецов. Наконец, их можно крайне выгодно женить. С самого раннего возраста эти дети носят драгоценности, которые, в случае ранней смерти, им кладут в могилу. Также они служат «разменной монетой», некой гарантией тем, кто смог победить их отцов, а их самих взять в заложники. Еще сами родители могут отдать их в союзные семьи, взамен получив от тех лишь минимум доверия.

Насколько позволяют предполагать письменные свидетельства, галлы, по-видимому, не подразделяют период детства на какие-то дополнительные подпериоды. В отрочестве человек резко переходит от своего социального полубытия к полноценному исполнению своих прав гражданина, воина, а вскоре и главы семьи. Отсутствие нежности в отношениях отцов со своими малыми детьми, часто взаимное отдаление ни в коей мере не исключают ни отцовских чувств, ни сыновней любви. Мы видели, что галльские воины Верцингеторикса мечтают, как и все солдаты на земле, вновь увидеть своих родителей и детей и только после — жену. Братская любовь галлам тоже не чужда. Ее трогательный пример предоставляет нам эдуй Дивициак. В то время как его брат Думнорикс вовсю интригует, часто против интересов самого Дивициака, последний хлопочет о нем у Цезаря, чтобы тот предоставил его недостойному брату еще один шанс. Правда и то, что такая братская любовь в знатных семьях подвергается жесто-

ким испытаниям, когда вступает в противоречие с личными или политическими интересами. Часто бывает, что братья оспаривают друг у друга, доходя до физического столкновения, верховную власть или звание первого судьи.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

По сравнению с другими аспектами галльской цивилизации сексуальность относительно неплохо задокументирована. Парадоксальным образом она являлась предметом интереса ранних греков, находившихся в контакте с кельтами. Они обвиняли их в том, что те занимаются педерастией. Первым удивление по этому поводу выражает Аристотель: «...когда люди находятся под женским влиянием, как большинство воинских и воинственных рас, кроме кельтов и некоторых других народов, у которых открыто приняты интимные отношения между мужчинами...» Это, разумеется, шокирует греков, тем более что галлы безразличны к молодым мальчикам, но предпочитают взрослых мужчин-воинов. Эта информация не вызывает никаких подозрений. Она подтверждается более подробным исследованием Посидония, разбросанные отрывки которого есть в трудах Диодора, Страбона и Афинея. Очевидно, речь идет о занятии, практиковавшемся исключительно в воинской среде. Можно было бы предположить, что это объясняется долгими лишениями в военных походах на чужбине, но этот феномен все-таки более сложный. Посидоний определенно говорит, что воин спит между двумя мужчинами. Но ведь группа из трех воинов является основной воинской единицей, eques, конник, окруженный двумя оруженосцами: один несет щит, другой — копье. Либо вся группа конная, и двое слуг с двух сторон окружают конного воина. Такие интимные отноше-

ния содержат в себе не только сексуальный смысл. Они скрепляют дружбу, которая на войне становится насущной необходимостью для каждого из ее членов. Предложить свое тело, сообщает Диодор, для воина представляется дружеским даром, который он делает своему компаньону. Отказаться – значит нанести обиду. Этнографические сравнения показывают, что такой обычай, общий у многих индоевропейских народов, для молодого воина является продолжением его инициации. В этом попрании общественных ценностей выражается забвение всякой морали и насилие над всеми налагаемыми войной ограничениями. Человек рвет не только со своей отчизной, но и со всеми своими социальными связями.

Диодор Сицилийский, по-своему излагая тезисы Посидония, добавляет, что галльские женщины красивы и хорошо сложены, но мужчин это мало интересует. Такая констатация вовсе не безобидна. Она означает, что галлы в противоположность римлянам, которым Посидоний их всегда противопоставляет, не занимаются развратом с женщинами. На них они женятся, от них рожают детей, но удовольствий ищут среди мужчин. Такое утверждение, по-видимому, верно для воинов и знати – иначе говоря, тех, кто познал вкус к гомосексуализму благодаря военному образу жизни. Для крестьян и простонародья дело, конечно, обстоит иначе. Но эти категории населения, к сожалению, никогда не вызывали интереса у греческих путешественников и этнографов.

По этим причинам галлы представляются крайне толерантными в том, что касается сексуальности. Ни в одной работе, где излагается галльское правосудие, никогда не упоминается о половых преступлениях. Супружеская неверность тоже не упоминается – ни в юридическом смысле, ни при

описании отношений в семье. То, что неверность имела место — очевидно, но что она была наказуема — нельзя быть уверенным.

ЗДОРОВЬЕ, ГИГИЕНА И МЕДИЦИНА

Все античные авторы свидетельствуют: галл ревниво следит за своим внешним видом и тщательнейшим образом за собой ухаживает. В ход идут украшения и одеяния, он соблюдает чистоту тела и имеет серьезное представление о гигиене. С давних времен тело является объектом особого внимания. Телесное здоровье и красота рассматриваются как важнейшие качества молодого человека и воина. Но то же самое можно сказать и о знатных, и о политиках, которые призваны воплощать в себе физическую мощь всего народа. Историк Полибий привел мнение другого римского историка, Фабия Пиктора, лично участвовавшего в битве при Теламоне в 225 году до н.э. Так вот, этот последний сообщает, что он, как и все римские солдаты, был одновременно испуган и заворожен видом галльской армии, в первых рядах которой были обнаженные бойцы, чьи мощные тела «излучали сияние и красоту». Нет никакого сомнения, что в эти первые ряды бойцы отбираются самым жестким образом и что сражаться в первых рядах для них большая честь.

На всем протяжении своей жизни воин поддерживает свой физический тонус и регулярно, как греческие граждане, до преклонных лет участвует в военных кампаниях. Так, все эдуйские сенаторы, которые, надо думать, учитывая их статус, пребывали в почтенном возрасте, погибли в бою с Ариовистом. Но наилучший пример воинского долголетия приводит Цезарь. «Ремы — пишет он, — потеряли первого судью своего округа, Вертиска, который командовал кавалерией. По причине своего пре-

клонного возраста он едва мог держаться в седле, но, как принято у галлов, он не хотел, чтобы данное обстоятельство стало причиной его освобождения от командной должности, равно как не хотел, чтобы сражались без него».

К постоянным упражнениям галлы добавляют строгую гигиену, которая подробно описана античными этнографами, правда, эти авторы до конца ее не понимают. «Притом, что они всецело заботятся о себе и любят чистоту во всех аспектах собственной жизни, они производят действие, совершенно непристойное и являющееся, по сути, крайне нечистоплотным — все члены своего тела они моют мочой, они чистят ею зубы и воображают, что тем самым совершают благодеяние для своего тела». На самом деле галлами уже тогда были открыты свойства аммиака, и вероятно, что намек Диодора на мочу отражает лишь непонимание его информатора (опять же, Посидония), когда тот вынужден был присутствовать при выделке какого-то вида мыла, которое, как считается, является галльским изобретением. Забота же о зубах в любом случае доказывает, что гигиена подразумевает не только чистоту тела, которая являлась и заботой о его красоте, но и борьбу с грязью (сегодня сказали бы: со всевозможными микробами).

Собственно медицина практикуется традиционным способом. Это, в частности, лечение целебными травами, за которыми признаны целительные свойства. Как и во всех архаичных обществах, знаниями об этих растениях обладают знахари, люди, живущие вне общества. Но, вероятно, с IV века до н.э. друиды лишают их монополии на это знание, придают медицине относительно конвенциональную форму и привязывают ее к религии. Забота о себе становится моральным долгом, что требует соблюдения этики и признания существования бо-

гов — прием лекарств, подношения и жертвоприношения идут рука об руку.

У всех воинственных народов широко распространена хирургия. Галлы здесь не являются исключением, тем более что их способ сражаться — крайне уязвимый. Отсутствие защиты тела компенсируется, видимо, лишь опасностью их наступательного оружия — очень острого и проникающего. В одном баварском захоронении рядом с оружием найден хирургический набор — скальпель, ланцеты и другие инструменты для лечения ран. Таким образом, возможно, что у каждого воинского соединения был свой хирург. Во всяком случае кости воинов, найденные в некрополях или на полях сражений, имеют множественные сросшиеся переломы, иногда тяжелые. Из этого можно сделать предположение, что раны лечились на месте. Оказывать первую помощь входило в обязанности оруженосца. Но по многочисленным примерам известно, что галльский воин без всяких колебаний сам мог вырвать стрелу, вонзившуюся в его тело.

ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА

Образование, к тому же весьма высококачественное, получают только дети из привилегированных классов — богатых и знатных. Школа становится элитным учреждением лишь благодаря появлению друидов. Следует думать, что до этого только дети аристократов получали регулярное образование от учителей, которые ходили на дом. Друиды, наоборот, учреждают настоящие школы, которые могут находиться весьма далеко от места проживания учеников. Они необязательно находятся в том округе, где проживают дети. В реальности речь идет о философских школах, как в досократической Греции, — местах, в которых получали универсальное

знание. Вот почему, в отличие от Греции или Рима, у учеников нет штатных педагогов. Они должны присутствовать при дискуссиях своих старших товарищей, к уровню которых они благодаря этому быстро приближаются. Образование универсальное. Преподается язык, математика, геометрия, а также история, теология, искусства, астрономия, ботаника и т.д.

Большое количество преподаваемых предметов и высокое качество знаний, требуемое от учеников, объясняют тот факт, что полный курс образования растягивается на двадцать лет. Это предполагает, что ребенок поступает в распоряжение друидов в совсем раннем возрасте. Когда по получении всех знаний он от них уходит, у него очень солидный уровень общей культуры, что делает его уважаемым человеком. Наилучшим примером человека, получившего блестящее образование, является эдуй Дивициак. Будучи воином, он получил высшее судейское звание, был назначен сенатором. Он путешествует за границу и достаточно хорошо для этого знает латынь. Его ораторский талант позволяет ему выступать перед римским сенатом, беседовать со столь же блестящим интеллектуалом Цицероном. Он способен примирять своих вспыльчивых соплеменников и вести переговоры с таким выдающимся человеком, как Цезарь.

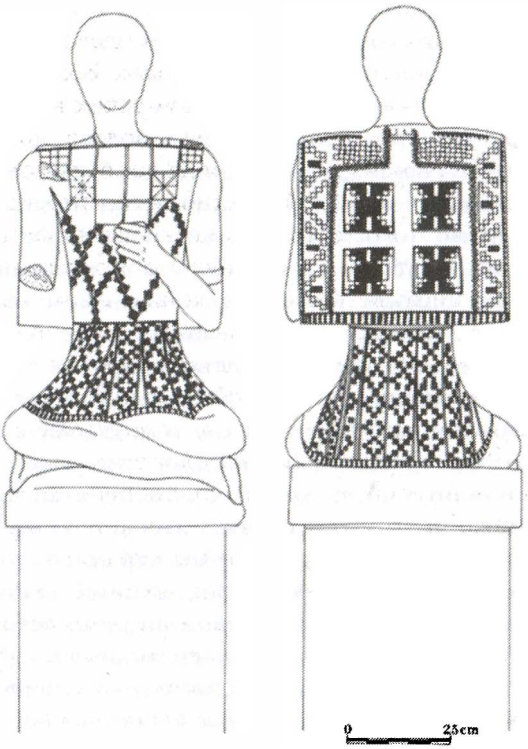
Представляется возможным, что Массалия весьма рано открывает двери своих греческих школ для юношества из галльских аристократических семей. Туда идут изучать риторику, философию и политические концепции греческих полисов и Рима, а также греческий алфавит и язык. То, что почерпнули галльские ученики в этих школах, оказало мощнейшее влияние на галльскую цивилизацию. Страбон со всей решительностью заявляет, что Массалия «совсем недавно (то есть до римского завоевания)

служила для варваров школой; она делала из галлов эллинофилов, и они впредь составляли свои договора только на греческом».

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

У галлов неумеренная страсть всячески украшать себя. Они любят одежду, украшения, прически. В Галлии «мы не увидим никого, даже среди женщин, живущих в крайней бедности, шатающимися в грязных лохмотьях, как это бывает в других странах», — пишет Тимаген. В вопросах одежды галлы весьма искушены. Одежда должна быть удобной и красивой. Может быть, именно они изобрели моду — ведь в этой области их творчество и художественный вкус проявляются наиболее успешно. Их основные нововведения в одежде будут усвоены римлянами и дойдут до наших дней. Так происходит со штанами — брака (галльское слово *braca*), которые они, возможно, скопировали с раздувающихся панталон скифов. То же самое с воинским плащом (галльское название *sagon*) — своего рода туникой, к которой могут приделываться рукава и которая ниспадает ниже поясницы. К боевым условиям она приспособлена лучше всего, и ее с удовольствием будут носить римские воины. Римляне также переняли кожаную обувь, которая у них называется *gallicae*. Одежды приспособлены абсолютно ко всем работам; они для всех сезонов и для всего спектра денежных возможностей. Так, зимний воинский плащ соткан из грубой, теплой шерсти, летний — вероятно, из льна. У крестьян своя одежда — что-то вроде плаща с капором, покрывающим голову. Это называется *cucullos*. В нем руки остаются свободными, и полевыми работами можно в нем заниматься круглый год. Этот вид одежды тоже сохранится до Средневековья.

Тип галльской одежды и ее украшения говорят о социальном происхождении и обязанностях хозяина. Члены собрания носят особый плащ. Если кто-либо из них мешает дебатам, то страж, уполномоченный следить за порядком, режет плащ дебошира на куски. Цари носят богато отделанные одеяния. Некоторые из них, как Адиатуан, разделяют данную привилегию со своими солдурами. Часто по одежде можно судить, происходит ли дележ власти или ее вручение. Стража посла от Битуита, отправляющегося к римлянам, одета так же богато, как и сам по-



Реконструкция одежды воина из святилища. V век до н.э. Прованс, Франция

сол. Одежды, лучше всего подогнанные и украшенные, являются символом власти.

Амбиорикс, когда берет в плен одного из полководцев Цезаря, Сабиния, ничуть не сомневается насчет персоны последнего. Он велит снять с него доспехи и одежду и убить его ударом дротика, сказав напоследок: «Как вы, в том положении, в котором передо мной стоите, собираетесь повелевать людьми столь могущественными, как мы?» И наоборот, отсутствие у элитных воинов всякой одежды должно означать, что их сила заключена в их телах и в их умении обращаться с оружием.

В сознании сильных мира сего одежда должна вызывать представление о роскоши. Вожди наемных войск от своих средиземноморских нанимателей требуют три типа подарков – золота, лошадей и богатых тканей. Три этих вида дорогих товаров, как указывает Полибий, можно легко унести с собой. Кроме того, они физически соприкасаются со своим владельцем. Страбон, опираясь на Посидония, писавшего о галлах конца II века до н.э., сообщает: «Самые уважаемые люди носят одежды, выкрашенные в чанах и расшитые золотом». Как и оружие, материя несет на себе самые дорогие украшения, которые она может выдержать. Чаще всего это полосы, которые на самых дорогих платьях выделяются нитями из золота. Очень ценятся клетки и шашечки. Но самое главное – это, конечно, яркие цвета, которые так поражают иностранцев.

Галлы всячески заботятся о волосах. «По природе их волосы белокурые, но они стараются подчеркнуть их природный цвет и оттенок с помощью аппретуры, выщелачивая их продолжительное время известковой водой. Они вытягивают их от лба к макушке и затылку, что делает их похожими на сатиров и панов. Благодаря этим операциям их волосы сгущаются до такой степени, что ничем не отлича-

Реконструкция костюма и украшений из захоронения женщины в могильнике у Мюнзингена. III век до н.э., Швейцария

ются от конской гривы. Некоторые бороду сбривают, другие, ее умеренно отращивают. Знатные бреют щеки, но носят усы — настолько длинные и свисающие, что они закрывают им рот». Вот такими мог видеть галлов Посидоний за пятьдесят лет до прихода в Галлию Цезаря. И снова мы констатируем, что разница в уходе за волосами на голове и теле следует определенным правилам и отражает социальные различия.

Но, конечно, в первую очередь положение каждого галла на шкале ценности и богатства определяется украшениями. Самые доблестные воины носят на шее золотое колье — наивысший знак воинского отличия. Другие мужчины, а также богатые женщины носят более-менее искусные бронзовые ожерелья. В древности их просто свивали, а в последующие времена обрабатывали в пластическом стиле. Галлы такие ожерелья называют

maniaces. Это самые ходовые, самые характерные для галлов украшения. Единственными украшениями другого вида являются браслеты (носимые на запястье) и нарукавные «повязки» (носимые на верхней части руки) – как правило, бронзовые и так же украшенные, как ожерелья. Известны экземпляры из железа или из лигнита. В таком случае они имеют вид крайне простой.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Автарит

Вождь галльских наемников, задействованных Карфагеном в Сицилии. Римляне захватывают Сицилию, а галльские наемники, не дождавшись обещанного жалованья, отправляются требовать его в Африку. Но карфагенский сенат решает не платить. Автарит, блестящий оратор, поднимает всех наемников на мятеж, вместе с самнитом Спендием и Мато Африканцем. Восстание длится три года и представляет для Карфагена огромную опасность. Автарит является столь же блестящим стратегом, как его давний наниматель, а теперь противник, — Гамилькар. Решив договориться с ним, Автарит попадает в собственную же западню. Он становится одним из десяти заложников Гамилькара, в обмен на которых будут оставлены в живых остатки армии наемников. Автарит и Спендий распяты на кресте в Тунисе.

Адиатуан

Царь сотиатов. В 56 году до н.э. он выступает против цезарийских армий под командованием П. Красса. Именно в связи с ним Цезарь сообщает нам о солдурах. В то время как сотиаты, укрывшись в своем главном оппидуме, обговаривают условия своей сдачи, царь Адиатуан с другой стороны в окружении 600 солдуров пытается ускользнуть из окружения. Они отброшены, но пощажены победителями.

То, что это была реальная фигура, подтверждается также монетами с надписью REX ADIETUANUS, на обратной стороне которых выгравирована надпись SOTIOTA.

Акко

Сенонский вождь, подстрекатель мятежа 53 года до н.э. против римлян. Вероятно, ему удается втянуть в войну карнутов, своих соседей, но не паризиев, с которыми карнуты когда-то составляли единое государство. Отпор Цезаря столь стремителен, что у Акко нет времени собрать население в *оппидумах*. Сеноны сдаются, а эдуи, с которыми их связывают узы дружбы, получают от Цезаря режим наибольшего благоприятствования. Сеноны отдают им сто заложников, среди которых определенно находится и Акко. Несколькими месяцами позже, на всегалльском собрании, проходящем в Дурокорторуме, заговор сенонов подвергнут осуждению, и Акко будет казнен «по древнему римскому обычаю», то есть выпорот розгами и обезглавлен. Эта показательная казнь окажет Цезарю плохую услугу. Она станет одним из поводов большого восстания галлов в 52 году до н.э.

Амбигат

Легендарный царь битуригов. Вероятно, был современником Тарквиния Приска (конец VII века до н.э.). Его имя означает «тот, кто сражается на два фронта». Тит Ливий сообщает, что в эту эпоху битуриги владычествовали над Центральной Галлией и что в Галлии был кризис перенаселения. Чтобы справиться с ним, Амбигат посылает двух своих племянников, сыновей его сестры, Белловеза и Сиговеза на поиск новых земель, придав им насколько можно больше людей. Каждый из них отправляется в направлении, определенном авгу-

рами: Белловез – на юг Италии, Сиговез – в Центральную Европу. За первым следуют битуриги, арверны, сеноны, эдуи, амбарры, карнуты и олерки. Достигнув юга Галлии, они помогают обосноваться фокейцам, а затем переходят Альпы и основывают будущий Милан.

Никакую историческую реальность с этой легендой сопоставить невозможно. Однако она хорошо иллюстрирует почти неизвестный начальный период истории Кельтской Галлии, когда только центра́льная часть Галлии была действительно кельтской (откуда идет ее название), и уже достаточно могущественные народы (битуриги, сеноны среди прочих) образовывали независимые, хотя и связанные друг с другом, государства.

Амбиорикс

Царь эбуронов, живущих на территории современной Бельгии, наряду с Катувольком. В 54 году до н.э. эбуроны предоставляют себя в распоряжение римских войск под командованием Сабиния и Котты. Но тревир Индуциомар уговаривает их перейти на другую сторону. Хитростью Амбиориксу удается разбить, а затем истребить римскую армию. Потом он уговаривает нервиев обернуться против войск Цицерона, вставшего у них на зиму. На следующий год он участвует в коалиции против Цезаря, организованной тревирами. Он приводит со своими войсками еще и менапиев, союзных с германцами. Цезарю удается отрезать его от них, оккупировав страну менапиев и перейдя Рейн. Амбиорикс вынужден укрыться в Арденнском лесу. Римляне находят его там, но ему удается ускользнуть. Тогда Цезарь решает полностью разорить страну эбуронов, чтобы Амбиорикс не смог там найти никакого пристанища. Однако Амбиориксу с эскортом из четырех всадников удается оторваться от своих

многочисленных преследователей. Возможно, ему удается воссоздать армию и поставить под угрозу неустойчивое положение римлян в стране эбуронов, поскольку в 51 году Цезарю приходится заново разорять все дома и земли, чтобы принудить его оставаться за пределами Галлии.

Анероэст

Царь трансальпийских гезатов — наемников с берегов Роны, которых инсубры и бойи в 233-м нанимают за немалое количество золота для борьбы с Римом. В Италию он прибывает лишь в 225-м, вместе с другим царем, Конколитаном, во главе мощной армии из 50 000 пехотинцев, 20 000 всадников, располагающей боевыми колесницами. Тем временем римляне перетянули на свою сторону венетов Италии и ценоманов. Таким образом, гезаты вынуждены оставить часть своих войск у себя в стране, чтобы защитить ее от возможной агрессии. Без особых трудностей они переходят Этрурию и, разбив римлян при Фьесоле, Анероэст решает перевезти к себе огромную добычу, которую он только что захватил. Здесь, на обратном пути, он остановлен у Теламона. 40 000 галлов погибает. Анероэст, укрывшийся вместе с семьей, убивает ее, а затем себя. Это один из самых знаменитых примеров обычая суицида у побежденных галльских вождей.

Битуит

Царь арвернов, сын Луэрна. Вероятно, это от него где-то в 125 году до н.э. исходит инициатива объединения с аллоброгами, чтобы помешать возрастающему эдуйскому могуществу. Последние взывают к помощи Рима, так как связаны с ним узами дружбы. В 121 году до н.э. на берега Роны прислан Домиций Агенобарб с мощной армией, имеющей слонов. Его цель — предотвратить соединение ар-

вернов с аллоброгами. Посольство Битуита к Домицию терпит неудачу. Тогда арверны в количестве около 200 000 человек спускаются с Севенн и сталкиваются всего с 30 000 римлян. Завидев их, Битуит заявляет, что тут едва ли чем будет покормить его псов. Последующие события показывают его неправоту. После продолжительной кровавой бойни ему едва удается сбежать с четвертью своих людей. Сразу после этого Прованс преобразуется в Римскую Провинцию. Битуит, который, вероятно, не является выдающимся полководцем, опасается продолжать войну и пытается договориться с римлянами. Определенно наивный, он принимает предложение Домиция о встрече. Тот его захватывает и увозит в Италию под тем предлогом, что Битуит должен сам договариваться в Риме непосредственно. В действительности же его просто держат в Альбе, а его сын Конгенциат взят в заложники.

Болгий или Белгий

Один из трех вождей, наряду с Бренном и Керетрием, великой кельтской экспедиции в 280 году до н.э. в Македонию и Грецию. Его имя («Белг»), возможно, говорит об этнической принадлежности возглавляемой им группировки — группы армий «Запад», обрушившейся на Македонию. Пройдя Иллирию, он вторгается в Македонию в области Монастир. Царь Македонии Птолемей II Керавн отказывается от переговоров с ним. Он разгромлен армией Болгия и убит. Его голову носят насаженную на пику, чтобы деморализовать сопротивляющиеся остатки македонских войск. Сам Болгий отмечает свою победу жертвоприношением самых красивых пленников и убийством остальных. Некоторое время он проводит в Македонии, грабя ее. Собрав огромную добычу, он, вероятно, возвращается в Галлию.

Браней или Бранк

Царь аллоброгов до 218 года до н.э. В этот год его лишает трона младший брат, имя которого неизвестно, он был поддержан молодым поколением своей страны. Это является впечатляющим примером конфликтов поколений в Галлии, которые выражаются в борьбе за трон, в которой иногда сталкиваются братья. В данном случае дело доходит до их физического столкновения. И когда Ганнибал, перейдя Пиренеи, приходит на берега Роны, он обнаруживает, что армии братьев готовы сцепиться друг с другом. Бранк обещает Ганнибалу помощь при переходе через Альпы, если тот поможет ему вернуть власть. Ганнибал так и поступает, морально поддержав институты аллоброгов, которые взамен поставляют ему продовольствие, оружие и сопровождают при переходе через горы.

Бренн

1. Галльский вождь племени сенонов, которое в начале IV в. до н.э. мигрирует в Цизальпинскую область. Где-то в 386 году он осаждает Клузий в Этрурии, затем идет на Рим. Победив римлян при Аллии, он входит в Рим и осаждает Капитолий. На побежденных он налагает контрибуцию в тысячу ливров (фунтов) золота. Но римляне обвиняют галлов в том, что они при взвешивании этого золота используют неправильные весы. Реакция Бренна такова: он швыряет свой меч в весы и произносит фразу: «Горе побежденным!» Фраза становится знаменитой и в латинском варианте звучит: «*Vae victis*!»

2. Один из вождей кельтского похода против Македонии и Греции в 280 году до н.э. Вместе с Акихорием он командует группой армий «Центр», направляющейся на Грецию. Эта армия состоит из 150 000 пехотинцев и 15–20 тысяч всадников. По-

бедоносно завершив в течение одного года кампании в Дардании и Пэонии, Бренн идет на Грецию. Основной целью является святилище в Дельфах, где, как полагают, содержатся немыслимые сокровища. Афиняне и фокидийцы пытаются остановить его при Фермопильском ущелье, но безуспешно. Зато ему не удается взять Дельфийское святилище. Греческая легенда гласит, что галлов остановило вмешательство самих богов. На самом же деле к неудаче приводит стечение факторов — помощь эолийцев, усталость галлов и, возможно, какая-то болезнь, овладевшая ими, равно как и суровая зима. Раненому Бренну удается бежать и присоединиться к войскам Акихория в Македонии. Он совершает самоубийство в Геракле в 278 году до н.э. Для греков Бренн является самим воплощением нечестивого варвара, не уважающего дары богов.

Верцингеторикс

«Верховный царь воинов». Знатный арверн. Сын Целтилла. Родился около 82 года до н.э. в Герговии. Был очень богат и располагал обширной клиентелой. Именно на деньги и на клиентелу он опирается, когда организует антиримскую оппозицию. Хотя ему не удается вовлечь всю арвернскую знать. Его дядя, Гобанницио, и другие вожди изгоняют его из Герговии. Но в округе ему удается собрать армию из плебеев, с которой он изгоняет своих противников. Эти партизаны провозглашают его царем. Его влияние растет не по дням, а по часам. Он посылает посольства ко всем галльским народам с воззваниями взять в руки оружие и освободить Галлию. На его сторону встают сеноны, паризии, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды и все народы океанского побережья. Его единогласно провозглашают верховным командующим. Бесспорно, он имеет все требуемые для этого качества — орга-

низационные способности, суровость, прозорливость. Он не уступает Цезарю ни в попечении о боеготовности своих войск, ни в дисциплине – тяжкие проступки караются смертью, за прочие калечат, в назидание другим.

Собрав сильную армию, он пользуется тем, что Цезарь отлучился в Италию, и привлекает на свою сторону битуригов, в то же время поручая Луктерию воздвигнуть барьер между Провинцией и страной арвернов. Но Цезарь возвращается из Италии, поражая галлов своей стремительностью и смелостью – в разгар зимы он отдает своей армии приказ перейти Севенны. Верцингеторикс вынужден отступить, но он еще предпринимает бесплодные попытки привлечь на свою сторону эдуев и бойев Горгобины. Затем он меняет тактику и прибегает к политике выжженной земли, чтобы лишить римлян всякого снабжения. Не только фермы и деревни, но и города должны быть разрушены. Битуриги позволяют разрушить двадцать своих городов, но отказываются принести в жертву Аварик – самый красивый город Галлии. Верцингеторикс соглашается с этим исключением. Тотчас Цезарь берет его в жестокую осаду, которая увенчивается успехом. Для Верцингеторикса это первое серьезное поражение. Но оно придает ему настойчивости в объединении всех галльских народов в противостоянии Риму. Спустя некоторое время Цезарь принимает решение поразить оппозиционное движение Верцингеторикса прямо в сердце, атаковав Герговию. Осада, битвы перед цитаделью, измена эдуев, героическое сопротивление галлов и искусные маневры Верцингеторикса заставляют Цезаря отказаться от этого плана.

Теперь эдуи присоединяются к Верцингеториксу. В Бибракте созывается всегалльское собрание, на котором отсутствуют только ремы и лингоны.

Несмотря на сопротивление новых эдуйских политиков, Верцингеторикс назначен верховным вождем. Даже аллоброги испытывают искушение присоединиться к авантюре. В катастрофической ситуации Цезарь вынужден вновь вернуться в Галлию. Галлы пытаются преградить ему путь в верховьях Сены, но терпят поражение. Верцингеторикс вынужден укрыться в Алезии. Другие галльские вожди решают сформировать и прислать на помощь армию в 258 000 человек, чтобы заставить Цезаря снять осаду. Но Цезарю всего с 50 000 человек удается разбить обе армии – армию Алезии и армию, спешащую ей на помощь. Осознавая масштаб катастрофы, Верцингеторикс решает сдаться Цезарю, чтобы спасти от смерти своих людей. Эта сдача происходит в крайне торжественной обстановке, как будто совершается религиозный ритуал. Верцингеторикс становится пленником, и его отправляют в Рим. Его предъявляют во время триумфа в 46 году до н.э. и в том же году казнят в тюрьме Тулианум.

На золотых и бронзовых монетах встречается надпись VERCINGETORIXC. Над ней изображена голова человека, которая в действительности является профилем Аполлона.

Вертиск

В 51 году до н.э. первый магистрат ремов. Он командует вспомогательной ремской кавалерией, сражающейся на стороне Цезаря во время второй кампании против белловаков. В то время ему уже очень много лет и он с трудом держится в седле, но «по галльскому обычаю», как сообщает Цезарь, он не желает, чтобы данное обстоятельство помешало ему командовать лично. Со своей кавалерией он попадает в одну из повседневных засад, которые белловаки расставляют врагам. Вертиск погибает.

Устранение гражданского и военного вождя ремов возвращает белловакам надежду.

Виридомар или Бритомар

Вождь гезатов, которых наняли инсубры в 222 году до н.э. В произошедшей в том же году битве при Класцидиуме Виридомар убит в поединке вождей самим консулом Марцеллом. Последний тем самым получает высшую для римлянина степень признания воинской доблести, принеся в Капитолий опимы, то есть доспехи вражеского вождя, убитого собственноручно.

Виридомар

Молодой знатный эдуй, «сопоставимый по возрасту и по влиянию» с Эпоредориксом, но уступающий ему в знатности. Протеже Дивициака, он рекомендован им Цезарю, который поручает ему миссии и почести. Карьерист, он впутывается в ссору между Конвиктолитавом и Котом в 52 году до н.э. Спустя некоторое время он предупреждает Цезаря о заговоре Литавикка, который распространяет ложные сведения о гибели двух молодых людей – Эпоредорикса и Виридомара. Но впоследствии оба предают Цезаря, встают на сторону Литавикка и Конвиктолитава и организуют убийство римских торговцев и гарнизона в Новиодунуме (Невер). Впредь эти двое остаются неразлучны и наряду с Коммием и Веркассивелавном командуют армией, идущей на помощь Алезии.

Геликон

Легендарный персонаж, чья личность и история упоминаются только у Плиния Старшего. Этот гельветский кузнец, кажется, должен был быть организатором первого кельтского вторжения в Италию. Пожив в Этрурии, где занимался своим ремес-

лом, он должен был бы вернуться к себе в страну с некоторым количеством средиземноморских товаров, неизвестных галлам – фиги, виноград, оливковое масло и вино. Галлы, без меры отведавшие этих продуктов и особенно вина, должны были бы принять решение пойти отведать все это на месте производства. Данная легенда противоречит историческим реалиям, особенно тому факту, что гельветы в V в. до н.э. еще не проживали на швейцарском плато. Тем не менее данный миф имеет подтверждение – спорадическое присутствие галльских ремесленников в Италии в раннюю эпоху, особенно тех, кто занимался работами по металлу. Уже в очень ранние времена этруски покупали галльское оружие, что подтверждают многочисленные захоронения.

Дивициак

Само имя переводится как «мститель». Оно принадлежит многим галльским персонажам, два из которых известны по произведению Цезаря.

1. Царь суэссионов, вероятно, правивший в начале I в. до н.э. (Цезарь пишет *nostra memoria*). В то время он «самый могущественный властитель во всей Галлии, господствующий над большей ее частью, а также над Британией». Его наследник, царь Гальба, вероятно, унаследовал большую долю его власти. Он властвует над белгами и сохраняет сильные позиции на острове Британия. Надпись ΔΕΙΟΥΙGΙΙΑCOC, относящаяся, по всей видимости, к этому царю, фигурирует как раз на бронзовых монетах суэссионов.

2. Самый знаменитый эдуйский политик. Выходец из знатной семьи, он должен был родиться в конце II в. до н.э. Ведь в 63-м или 62-м он уже сенатор и участвует в войне эдуев с секванами, которым помогают германцы Ариовиста. Он единственный

выживший в битве, в которой погибают все остальные эдуйские сенаторы. Тогда Дивициак вместе с семьей отправляется в Рим просить помощи, которой эдуйский народ, «брат римлянам по крови», вправе ожидать. Дивициак излагает эдуйскую проблему перед сенатом, но не получает никакой чаемой помощи. В Риме его у себя дома принимает сам Цицерон. И именно благодаря трактату последнего, *De divinatione*, мы узнаем, что Дивициак к тому же является друидом и что он сведущ в искусстве предсказания. По возвращении к себе в страну Дивициак получает высшую судейскую должность и встает во главе проримской партии. Очень быстро он находит общий язык с Цезарем, которому он остается самым верным галльским союзником и которому служит самым лучшим послом к другим галльским народам — в частности, тем, которые являются клиентами эдуев. Его влияние на Цезаря очень велико, и это помогает ему спасти своего брата Думнорикса, интригующего, чтобы получить личную власть, но также и гегемонию над Галлией и строящего планы борьбы с Римом. У Цезаря он также защищает интересы галльских округов, сетующих на злоупотребления секванов и Ариовиста. В 57-м он командует эдуйской армией, выступившей против белловаков — союзного эдуям народа, а также их клиента, чтобы те вышли из первой белгской коалиции. После победы Цезаря над белгами, в том же году, он упрашивает его быть снисходительным к белловакам, которые до 51 года не будут доставлять ему хлопот. Каков был конец его жизни — неизвестно. В 52-м высшая судейская должность эдуев оспаривается между Конвиктолитавом и Котом. Известно только, что Дивициак порекомендовал Цезарю двух молодых людей — Эпоредорикса и Виридомара. Таким образом, Дивициак играет только роль мудреца, которым он, видимо,

всю свою жизнь и был. В 44-м Цицерон говорит о нем еще в настоящем времени.

Дивико

Гельветский вождь племени тигуринов. Он командует своим племенем, когда оно присоединяется к кимврам и тевтонам. В 107 году до н.э. мы видим его пересекшим Римскую Провинцию, у нитиоброгов в области Ажан. Именно там консул Кассий Лонгин предпринимает тщетные попытки заставить их повернуть обратно. Дивико разбивает римскую армию, заставляет ее принять свои условия и убивает консула. В 58 году до н.э., когда тигурины терпят первое поражение от Цезаря, гельветы посылают Дивико к нему с посольством. Дивико требует разрешения поселиться на новой территории, которую хотят и гельветы, и римляне. Это просчет, из-за которого гельветы вновь встанут на тропу войны, как когда-то это было против Кассия. Последующие события выявляют его просчет. Цезарь разбивает гельветов и заставляет их вернуться на швейцарское плато. Но между тем тигурины исчезли и с военной сцены, и со страниц книги Цезаря. Когда он в лагере гельветов находит доскональную перепись всех, кто хотел мигрировать, он в ней не обнаруживает даже намека на численность тигуринов. Это доказывает, что они всегда сохраняли автономию и что Дивико ощущал себя скорее тигурином, чем гельветом.

Драпп

Сенонский вождь, вероятно, выходец из простонародья. В 52 году до н.э. он собирает разношерстную армию, включая рабов, которым он обещает свободу, преступников и ссыльных, со всех округов Галлии. В 51-м с 2000 человек он движется в направлении Провинции с кадурком Луктерием,

который в свою очередь сам мечтал об этом. Им преграждает путь легат Каниний. Они вынуждены укрыться в Укселлодуне, где легат незамедлительно подвергает их осаде. Драпп и Луктерий выбираются, чтобы пополнить запасы зерна, но их план терпит неудачу. Драппа берут в плен. Цезарь берет Укселлодун и приказывает отрубить по одной руке всем его защитникам. Между тем Драпп, боясь испытать подобные мучения, позволяет уморить себя голодом.

Дукарий

Инсубрский воин, прославившийся своим геройским поведением в битве при Трезименском озере в 217 году до н.э. Выследив консула Гая Фламиния по его доспехам, он говорит своим компаньонам: «Вот он, этот консул, который истребил наши войска, разорил наши поля и наш город. Я приношу его в жертву манам[1] наших сограждан, столь недостойно умерщвленным». Произнеся это, он бросается вперед на своем коне, прорывается сквозь вражеские когорты, убивает оруженосца консула, пытавшегося его остановить, и, наконец, пронзает консула копьем. Затем он пытается снять с него доспехи, но окружившие убитого триарии[2] мешают ему, покрыв того своими щитами. Вероятно, они опасались, что доспехи консула станут для галлов опимами[3].

Думнак

Вождь андов. В 51 году до н.э. он осаждает союзника римлян Дурация, укрывшегося в оппидуме Лемон (Пуатье). Но узнав, что на помощь Дурацию направляется легат К. Каниний, он атакует его ла-

[1] Души умерших. — *Примеч. пер.*

[2] Римский солдат третьей линии. — *Примеч. пер.*

[3] Трофейные доспехи, служащие доказательством проявленной в бою доблести. — *Примеч. пер.*

герь, но безрезультатно. За неимением лучшего он возобновляет осаду Лемонума. В то же время другой легат, К. Фабий, узнав о трудностях Каниния и Дурация, спешит соединиться с ними. Осознавая, что он не сможет бороться сразу с тремя противниками, Думнак решает отступить на север, на другой берег Луары – реки, которую трудно форсировать. Но Фабий, предугадав этот маневр, уже ждет его у единственного моста. Его люди застигают врасплох войска Думнака, обремененные обозами, и истребляют большую их часть. На следующий день две армии сходятся в кровавой битве, в которой Думнак вынужден уступить, потеряв 12 000 человек. Самому ему удается скрыться, и его впоследствии изгоняют из страны. Он долгое время вынужден скитаться и прятаться, прежде чем найдет убежище в самом отдаленном уголке Галлии – вероятно, на мысе Финистер.

Думнорикс

Знатный эдуй. Скорее всего его имя означает «царь теней» или «царь нижнего мира». Брат – вероятно, младший – Дивициака. Он становится зятем гельветского вождя Оргеторикса. Наряду с Дивициаком он воплощает собой политические расколы, которые, по словам Цезаря, затрагивают все знатные семейства. В противоположность своему брату он возглавляет оппозиционную Риму партию. Но контраст между ним и симпатичной личностью Дивициака еще более разительный. Думнорикс – популист. Он опирается на собрание и, подобно «демагогу» Луэрну, ищет популярности у простонародья. Он больше надеется на силу денег и торговли, чем на традиционные воинские ценности. Он не хочет быть уважаем за добродетель – он работает над тем, чтобы плести сложные комбинации семейных и политических альянсов. До пришествия Це-

заря он уже по меньшей мере один раз получал высшую судейскую должность — вероятно, сразу вслед за Дивициаком. Должно быть, он использует свою должность, чтобы в течение многих лет прибирать к рукам откуп налогов и таможенных пошлин. То есть он очень богат. Лучшим примером тому — его личная кавалерия, которой он лично командует и сам содержит, предоставляя ее услуги государству. Она выступает как вспомогательная сила, которую эдуи предоставляют Цезарю.

Его участие в военных событиях, связанных с римским завоеванием, сполна раскрывает его мутную, притворную личность, лишенную всякого уважения к своему брату. Официально союзник римлян против гельветов, втайне он действует заодно с последними. Цезарь раскусил его плутни, и Дивициак вынужден его защищать и ради его спасения ставить на кон всю свою репутацию. Потом, абсолютно отказав ему в доверии, Цезарь будет во всех походах брать его с собой, чтобы тот был у него всегда на виду. Так, в 54 году до н.э. Цезарь принудительно берет его с собой в Британию. Но Думнорикс отказывается сесть на судно и сбегает вместе со своей кавалерией. Римская кавалерия бросается ему вдогонку и вынуждена его убить. Он умирает со словами, возможно, слишком поздно прозвучавшими, что «он свободный человек и принадлежит к свободному народу». На многих эдуйских монетах присутствует имя DVBNOREX или DVBNOREIX, иногда с изображением воина, облаченного в латы, держащего в одной руке знамя с вепрем, а в другой — отрубленную голову.

Индуциомар

Тревирский политик, тесть Цингеторикса, у которого он оспаривает высшую судейскую должность в 54 году до н.э. Глава антиримской партии,

он пытается поднять вождей тревиров и соседних с ними народов против Цезаря. Но тот реагирует крайне оперативно, задействуя значительные средства. Индуциомар вынужден подчиниться, начать переговоры и оставить римлянам заложников, среди которых и его собственный сын. На своего брата, утвердившегося в своих правах, он затаивает непомерную злобу. Зимой 54/3 года Индуциомару удается восстановить антиримскую коалицию. Он созывает военный совет, на котором, можно точно сказать, в соответствии с древней традицией предает смерти последнего явившегося на него. Также он велит изгнать своего зятя. Как и у Думнорикса, у него должна быть личная кавалерия, которой он командует и от которой он в бою никогда не отделяется. С ней он непрерывно кружит вокруг лагеря Лабиена. Но тот расставляет ему свою ловушку – с помощью Цингеторикса он втайне собирает по соседним галльским округам значительное количество кавалерии, сражающейся так же, как кавалерия Индуциомара. Однажды, когда последний устраивает привычную кавалькаду вокруг римского лагеря, Лабиен бросает всю эту кавалерию с приказом в первую очередь убить Индуциомара. Это и происходит, когда тот уже готов ускользнуть через брод одной речки. Его отрубленная голова, на галльский манер, принесена в лагерь, а остальные его всадники истреблены.

Катуманд

Лигурийский или галльский вождь, чье имя означает «боевая лошадка». Непонятно, в какое время (незадолго до взятия галлами Рима) он поставлен коалиционными галлами и лигурами во главе многочисленного войска, ведущего осаду Массалии. Трог Помпей, вокантий по происхождению, вероятно, пересказывающий эту историю по

семейным архивам, сообщает, что во время этой осады Катуманд видит сон, в котором ему приходит некая женщина, возможно, богиня, она велит ему заключить мир. Проснувшись, Катуманд просит у массалийцев пропустить его в город, чтобы почтить там их богов. Войдя в храм Минервы, в чертах статуи он распознает то божество, которое явилось ему во сне. Он говорит с похвалой о богах массалийцев и преподносит Минерве золотое ожерелье. Осада снята, а между Массалией и автохтонами заключен мир.

Коммий

Атребатский политик, которого Цезарь делает царем над его народом после победы над ним в 57 году до н.э. Цезарь характеризует его как «смелого, умного и верного». В 55 году он отправляет его с посольством на остров Британия, чтобы привлечь на сторону Рима как можно больше британских вождей и народов. Эта миссия объясняется тесными, давними связями, которые атребаты поддерживают с жителями Британии – вероятно, с тех пор, как фракция белгской народности атребатов в III в. до н.э. покинула континент, чтобы обосноваться на острове. Несмотря на все его родственные и дружеские связи, Коммия с момента его прибытия на остров держат в плену, хотя и относятся уважительно. Когда Цезарь выходит победителем из борьбы с прибрежными народами, Коммия отдают ему как разменную монету. Видимо, последний не держит никакого зла на британцев, так как именно он служит посредником Кассивелавна, когда тот обговаривает условия своей сдачи Цезарю. Коммий командует кавалерией. Всего лишь с 30 всадниками он оказывает огромную помощь Цезарю в одном из его сражений в Британии. Также с кавалерией, возможно, придав

какие-то подкрепления, Цезарь оставляет его блюсти надзор над менапиями после победы над ними в 53-м. В это время Коммий становится одним из самых могущественных галльских союзников Цезаря, как, например, Дивициак. Цезарь оставляет его округу местные галльские законы, учреждения, освобождает от налогов, а также предоставляет Коммию суверенитет над моринами. Но, возможно, эти привилегии и полномочия избыточны, а, может быть, Цезарь скрывает от нас, что между ним и Коммием пробежала черная кошка? Ведь уже в 52-м Коммий активно участвует в формировании армии на помощь Верцингеториксу. После капитуляции Алезии в 51-м он с белловаком Корреем участвует в создании огромной белгской коалиции. Разгадавший эти ходы Лабиен пытается хитростью ликвидировать Коммия, во время одной из встреч с Волусеном Квадратом. Коммий тяжело ранен ударом меча в голову, но остается цел. Тогда он клянется никогда более не иметь дела с римлянами. Во время второй кампании Цезаря против белгов Коммий со свойственной ему энергичностью отбывает за подкреплениями к германцам и возвращается с 500 всадниками. Однако ожесточенное сопротивление белгов не может обескуражить войска Цезаря. Белловаки сдаются и вручают себя великодушию последнего. Коммий ускользает к германцам вместе со всадниками, которых он у них набрал. Затем он возвращается в свой округ, подчинившийся победителю, которому он продолжает досаждать со своей кавалерией. Ущерб от Коммия столь велик, что после устроенной на него очередной засады, как всегда с участием Волусена Квадрата, который на этот раз сам получает тяжелое ранение, ему предлагаются исключительные условия сдачи — он сможет уйти, куда захочет, то есть подальше от римлян. И он действительно

укрывается на острове Британия, где у островных атребатов основывает династию. В 30-х годах I в. до н.э. ему наследует его сын Тинкоммий.

Конвиктолитав

Эдуйский политик. В 52 году до н.э. он оспаривает высшую судейскую должность у Кота – брата предыдущего вергобрета, Валециака. Каждый считает себя достойным этой должности. Сенат, собрание, партии расколоты, и возникает угроза гражданской войны. Эдуйские депутаты просят помощи у Цезаря, который для этого созывает большое собрание в Децизе. Цезарь констатирует, что Конвиктолитав был избран в соответствии с эдуйскими правилами и при председательстве жрецов, и поэтому власть должна принадлежать ему. Но в 52 году Цезарь совершенно не контролирует своих галльских союзников – его новый должник не противится предложениям выгодных союзов, предлагаемых ему арвернами. Он также не прочь добиться большей власти. Вместе с Литавикком Конвиктолитав принимает сторону партии войны и вовлекает эдуев в большой галльский союз, возглавляемый Верцингеториксом. Он поощряет грабеж римских торговцев в Галлии.

Коррей

Белловакский политик, который с атребатом Коммием руководит коалицией белгских сил в 51 году до н.э. Именно ему белгские вожди единогласно поручают руководство боевыми действиями, поскольку он одержим лютой ненавистью к римлянам. Он лично участвует в боях. С 6000 пехотинцев он устраивает засаду римским фуражирам. Но дело принимает плохой оборот. Галлы терпят поражение, некоторые сбегают. Коррей с несколькими воинами сопротивляется и, прежде чем погибнуть

под вражескими стрелами, убивает множество римлян. Узнав о его смерти, белловаки сдаются и через своих эдуйских друзей ищут оправдания у римлян. На мертвого Коррея теперь сваливают всю вину за мятеж белловаков. Цезарь демонстрирует недоверие, но понятно, что у Коррея, видимо, не было сторонников из числа знати и сенаторов, что он опирался на собрание и плебс – выразителей вражды к римлянам.

Кот

Эдуйский политик. В 52 году до н.э. он пытается с помощью своего брата Валециака добиться должности вергобрета, которой тот владел в прошлом году, добившись ее силой. Он со своей необычайно могущественной семьей отказывается признать законность избрания на этот пост Конвиктолитава. Они готовы взяться за оружие и обострили до предела все традиционные разногласия между вождями, знатными семьями и собраниями. Цезарь, осознающий риск гражданской войны, к которой может привести данная ситуация, созывает большое собрание эдуйского народа в Децизе и заставляет всех признать, что правом на должность вергобрета обладает Конвиктолитав. Когда эдуи, ведомые Конвиктолитавом, принимают участие в большой коалиции, возглавляемой Верцингеториксом, Кот остается верен всенародному решению. Он командует кавалерией и участвует в грандиозной битве на территории секванов, до осады Алезии, в которой сходится кавалерия галлов, римлян и германцев. В ней Кот взят в плен.

Котуат или Гутуатер

Карнут наряду с Конконнетодумном – подстрекатель к убийству римских торговцев в Ценабуме в начале 52 года до н.э. Обоих Цезарь характеризу-

ет как «людей, от которых больше нечего ждать». Эта агрессия, новость о которой быстро облетает большую часть Галлии, становится сигналом ко всеобщему восстанию. В следующем году, когда Цезарь побеждает карнутов, он заставляет их самих разыскать виновного в данном преступлении, которое он считает главной причиной войны. После многих поисков к нему приводят человека, который в книге VIII фигурирует под именем Гутуатер. Есть все основания считать, что Гутуатер и Котуат – это одно и то же имя, фигурирующее в манускриптах «Галльской войны» Цезаря в неверной транскрипции.

Литавикк

Знатный эдуй. Выходец из очень влиятельной семьи. Конвиктолитав, которому Цезарь пожаловал высшую судейскую должность и который, несмотря на это, возглавил антиримскую партию в своем округе, входит в контакт с Литавикком в 52 году до н.э., узнав, что он и его братья тоже настроены против Цезаря и благосклонны к арвернам. Он доверяет ему десятитысячную армию, которая официально должна оказать содействие Цезарю под Герговией. Прибыв под Герговию, Литавикк сообщает своим людям ложную новость (убийство Цезарем Эпоредорикса и Виридомара), чтобы они повернули оружие против того, кому призваны были помочь. Он убивает сопровождающих его римских граждан, грабит запасы провианта, которые он должен доставить Цезарю. Но ему не удается убедить всех эдуев пойти за ним. Тем более что Эпоредорикс и Виридомар из ненависти к Литавикку предупреждают Цезаря о заговоре. Когда эдуи убеждаются, что двое молодых людей живы и здоровы, они обращают оружие против Литавикка, который вместе со всеми своими клиентами вынужден скрываться в

Герговии. Его имущество и имущество его братьев конфисковано. После поражения Цезаря под Герговией Литавикк со всей галльской кавалерией отправляется к эдуям, чтобы поднять их на мятеж. Его принимают в Бибракте, где находится и Конвиктолитав. Что происходит потом – неизвестно.

На серебряных монетах, приписываемых эдуям, под изображением кавалерийского вождя, несущего флаг с вепрем, можно обнаружить запись LITA. Весьма соблазнительно посчитать, что это изображение Литавикка.

Луктерий

«Борец» – так переводится его имя. Кадуркский вождь, с начала 52 года до н.э. подвизающийся у Верцингеторикса. Верцингеториксом с частью его войск он послан к рутенам, чтобы перетянуть их на свою сторону, тогда как сам Верцингеторикс занимается битуригами. Луктерий совершает даже гораздо больше ожидаемого, так как он перетягивает еще и нитиоброгов и габалов, которые дают ему заложников и даже рассматривает возможность захвата Провинции. Но когда он понял, что Цезарь по всему периметру Римской Провинции расположил свои отряды, ему приходится повернуть обратно. Мы вновь видим Луктерия на исторической сцене в 51-м, на этот раз в качестве союзника Драппа, который сам вынашивает проект атаковать Провинцию. За ними в погоню бросается легат К. Каниний. У отступающего Луктерия нет никаких планов, кроме грабежа и дестабилизации римской администрации. Он останавливается в своих краях и вместе с Драппом обосновывается в цитадели Укселлодунум, которая когда-то входила в его клиентелу. Но Канинию удается замкнуть вокруг нее кольцо осады. Луктерию и Драппу, вышедшим на поиски продовольствия и помощи, не удается войти обрат-

но в крепость. Луктерий бежит и укрывается у дружественных вождей, но ни у кого не задерживается надолго, из-за страха выдачи. Но как раз это и случается у арверна Эпаснакта, который велит заковать его в цепи и выдает Цезарю.

Луэрн или Луэрний

Знатный арверн. Его имя переводится как «лис». Он является отцом царя Битуита, сражавшегося с римлянами в 121 году до н.э. Таким образом, он родился в начале II века. Он нам известен благодаря красочному описанию Посидония Апамейского, который сам его позаимствовал у какого-то более древнего автора – вероятно, у Семпрония Аселлио. Луэрн предстает как очень богатый аристократ, который проводит крайне пышную предвыборную кампанию. Он разъезжает на своей колеснице и, походя, разбрасывает золото встречным представителям плебса. С той же целью он устраивает роскошные пиры, на которые приглашаются все. Один бард, слишком поздно прибывший на такую пирушку, декламирует в честь Луэрна поэму, в которой оплакивает, что не может воспользоваться всеми его щедротами. Луэрн, наравне с юмором безгранично любящий лесть, бросает ему кошелек с золотом.

Оргеторикс

Его имя означает «царь убийц». Знатный гельвет, «самый могущественный как по происхождению, так и по богатству», – сообщает нам Цезарь. Крайне амбициозный, он мечтает стать царем и с этой целью втягивает всю Галлию во внутренние дела своей страны. В 61 году до н.э. он осуществляет сговор с частью знати, чтобы убедить народ гельветов покинуть швейцарское плато, которое он считает слишком тесным для проживания

столь могущественного и доблестного народа, и обосноваться где-нибудь в сердце Галлии, где к этому народу гегемония вернется сама собой. Решение о таком мероприятии принято, и приготовления под руководством Оргеторикса длятся три года. В этот период он вступает в союз с двумя политиками соседних округов – эдуем Думнориксом и секваном Кастиком, такими же властолюбцами как и он, – чтобы каждый из них троих получил у себя безграничную власть и чтобы они втроем правили всей Галлией. С этой целью он отдает свою дочь в жены Думнориксу. Но благодаря доносу о заговоре становится известно всем гельветам, и Оргеторикса вызывают на суд. Туда он прибывает с 10 000 человек – своими домочадцами, клиентами и всеми своими должниками. Процесс не может состояться. Такое поведение раздражает большинство политиков, которых, впрочем, Оргеториксу удается привлечь на свою сторону. Поэтому магистраты, чтобы доставить его на суд, поднимают против него армию. Но во время всего этого переполоха Оргеторикс внезапно умирает. Многие тогда считают, что он покончил с собой. Однако проект гельветской миграции, замысленный Оргеториксом, разворачивается, как и было запланировано, в 58-м. Известно, что это становится предлогом для римской интервенции. Дочь Оргеторикса и один из его сыновей сами в результате битвы Цезаря с гельветами станут его пленниками и, вероятно, заложниками.

Тасгетий

Знатный благородный карнут, предки которого были царями в своем округе. С самого начала римского завоевания он заявляет Цезарю о своей поддержке, полностью оградив свой округ от превратностей войны. В 57 году до н.э. большинство

легионов Цезаря встает на зимние квартиры у карнутов. Спустя некоторое время по возвращении из Италии весной 56-го Цезарю удается сделать Тасгетия царем. Но в 54-м в результате заговора нескольких карнутов он убит. Тотчас Цезарь посылает к карнутам легион Л. Планка, чтобы он встал там на зимовку.

Целтилл или Целтиллий

Знатный галл, отец Верцингеторикса. Вероятно, около 80 года он получает высшую судейскую должность. Это эпоха, когда арверны, оправившись после поражения Битуита, вновь обрели свое давнее могущество и гегемонию над Галлией. Согласно Цезарю – единственному, у кого встречается упоминание об этом человеке, – он, кажется, попытался в собственных интересах реставрировать царскую власть. Вероятно, это стало причиной, по которой соплеменники предали его смерти.

Цингеторикс

Тревирский политик, зять Индуциомара. Его имя означает «вождь воинов». В 54 году до н.э. зять и его тесть оспаривают друг у друга власть. Цингеторикс представляет проримскую партию, Индуциомар – противоположную. При приближении Цезаря, обеспокоенного тем, что тревиры никого не присылают на его собрания, Цингеторикс отдает себя во власть римлян, а его тесть пытается поднять войска. Цезарь отдает власть Цингеториксу, из-за чего Индуциомар затаил на него необычайную злобу. Впрочем, Цингеториксу не удается воспользоваться дарованной властью. Он объявлен «врагом народа», и его имущество конфисковано. По прошествии победоносной кампании Лабиена против тревиров в 53-м Цезарь поручает ему высшую судейскую должность и военную власть.

Эпоредорикс

«Царь возничих колесниц» — так переводится его имя. Молодой, знатный эдуй, выходец из очень благородной, влиятельной семьи, он до 52 года до н.э. наряду с Виридомаром был рекомендован Цезарю Дивициаком. Вероятно, этой двоице была придана эдуйская кавалерия. Вполне заблаговременно они предупреждают Цезаря о заговоре Литавикка, который желает втянуть эдуев в войну, и тем самым позволяют ему этот заговор сорвать. Суть заговора Литавикка состояла в том, что он распространил ложную весть об убийстве римлянами двух молодых людей — Эпоредорикса и Виридомара, заподозренных ими в измене. Но на самом деле их лояльность Цезарю была лишь видимостью и носила тактический характер. Как только они поняли, что у Цезаря большие трудности с Верцингеториксом, у них все мысли лишь о том, как поднять мятеж эдуев. Впрочем, Цезарь не вполне им доверяет. Под тем предлогом, что им надо уберечь эдуев от мятежа, они отделяются от римской армии и следуют в Новиодун (Невер), где есть римские торговцы и большая часть обозов армии Цезаря, а также галльские заложники, которых Цезарь держит здесь, и резерв лошадей, поступивших из Италии. Двое молодых людей приказывают перебить гарнизон, захватывают деньги, лошадей и уводят заложников в Бибракт, чтобы иметь сильные позиции в переговорах о союзе с арвернами. Несмотря на авторитет эдуев у большей части союзных сил, которых они кнутом и пряником склонили воевать против Цезаря, двум молодым карьеристам не удается у Верцингеторикса выдвинуться на первые роли. В военных действиях они участвуют неохотно. Все же Верцингеторикс поручает Эпоредориксу армию в 10 000 пехотинцев и 600 всадников для того, что-

бы атаковать страну аллоброгов и угрожать Провинции. План Верцингеторикса проваливается. А Эпоредориксу вновь поручается важная задача – наряду с Коммием и Веркассивелавном он наряду с неразлучным Виридомаром должен командовать большой коалиционной армией, направляющейся на помощь Алезии. Погибает ли он там, или ему удается сбежать – неизвестно.

♦ Письменные источники о галлах до начала нашей эры

Хронология	Автор	Предмет исследования	Источник
		До нашей эры	
VI в.	Гекатей	Города и народы в Галлии	
Начало V в.	Гимилькон	Атлантическое побережье	Авиен
V в.	Геродот	Элизукой и Карфаген	
IV в.	Платон	Опьянение и одурманивание у кельтов	
	Эфор	Первый трактат по истории и этнографии	Полибий, Диодор
	Аристотель	Нравы, политический уклад	
	Пифей	Атлантическое побережье	Страбон, Полибий
IV–III вв.	Тимей	История, нравы и религия	Полибий, Диодор, Страбон
III в.	«Магия»	Первое упоминание о друидах	Диоген Лаэрций
III–II вв.	Катон	Происхождение народов, нравов	
II в.	Полибий	Галлы Цизальпинской области	Тит Ливий
Конец II в.	Артемидор	Первый трактат по географии	Страбон, Марциен
	Валерий Антиас	Кимвры и тевтоны	Тит Ливий
	Посейдоний	Первый трактат по этнографии	Цезарь, Диодор, Страбон
		История, друиды	Тацит, Атеней
II–I вв.	Александр Полистор	Философия, друиды	Клемент Александрийский

	Варрон	Сельское хозяйство, охота	Блаженный Августин, Авлий Геллий
		История, галльские слова	Плиний
	Цицерон	Гадание, Дивициак, общественные места	
	Цезарь	История завоевания	
I в.	Диодор	История, география, этнография	
	Тимаген	История, эпос, мифология	Трог Помпей, Аммиан Марцеллин
	Николай Дамасский	История, нравы	
Конец I в.	Трог-Помпей	История, миграции	Юстин
	Дионисий Галикарнасский	Галльские вторжения в Италию	
	Тит-Ливий	Общая история	
	Страбон	География, нравы	
	Валерий Максим	Особенности нравов	
Наша эра			
Начало I в.	Помпоний Мела	География Галлии	
	Лукан	Гражданская война, религия	
I в.	Плиний Старший	География, этнография, растения, животные, медицина, религия	
	Силий Италик	Пунические войны, нравы	
Конец I в.	Тацит	Этнография германцев	по Посидонию

	Плутарх	Вторжения в Италию, история, особенности нравов	по Посидонию
	Флор	История	по Трогу Помпею
II в.	Арриан	Охота	
	Павсаний	Галлы в Греции	
III в.	Диоген Лаэрций	Философия, друиды	
	Атеней	Кулинария	отрывки из Посидония
IV в.	Аммиан Марцеллин	История, география	
	Авиен	Атлантическое побережье	по Гимилькону

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ 3

ГАЛЛЫ 9

I. ИСТОРИЯ 15

ИСТОРИЯ, ОТМЕЧЕННАЯ ВОЙНАМИ И ВТОРЖЕНИЯМИ 17

КЕЛЬТЫ — ПРЕДКИ ГАЛЛОВ 21

ГАЛЬШТАТСКИЕ КНЯЗЬЯ И ЛАТЕНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 23

Хронология эпохи железа 28

ВЕЛИКИЕ ВТОРЖЕНИЯ 28

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ: РИМСКАЯ УГРОЗА 32

ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА И НАЧАЛО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ 37

ЦЕЗАРЬ В ГАЛЛИИ 40

РИМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ 49

ОСНОВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ 55

До кельтов 55

Кельты 55

Галльские вторжения в Италию 56

Кельтские и галльские вторжения в Грецию и Малую Азию 58

Римское завоевание Цизальпинской области 60

Галлы и Пунические войны 61

Последние вспышки сопротивления цизальпинских галлов 63

Два последних столетия независимости Трансальпийской Галлии 64

Галльская война 69

Галлия при Римской империи 71

Разделение Трансальпийской Галлии по округам (*civitates*) в августовскую эпоху 74

II. ГАЛЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ 76

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ 78

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ТЕРРИТОРИИ И НАРОДЫ 82

ТЕРРИТОРИИ МИГРАЦИИ 84

ТЕРРИТОРИИ СО СМЕШАННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ 87

ТЕРРИТОРИЯ ОДНОГО НАРОДА 90

МИНИМАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ 92

РАЗБРОСАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ 95

УКРЕПЛЕННЫЕ МЕСТА, ИЛИ ОППИДУМЫ 97

III. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 102

ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ-ПЛЕМЕНИ (CIVITAS) 106

КЛАССЫ ОБЩЕСТВА 108

Общественное расслоение 108

Непостоянная знать 116

Клиентела 118

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ 122

Галлы и политика 122

Государство и природа политических режимов 124

Неосязаемая царская власть 126

Судопроизводство 130

Собрания 133
Политические партии 137
Выборы, ценз, переписи 140
Своды законов 141
ПРАВОСУДИЕ 143
Право 143
Правосудие 145
ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 149
Доходы 151
Государственная казна 153
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ 154
Войска или армия? 154
Воин 156
Снаряжение и вооружение 157
Нравы воинов 161
Наемничество 163
Стратегия 164
Морской флот 167
IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ 170
ВЫГОДЫ ВОЙНЫ 173
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 175
РЕМЕСЛЕННИЧЕСТВО 181
РУДНИКИ 190
ТОРГОВЛЯ 191
ВЕСА, МЕРЫ, МОНЕТЫ 196

ГАЛЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК 201

V. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ 203
ПРОСТРАНСТВО И ВСЕЛЕННАЯ 204

ВРЕМЯ 208
КАЛЕНДАРЬ 210
«Календарь из Колиньи». Месяцы Самон и Думанн второго года 211
СТАДИИ ЖИЗНИ И ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА 215
Рождение 216
Детство 217
Этапы жизни 219
Свадьба 220
Смерть 221
Похороны 223
VI. РЕЛИГИЯ 228
ЖРЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ И ДРУИДЫ 231
ОБРЯДЫ 237
МЕСТА ОТПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТА 242
ВОИНСКИЕ РИТУАЛЫ 249
ГАДАНИЯ 255
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ 261
БОГИ 262
ВЕРОВАНИЯ 269
МИФОЛОГИЯ 272
МАГИЯ 277
VII. СЛОВЕСНОСТЬ И УЧЕНОСТЬ 281
ГАЛЛЬСКИЙ ЯЗЫК 282
ЛИТЕРАТУРА 287
ФИЛОСОФИЯ 290
НАУЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ 295
VIII. ИСКУССТВА 300
АРХИТЕКТУРА 304

СКУЛЬПТУРА 305
ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО 309
ЧЕКАНКА МОНЕТ 314
МУЗЫКА 316

IX. ДОСУГ 320

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ 320
ОХОТА 322
ВЕРХОВАЯ ЕЗДА И ТРЕНИРОВКИ 324
ПИРЫ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ИГРЫ 326
ОПЬЯНЕНИЕ И ОДУРМАНИВАНИЕ 329
ПУТЕШЕСТВИЯ 332

X. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ 335

ГАЛЛЬСКИЕ ИМЕНА 337
ЖИЛИЩА 338
ЖЕНЩИНА 347
ДЕТИ 351
СЕКСУАЛЬНОСТЬ 353
ЗДОРОВЬЕ, ГИГИЕНА И МЕДИЦИНА 355
ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА 357
ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ 359

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК 364

Научно-популярное издание
Гиды цивилизаций

Брюно Жан-Луи

ГАЛЛЫ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Редактор *Е.С. Лазарев*
Корректоры *Б.С. Тумян, О.Н. Богачева*
Верстка *Н.В. Гришина*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 21.02.2011. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ 5035.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жан-Луи Брюно

ГАЛЛЫ

Галлы для греков и римлян были варварами, европейским романтикам они представлялись вдохновенными поэтами и мужественными героями, для французских историков XIX века они являлись национальными героями, для нас галлы остаются загадочным исчезнувшим народом. Их великолепная цивилизация, существовавшая всего несколько столетий, была поглощена соседними культурами – возможно потому, что она была им слишком близка. Книга французского историка Ж.-Л. Брюно приглашает в увлекательное путешествие во времени, благодаря которому читатель сможет открыть для себя удивительный и поэтичный мир древнего народа.

ISBN 978-5-9533-4656-6

9 785953 346566

Вече 20 лет